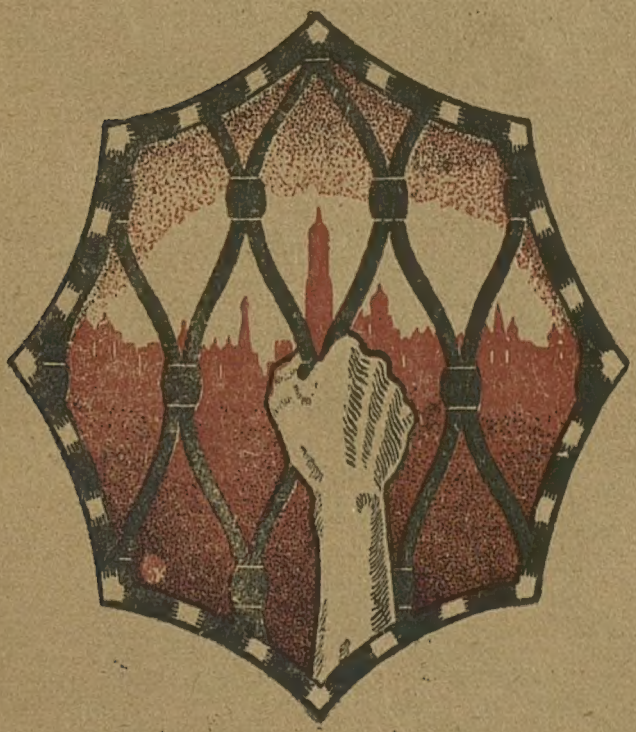
Эр 1
558

Эр1 558

В. ДАВАТЦЪ.

ГОДЫ

ОЧЕРКИ ПЯТИЛѢТНЕЙ БОРЬБЫ.



БѢЛГРАДЪ.

1926

ЭР1
558

В. ДАВАТЦЪ

ГОДЫ

ОЧЕРКИ ПЯТИЛѢТНЕЙ БОРЬБЫ

Съ приложеніемъ полнаго списка знаменъ и регалій Русской Арміи, хранящихся въ русской церкви въ Бѣлградѣ.

БѢЛГРАДЪ
РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ, КОСМАЙСКАЯ 20
1926

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33350 1982 г.

Обложка и виньетки работы

Л. Ковалевской-Рыкъ.

V сер 45874

РОДНОМУ 6-му АРТИЛЛЕРІЙСКОМУ

ДИВИЗІОНУ

съ глубокой благодарностью

посвящаетъ

АВТОРЪ.

Будь вѣренъ до смерти,
и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни.

(Откровеніе Св. Іоанна, II 10).

Два года тому назадъ, совмѣстно съ Н. Н. Львовымъ, я выпустилъ книгу: „Русская Армія на чужбинѣ“.

Настоящая книга является естественнымъ продолженіемъ первой; но между ними есть существенное различіе.

Авторы первой книги задавались цѣлью обратить все вниманіе на героическую борьбу Главнокомандующаго въ Константинополѣ и на не менѣе героическую борьбу за русское дѣло славныхъ частей Галлиполи и Лемноса. Остальной путь Русской Арміи былъ только слегка намѣченъ.

Теперь моей цѣлью является — обрисовать жизнь Русской Арміи за всѣ эти пять лѣтъ борьбы, вскрыть всю обстановку этой жизни, объяснить причины многихъ явленій — и показать, что путь ея — былъ единственно правильнымъ русскимъ путемъ.

Безъ ненависти къ политическимъ врагамъ и безъ пристрастія къ политическимъ друзьямъ, писалъ я эту книгу, съ однимъ намѣреніемъ — вскрыть въ ней чистую правду.

Говорить ли для кого писалъ я эту книгу? Говорить ли, что всегда передъ моими глазами стояли русскіе воины, — въ видѣ шахтеровъ, пограничниковъ, мелкихъ служащихъ, чернорабочихъ, — съ великимъ терпѣніемъ несущіе свой крестъ и съ великой честью несущіе русское имя?

Только для нихъ, которые часто не сознаютъ своего подвига, рылся я въ архивныхъ документахъ и извлекалъ изъ нихъ камни для своего зданія.

Это зданіе не было бы построено, если бы въ моей работѣ я не получилъ необходимой помощи.

Я приношу глубокую и сердечную благодарность генералу барону П. Н. Врангелю, предоставившему мнѣ возможность пользоваться архивомъ, воинскимъ частямъ, приславшимъ свои информаціи и снимки, и всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ своими совѣтами и подѣлившимися со мною своими свѣдѣніями.

В. Даватцъ.

30 ноября 1925 г.
Гор. Бѣлградъ.

ГЛАВА I.

РОССІЯ ВЪ МАЛОМЪ.

Когда началась эмиграція? Русская эмиграція — „Россія въ маломъ". Армія — ея ядро. Враждебныя теченія. Два пути: М. Н. Гирсъ и генералъ Врангель. Ихъ сходство и ихъ различіе. Цѣль настоящей книги.

Прошли годы...

Въ ноябрѣ 1925 г. исполнилось пять лѣтъ съ начала того невиданнаго еще въ мірѣ явленія, которое можно было бы назвать „великимъ русскимъ исходомъ".

Русская эмиграція не была похожа ни на одну изъ предшествующихъ. Правда, во всѣ времена и эпохи были люди, которыхъ правительственная власть предавала остракизму, или которые сами убѣгали отъ невыносимыхъ условій жизни; но во всѣ времена и эпохи — это были или отдѣльныя лица, или приверженцы враждебныхъ правительству группировокъ, или лица, принадлежащія одному общественному классу. Русская эмиграція не можетъ подойти ни подъ одну изъ этихъ категорій.

Въ „русскомъ исходѣ" — ушли съ своихъ насиженныхъ мѣстъ милліоны людей, людей совершенно различныхъ общественныхъ положеній, занятій, партійныхъ группировокъ, навыковъ, вкусовъ, образованія. Люди эти разсѣялись по міру, неся съ собою всюду

элементы старой русской культуры, спасенной отъ катастрофическаго шквала. И потому, куда бы они ни заносились, они несли съ собою ароматъ родины, который вытравлялся дома огнемъ и мечемъ, и казались не столько противниками „власти", сколько хранителями національной традиціи.

Русская эмиграція никогда не была „извергнутымъ классомъ": русская эмиграція являлась всегда „микрокосмосомъ Россіи".

И главнымъ образомъ поэтому я отношу ея начало именно къ ноябрю 1920 года — и съ этого дня начинаю ея лѣтосчисленіе.

* * *

Если бы мы отрѣшились отъ этой точки зрѣнія „Россіи въ маломъ", то должны были бы признать, что эмиграція наша началась значительно раньше.

Послѣ первыхъ раскатовъ россійскаго грома уже нашлись люди, которые „благоразумно" уложили свои чемоданы, перевели свои цѣнности въ иностранные банки и просто, безъ хлопотъ, съ заграничными паспортами, охраняемыми авторитетомъ великой державы, и, даже, съ прежнимъ комфортомъ и удобствами, покинули предѣлы Россіи.

Эти люди едва-ли могутъ насъ интересовать, и нѣтъ никакого основанія считать дату историческаго событія съ ихъ персональнаго отъѣзда.

На наше счастье, организмъ великой страны оказался сильнѣе — и во всей Россіи началась упорная борьба, перешедшая на Сѣверѣ, Западѣ, Югѣ и во всей Сибири въ настоящую гражданскую войну: передъ лицомъ неслыханнаго насилія страна оказала сопротивленіе и не пожелала сдаться безъ борьбы.

Въ теченіе всего этого времени притокъ эмигрантовъ со всѣхъ концовъ Россіи увеличивался. Заграницу стали прибывать уже люди, обвѣянные этой борьбой, запечатлѣнные трагизмомъ видѣннаго и воспринятаго. Они уѣзжали уже не съ тѣмъ, чтобы просто „переждать": они были связаны съ гражданской войной — и съ волненіемъ и страхомъ слѣдили за тѣмъ, что происходитъ тамъ, въ Россіи.

Походъ „на Москву“ не удался. Бѣлыя Арміи были разбиты. Одна за другой ликвидировались попытки борьбы; и послѣ Новороссійской катастрофы, душу тѣхъ, кто жилъ этой борьбой, не могло не охватить отчаяніе безнадежности.

И вотъ тутъ появилась новая волна русскаго бѣженства. Одни отчаялись и устали. Другіе еще вѣрили въ возможность борьбы и желали облегчить ее оставшимся, избавить бойцовъ отъ „тыла“ и лишнихъ ѣдоковъ. Появились „гости англійскаго короля“, въ Египтѣ, на Мальтѣ, на Кипрѣ. Вся Европа стала наводняться бѣженцами. Волна бѣженцевъ всѣхъ сословій и состояній хлынула въ Сербію, въ Болгарію, въ Грецію... Типъ эмигранта-буржуя, смѣнился другимъ. Въ этомъ бѣженствѣ была уже представлена вся Россія — гражданская и военная, правая и лѣвая, культурная и примитивная, состоятельная и нищая.

Но съ этой волной не началась еще россійская эмиграція: бѣженство за рубежомъ не стало еще микрокосмосомъ Россіи.

* * *

Отдѣльные ручьи національнаго отпора не слились, какъ извѣстно, въ одинъ могучій потокъ.

Духовно объединенные Верховнымъ Правителемъ Россіи — адмираломъ Колчакомъ, — они были раздѣлены непреодолимымъ пространствомъ и постепенно падали подъ ударами врага. Палъ и доблестный адмиралъ — и символъ россійской власти перешелъ на Югъ.

Послѣ Новороссійской эвакуаціи символъ этотъ перешелъ въ Крымъ, и борьба въ Крыму велась не между большевиками съ Крымскимъ правительствомъ, но между большевиками и Россіей.

Вотъ почему, пока этотъ клочекъ русской земли былъ занятъ русскими войсками, пока въ Крыму развѣвался штандартъ Правителя, — русское бѣженство было только зрителемъ страшнаго единоборства. Государственная россійская власть продолжала существовать. Государственная власть имѣла свою казну. Государстенной власти подчинялись россійскіе дипломатическіе представители.

И, признавая „правительство Юга Россіи“, Франція, а неявно и весь міръ, молчаливо признавала правительство національной Россіи.

* * *

Только тогда, когда изъ Крыма вышла цѣлая эскадра русскихъ кораблей съ Главнокомандующимъ, арміей, сотней тысячъ бѣженцевъ, когда весь государственный аппаратъ оказался въ изгнаніи, — простое „бѣженство“ пріобрѣло совершенно новый характеръ.

Нѣкоторую аналогію этому можно найти въ отступленіи бельгійской арміи во Францію и сербской — на островъ Корфу, во время Великой войны. Тогда тоже переселилась государственность, но государственность, признаваемая и охраняемая союзными націями.

Теперь въ эмиграціи нашлись тоже всѣ элементы безтерриторіальной русской государственности, но только не въ дружественной, но во враждебной обстановкѣ. Вся эта масса людей внѣ родины стала подлинно „Россіей въ маломъ“, тѣмъ новымъ явленіемъ, которое такъ не укладывается въ обычныя рамки.

Это произошло въ ноябрѣ 1920 года.

И вотъ почему я говорю о пятилѣтней давности русской эмиграціи.

* * *

Въ этой „Россіи въ маломъ“ первое и главное мѣсто принадлежало Арміи.

Армія была единственной организованной частью русской эмиграціи. Спаянная не единствомъ программъ, но цементомъ крови и боевыхъ воспоминаній, она являла собою полный контрастъ бѣженской растерянности и распыленности. Въ этой Арміи существовали кадры старыхъ Императорскихъ полковъ, она вывезла съ собою историческія боевыя реликвіи и потому, кромѣ всего прочаго, обладала еще наиболѣе цѣннымъ въ условіяхъ всеобщей катастрофы — неумирающей исторической традиціей*). Вотъ почему для всѣхъ тѣхъ,

*) Въ приложеніи помѣщенъ списокъ русскихъ знаменъ и регалій, вывезенныхъ Русской Арміей и находящихся въ русской церкви въ гор. Бѣлградѣ.

Списокъ составленъ В. Ф. Баумгартеномъ и М. А. Критскимъ.

для кого русская эмиграція мыслилась не распыленнымъ бѣженствомъ, но „Россіей въ маломъ“, — она должна была стать тѣмъ центромъ, которому надлежало объединить разбросанныхъ на чужбинѣ людей.

Неудивительно поэтому, что люди, для которыхъ всякая связь съ прошлымъ казалась „реакціей“, начали крестовый походъ противъ Русской Арміи. Не умѣвъ создать у себя на родинѣ новыхъ формъ жизни, они заранѣе клеймили все то, что исторически соединено было со старой Россіей.

Была еще другая категорія людей, которые занятіе политикой сдѣлали своей профессіей и въ новыхъ формахъ бѣженскаго существованія хотѣли взять въ свои руки общественное руководительство. Армія, явившаяся готовой и прочной организаціей, была главной преградой для осуществленія ихъ плановъ.

Но была и третья категорія.

Признавая заслуги Арміи, желая, можетъ быть, ея сохраненія, они, какъ „реальные политики“, уже не видѣли ни ея прямого значенія, ни возможности ея существованія. Старая борьба казалась для нихъ навѣки оконченной. Политическая конъюнктура представлялась невозможной для существованія воинскихъ кадровъ. Русская эмиграція казалась имъ не „Россіей въ маломъ“, но просто массой лицъ, потерпѣвшихъ аварію. И задача стояла передъ ними не въ томъ, чтобы сохранить лицо и духъ, но въ томъ, чтобы одѣть, накормить, распредѣлить.

Здѣсь естественно напрашивается вопросъ: развѣ сохраненіе своего національнаго лица и своей государственной воли должно было мѣшать матеріальному устройству людей? Но въ паникѣ національной катастрофы, они прежде всего хотѣли забыть, что еще недавно многіе изъ нихъ представляли государственную Россію, и этимъ забвеніемъ думали купить себѣ продовольствіе и пріютъ.

И вотъ тутъ началось позорнѣйшее явленіе.

Въ то время, какъ иностранцы спѣшили другъ передъ другомъ отречься отъ своихъ недавнихъ союзниковъ, уничтожить остатки русскаго воинства, — одинъ за другимъ предавали Армію сами же русскіе люди.

Послы и дипломатическіе представители, вчера еще представлявшіе русское правительство, — сегодня объявили себя „независимыми“ и создали фикцію будущаго „законнаго правительства“, которому, одному, — яко-бы, — они обязаны давать отчетъ. Лицо, въ вѣдѣніи котораго находилась вся казна правительства Юга Россіи, незадолго до катастрофы посланное въ Парижъ, отказалось выдать ихъ по принадлежности и предпочло передать ихъ „Совѣщанію Пословъ“ — странному новообразованію, съ неопредѣленными функціями — и допустило, что въ моментъ катастрофы въ кассѣ Командованія не было ничего.

Главнокомандующему пришлось вынести борьбу на нѣсколько фронтовъ. И прежде всего пришлось бороться съ той соблазняющей логикой, которая съ очевидностью доказывала, что все дѣло проиграно и что надъ идеей борьбы надо поставить крестъ.

* * *

Одной изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій этихъ настроеній является письмо предсѣдателя Совѣщанія Пословъ, М. Н. Гирса, посланное Главнокомандующему 10 февраля 1921 года.

Указавъ на полную безнадежность добиться поддержки французскаго правительства, М. Н. Гирсъ излагалъ условія, которыя оно ставитъ, „чтобы пока дѣло оставалось въ русскихъ рукахъ“.

„Для этого необходимо,— писалъ М. Н. Гирсъ, — чтобы согласно требованія французскаго правительства вопросъ былъ поставленъ въ плоскость исключительно гуманитарныхъ заботъ о бѣженцахъ, какъ таковыхъ“. „Неизбѣжно, какъ это ни трудно, помириться съ необходимостью считаться съ вопросами не о сохраненіи, а о ликвидаціи арміи и направлять усилія къ тому, чтобы отыскать для этого наиболѣе безболѣзненный путь; чтобы постепенно изыскивать способы для ихъ размѣщенія тамъ, гдѣ они смогутъ сами достать себѣ пропитаніе; самое сохраненіе кадровъ для будущей арміи, поскольку оно вообще окажется возможнымъ, нужно мыслить только, какъ замаскированное, принявшее другую форму“.

„То рѣшеніе, — писалъ М. Н. Гирсъ, — которое подсказывало само французское правительство, а именно созданіе русскаго комитета для сосредоточенія въ немъ всѣхъ заботъ о бѣженцахъ, было единственной формой, при которой можно было сохранить это дѣло въ русскихъ рукахъ. За это предложеніе надо схватиться, ибо уклоненіе отъ него заставитъ французское правительство взять все дѣло къ себѣ, наложить руку на все и ликвидировать все по своему усмотрѣнію". „Стремленіе сохранить все дѣло въ рукахъ Вашихъ представителей кончится ликвидаціей всего дѣла самими иностранцами и возложеніемъ отвѣтственности за это на тѣхъ, кто не сумѣлъ и не захотѣлъ итти тѣмъ путемъ, который ему былъ предложенъ".

Указавъ на то, что онъ понимаетъ тяжелое положеніе генерала Врангеля, М. Н. Гирсъ писалъ: „Крымская эпопея въ глазахъ Европы закончила цѣлый періодъ борьбы съ большевизмомъ; но ее надо завершить такъ, чтобы конецъ былъ достоинъ начала; необходимо, чтобы эта героическая вооруженная борьба національнаго русскаго дѣла осталась свѣтлой страницей въ русской исторіи". Говоря о неизбѣжной ликвидаціи, М. Н. Гирсъ заканчивалъ письмо словами: „если мы на это не пойдемъ сами, мы рискуемъ, что все это будетъ сдѣлано помимо насъ".

Въ этомъ письмѣ интересны двѣ стороны.

Первая — это оцѣнка общаго положенія и вызванная ею полная пассивность подъ впечатлѣніемъ происшедшей катастрофы. Обстановка же представлялась г. Гирсу такой, что при малѣйшемъ противодѣйствіи все должно кончиться ликвидаціей помимо насъ. Чтобы этого не случилось, былъ предложенъ методъ самоупраздненія; и это самоупраздненіе рекомендовалось для того, чтобы „Крымская эпопея была достойна своего начала" и чтобы „героическая вооруженная борьба національнаго русскаго дѣла осталась свѣтлой страницей въ русской исторіи"!

Главнокомандующій, какъ извѣстно, пошелъ противоположнымъ путемъ. Противопоставивъ внѣшнимъ обстоятельствамъ твердую волю, онъ въ первый разъ за время русской революціи показалъ примѣръ того,

что носитель власти обязанъ не отрекаться отъ нея, но защищать ее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тяжелѣе препятствія. Ужасъ россійской дѣйствительности состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за отреченіемъ Государя Императора послѣдовалъ рядъ другихъ. Никто не хотѣлъ брать выпавшую власть. Одни — изъ страха передъ надвигающимися событіями; другіе — въ силу нелѣпой доктрины, по которой осуществленіе власти какъ бы противорѣчило „суверенитету народа". И если послѣ ряда отреченій (весь періодъ февраль-октябрь былъ сплошнымъ самоотреченіемъ), Россія выдвинула Корнилова и допустила бѣлое движеніе, то это знакъ того, что Россія **оставалась жива.**

Путь самоотреченія и самоупраздненія былъ Главнокомандующимъ отвергнутъ.

Мы знаемъ теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, что опасенія г. Гирса не оправдались. Не только иностранцамъ не удалось сдѣлать что-либо „помимо насъ", но воля къ сохраненію государственнаго смысла нашего пребыванія заграницей передалась сотнямъ тысячъ людей и ни въ какой мѣрѣ не ослабла и по сію пору. И только поэтому русская эмиграція и въ настоящій моментъ не утратила своего государственнаго лица.

Вторая сторона письма г. Гирса, которую необходимо отмѣтить, заключается въ обрисовкѣ мѣръ для дальнѣйшаго устройства Арміи: „необходимо постепенно изыскивать способы для ея размѣщенія тамъ, гдѣ она сама сможетъ достать себѣ пропитаніе; самое сохраненіе кадровъ для будущей арміи, поскольку оно вообще окажется возможнымъ, нужно мыслить только, какъ принявшее другую форму".

Я нарочно подчеркиваю это мѣсто письма потому, что внѣшне эта программа и была давно задумана и проведена Главнокомандующимъ. Все время „изыскивались способы размѣщенія Арміи" тамъ, гдѣ она могла существовать на началахъ самообезпеченія; все время мѣнялись внѣшнія формы ея, въ зависимости отъ общихъ условій.

Но какая глубокая разница между этой внѣшней программой и внутреннимъ содержаніемъ того, что было проведено въ жизнь! Эта работа мысли-

лась *ими* не ради „сохраненія“, а ради „ликвидаціи арміи“; эта работа мыслилась *нами* не только какъ категорическій отказъ отъ „*ликвидаціи*“, но какъ объединеніе вокругъ Арміи всего зарубежнаго русскаго воинства, а, можетъ быть, и большинства русской эмиграціи. *Они* считали задачу оконченной, если скорѣе испарится воспоминаніе о „государственной власти“ и наступитъ конецъ арміи, „достойный ея начала“. Для *насъ* — то же самое разсосредоточеніе и приспособленіе къ внѣшнимъ формамъ жизни — было однимъ изъ способовъ сохраненія того ощущенія государственности, которое всю русскую эмиграцію изъ „бѣженской пыли“ должно превратить въ активную силу для противобольшевистской борьбы.

* * *

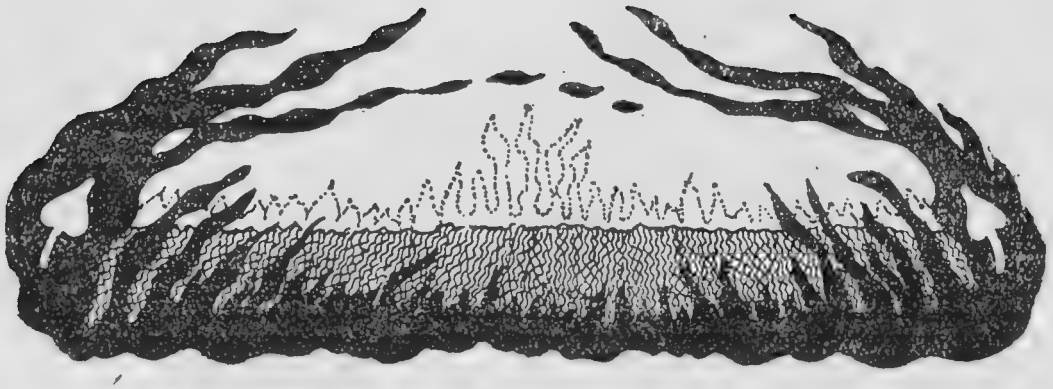
Это было два противоположныхъ полярныхъ міровоззрѣнія.

И вотъ теперь, черезъ пять лѣтъ, хочется подвести первый итогъ этому періоду.

Въ теченіе всего этого времени судьба дала мнѣ возможность быть въ самой непосредственной близости къ тѣмъ лицамъ, которыя проводили — въ исключительно трудныхъ условіяхъ — эту программу. Мнѣ ясны всѣ этапы этого длиннаго пути, и въ моемъ распоряженіи имѣются матеріалы, едва ли доступные другимъ.

И потому мнѣ хочется къ этому дню пятилѣтія дать хотя бы краткій очеркъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи; освѣтить многое, что казалось неяснымъ и непонятнымъ, показать, какъ многое, казавшееся случайнымъ, входило, какъ логическое звено, въ общую цѣпь.

И, наконецъ, постараться доказать, что на дѣлѣ восторжествовали не упадочныя мысли ликвидаторовъ, а здоровое національное чутье и непреклонная воля.



ГЛАВА II.

БОРЬБА НАЛѢВО.

„Лѣвыя“ настроенія Европы. Земгоръ. Съѣздъ „учредиловцевъ“. „Авторитетные общественные круги“. Высокая протекція. Совѣщаніе Пословъ. Утерянный милліонъ. Кубанскіе самостійники. Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека. Отповѣдь „некрасовцевъ“. Лѣвые „друзья“ и сердце Арміи.

Изъ обрисованнаго выше взгляда на русскую эмиграцію — и въ частности — на Русскую Армію, вытекала и политика Главнаго Командованія. Матеріальная помощь людямъ входила въ общій планъ, какъ одна изъ насущнѣйшихъ задачъ; но эта помощь никогда не являлась самоцѣлью: главной задачей являлось попрежнему образованіе ядра, проникнутаго сознаніемъ россійской государственности и готоваго при благопріятныхъ обстоятельствахъ представить изъ себя дѣйствительную противобольшевистскую силу.

Вотъ почему было совершенно необходимо сохранить Армію отъ партійной зависимости, откуда бы она ни грозила.

Совершенно понятно, что надлежало принять мѣры къ тому, чтобы матеріальные рессурсы Арміи оставались въ рукахъ Главнаго Командованія и чтобы они, въ

свою очередь, не зависѣли отъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ группировокъ.

Задача эта чрезвычайно осложнилась — и съ самаго начала пришлось вступить въ борьбу съ лѣвымъ крыломъ нашей общественности.

Трудно опредѣлить границы этого лѣваго крыла. На самомъ крайнемъ флангѣ стояли соціалисты-революціонеры и вскорѣ вступившій съ ними въ соглашеніе П. Н. Милюковъ. Но за предѣлами этой группы стояли тѣ, кто въ отсутствіи „демократичности" политики генерала Врангеля видѣли причину Крымской неудачи и кто теперь, воспользовавшись безвыходнымъ положеніемъ, считали моментъ удобнымъ для возвращенія этой политики въ русло „демократичности".

Моментъ представлялся чрезвычайно благопріятнымъ. Недавній диктаторъ не имѣлъ больше фактической власти; но за плечами этого диктатора оставалась стотысячная армія, которую онъ не бросилъ, которую онъ долженъ былъ содержать, и отвѣтственность за которую онъ не сложилъ. Обстоятельства говорили за то, что онъ будетъ вынужденъ просить помощи — и притомъ на какихъ угодно условіяхъ.

Надо замѣтить, что Европа того времени была совершенно не похожа на настоящую. Версальскій миръ еще не принесъ народамъ тѣхъ разочарованій, которыя вслѣдъ затѣмъ послѣдовали. Авторитетъ Вильсона и его утопическія мечты о содружествѣ народовъ казались непоколебленными. Муссолини еще не было, и самая возможность фашизма казалась фантазіей. Не меньшей фантазіей казалось бы предположеніе объ избраніи Гинденбурга на постъ предсѣдателя Германской Республики. Послѣ блестящихъ побѣдъ „демократіи", послѣ груды коронъ свергнутыхъ королей, — принципы демократіи казались послѣднимъ словомъ человѣческаго достиженія, и весь дальнѣйшій путь человѣческой исторіи мыслился, какъ безпрепятственное развитіе и углубленіе этихъ принциповъ.

Однимъ словомъ, демократизмъ былъ въ модѣ. Другъ Арміи, Бурцевъ, въ письмѣ отъ 10 января 1921 г. на имя генерала Врангеля, совѣтывалъ ему создать „общественную базу" и между прочимъ пи-

салъ: „убѣдите всѣхъ Юреневыхъ *), что сейчасъ никто изъ нихъ не имѣетъ права отказываться отъ власти. Власть теперь — крестъ и, этотъ крестъ должны нести всѣ. Еще недавно мы могли обратиться съ предложеніемъ власти къ Чайковскому **) и его товарищамъ. Теперь это трудно. Но если дѣло будетъ начато хорошо, то впослѣдствіи Юреневы найдутъ для себя доступъ и къ Чайковскимъ. Въ концѣ концовъ — Юреневы и Чайковскіе — вотъ кто могутъ представлять власть".

Это былъ массовый гипнозъ. И если послѣ громадной катастрофы предстояла необходимость какъ то воздѣйствовать на европейскія правительства, то, казалось, это могли сдѣлать только тѣ, кто имѣлъ на себѣ этотъ штампъ „демократичности".

Отсюда ясно, что въ двухъ главныхъ направленіяхъ — пріобрѣтенія политическаго значенія и овладѣнія денежными средствами — „демократическія" организаціи развили особую энергію.

Одной изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи явилось образованіе „Россійскаго Земско-Городского Комитета Помощи Бѣженцамъ" („Земгоръ") подъ предсѣдательствомъ кн. Г. Е. Львова***).

Природа этого учрежденія ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствовала демократическому духу. Составъ былъ отчасти случайный, отчасти подобраный по партійному признаку; но самое главное — что составъ его не могъ быть ни измѣненъ, ни пополненъ путемъ свободныхъ выборовъ, такъ какъ § 5 „Положенія" гласилъ: „Со-

---

*) П. П. Юреневъ, видный членъ кадетской партіи, занимавшій лѣвое крыло центра партіи Нар. Свободы.

**) Н. В. Чайковскій—лидеръ партіи народныхъ соціалистовъ, б. предсѣдатель Вр. Правительства въ Архангельскѣ.

***) Первоначальный составъ Комитета: Н. Д. Авксентьевъ, Г. А. Алексѣевъ, Н. И. Астровъ, Н. Н. Богдановъ, М. В. Брайкевичъ, П. А. Бурышкинъ, М. М. Винаверъ, В. В. Вырубовъ, Н. В. Дмитріевъ, В. Ф. Зеелеръ, Л. Л. Катуаръ, И. Н. Коварскій, А. И. Коноваловъ, К. Р. Кровопусковъ, Г. Е. кн. Львовъ, Н. В. Макѣевъ, І. С. Миноръ, В. А. кн. Оболенскій, А. С. Орловъ, Т. И. Полнеръ, Е. Ф. Роговскій, Я. Л. Рубинштейнъ, В. В. Рудневъ, А. А. Титовъ, С. П. Тюринъ, В. А. Харламовъ, А. С. Хрипуновъ, Н. В. Чайковскій, Ф. В. Шлиппе, П. П. Юреневъ.

ставъ этотъ можетъ быть расширенъ включеніемъ новыхъ лицъ — въ числѣ не больше $^1/_5$ первоначальнаго состава Комитета и при согласіи на то, въ отношеніи каждаго лица, трехъ четвертей общаго числа членовъ Комитета".

Такимъ образомъ олигархія Земгора была забронирована отъ какого либо измѣненія своего кадетско-эсъ-эровскаго партійнаго состава и по своей организаціи являла собою дѣйствительно вопіющій примѣръ нарушенія демократическихъ принциповъ. Но значительная часть его состояла изъ городскихъ и земскихъ гласныхъ, выбранныхъ при Временномъ Правительствѣ по „четырехвосткѣ", а потому демократическое происхожденіе его никѣмъ не оспаривалось. Наконецъ, § I „Положенія" говорилъ объ „исключительно гуманитарныхъ задачахъ, внѣ какихъ бы то ни было политическихъ различій", а въ § 2 провозглашалось, что Комитетъ „является единственной полномочной организаціей по помощи русскимъ бѣженцамъ, интернированнымъ и военноплѣннымъ".

Немудрено, что въ лицѣ иностранцевъ и, главнымъ образомъ, французовъ эти права Комитета были признаны съ поразительной быстротой: 1) Комитетъ представлялъ собою явно демократическіе элементы; 2) онъ совершенно отрекся отъ какой-либо „политики", т. е. защиты государственно-національной идеи и 3) онъ естественно дѣлался орудіемъ борьбы со всѣми тѣми, кто отстаивалъ эту идею, и прежде всего съ Главнокомандующимъ и Русской Арміей.

Въ то время, какъ Земско-Городской Комитетъ сталъ претендентомъ на россійское достояніе, была сдѣлана попытка на захватъ политической россійской власти. По иниціативѣ П. Н. Милюкова и А. Ф. Керенскаго въ январѣ 1921 года открылся „Съѣздъ Членовъ Учредительнаго Собранія".

Этотъ Съѣздъ протекалъ въ той же обстановкѣ преклоненія передъ принципами демократіи и былъ уже попыткой созданія нѣкотораго подобія власти въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. Съѣздъ, какъ извѣстно, открылся съ большой помпой, съ приглашеніемъ дипло-

матическаго корпуса и иностранныхъ корреспондентовъ, съ той шумихой и театральностью, которую такъ любилъ А. Ф Керенскій. Для всей этой бутафоріи нашлись настолько значительныя средства, что вскорѣ послѣ этого, въ комитетѣ партіи Народной Свободы, произошелъ рѣзкій обмѣнъ мнѣній по этому вопросу, и П. Н. Милюкова прямо запросили, откуда учредиловцы берутъ деньги на свое широкое житье, на содержаніе большого административнаго аппарата, на агитацію и пр., на что г. Милюковъ отвѣтилъ лаконически, что „они“ дали слово не раскрывать источника.

Съѣздъ этотъ прямого значенія не имѣлъ, и эти „тайные источники“ были использованы напрасно. Но въ содружествѣ съ Земгоромъ, „учредиловцы“ сдѣлали все, чтобы отягчить положеніе Русской Арміи. Агитація въ газетахъ приняла чудовищные размѣры. Инсинуаціи и клевета не сходили со столбцовъ милюковскихъ „Послѣднихъ Новостей“ и эсъ-эровской „Воли Россіи“. При этомъ имѣлось въ виду внести смуту и разложеніе въ ряды Русской Арміи, повліять на русское бѣженство, и создать впечатлѣніе въ иностранныхъ правительственныхъ кругахъ. Демократическій штампъ членовъ Учредительнаго Собранія, гласныхъ „не цензовыхъ“ думъ — раскрывалъ тѣ двери, которыя были закрыты для „царскихъ чиновниковъ“ и представителей „реакціонной власти“; личный авторитетъ бывшаго революціоннаго министра, П. Н. Милюкова, и бывшаго главы Россійскаго Государства, кн. Г. Е. Львова, былъ использованъ для дискредитированія Арміи и ея вождя. Это были тѣ „авторитетные общественные круги“, которые совѣтывали французскому правительству поскорѣе покончить съ Арміей и, позднѣе, въ лицѣ кн. Львова, Милюкова и Авксентьева, даже спеціально ѣздили въ Женеву на засѣданіе Лиги Націй, чтобы противодѣйствовать возможности благопріятнаго для Арміи рѣшенія вопроса о выборѣ Верховнаго Комиссара по русскимъ дѣламъ. Главное Командованіе и дружественные ему круги выдвигали на этотъ постъ, предложенный Фритьофу Нансену, выдающихся сербскихъ дѣятелей.

Интересно отмѣтить, что „авторитетные русскіе круги“ нашли себѣ большую поддержку, выражаю-

щуюся часто въ пикантныхъ мелочахъ: это была поистинѣ „высокая протекція". Въ маѣ 1921 года въ Константинополѣ въ помѣщеніе Бюро Русской Печати, которымъ завѣдывалъ Н. Н. Чебышевъ, явились чины французской контръ-развѣдки и произвели тщательный обыскъ. Искали русскій журналъ „Зарницы", относившіеся къ нему редакціонные документы и книги. Создавалось такое впечатлѣніе, что они предполагаютъ какія-то скрытыя цѣли изданія. По отрывочнымъ словамъ можно было понять, что обыскъ производился по инструкціямъ изъ Парижа.

Между Н. Н. Чебышевымъ и французскимъ офицеромъ произошелъ интересный разговоръ. Старшій офицеръ вдругъ спросилъ:

— Pourriez-vous indiquer l'auteur de l'article „Les Patriotes de Paris" dirigé contre Miloukoff?

— Mais certainement, monsieur, — c'est moi même... *)

На вопросъ: „pour quelles raisons M. Miloukoff jouit-il d'une protection si exceptionnelle du gouvernement français" **), французъ отвѣтилъ:

— Miloukoff est un homme politique qui lutte contre le bolchévisme... ***)

Стало ясно, что обыскъ связанъ какъ-то съ личностью Милюкова. Самому офицеру было видимо неловко и онъ нѣсколько разъ извинялся:

— En France, chacun peut publier ce qni lui plaît: nous avons la liberté de la presse. C'est tout autre que chez vous sous l'empereur Nicolas II. Mais ici, voyez vous, nous sommes en état de guerre avec les turcs. Les turcs peuvent se relever à chaque moment, nous n'avons pas encore la paix.... ****)

---

*) Можете ли Вы назвать автора статьи „Парижскіе патріоты", направленной противъ Милюкова?

— Конечно, это — я самъ.

**) — На какомъ основаніи г. Милюковъ пользуется такимъ исключительнымъ покровительствомъ французскаго правительства?

***) Милюковъ—политическій дѣятель, который борется съ большевизмомъ.

****) Во Франціи каждый можетъ издавать, что ему заблагоразсудится: мы имѣемъ свободу печати. Это совсѣмъ не такъ, какъ у васъ, въ царствованіе Императора Николая II,.. Но здѣсь, видите ли

Черезъ нѣкоторое время въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ появилась статья за подписью Милюкова, оповѣщавшаго читателей, что ввиду имѣвшихся свѣдѣній о козняхъ противъ него, Милюковъ черезъ „друзей“ передалъ „документы“ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ.

Во всякомъ случаѣ, за спиной П. Н. Милюкова чувствовалась могучая, хотя и не совсѣмъ удобная „протекція“.

* * *

Попытки созданія органа, вѣдающаго финансами въ согласіи съ Главнымъ Командованіемъ, при такомъ настроеніи европейскихъ умовъ, терпѣли одну неудачу за другой. Въ согласіи съ французскимъ правительствомъ 9 декабря 1920 года былъ образованъ „Comité Russe de Secours“ изъ пяти представителей Командованія, шести представителей Финансово-Торгово-Промышленнаго Союза и трехъ представителей Краснаго Креста. Впослѣдствіи онъ былъ пополненъ представителями Комитета Коммерческихъ Банковъ и Земско-Городского Союза *).

Въ основаніе этого „Дѣлового Комитета“ было положено слѣдующее:

1. Комитетъ беретъ на себя только техническую дѣловую помощь представителямъ генерала Врангеля, которые остаются отвѣтственными распорядителями находящагося у нихъ имущества.

2. Дѣловой Комитетъ не беретъ на себя прямыхъ заботъ о бѣженцахъ и лишь участвуетъ въ распредѣ-

---

мы находимся въ состояніи войны съ турками... Турки могутъ подняться каждую минуту. До сихъ поръ мы еще не имѣетъ мира...

*) Составъ его: отъ Арміи: М. В. Бернацкій (предсѣдатель) ген, Ю. Н. Даниловъ, адм. М. А. Кедровъ, А. В. Кривошеинъ, ген. Е. К. Миллеръ, В. І. Новицкій, Н. В. Савичъ; отъ Всероссійскаго Финансоваго Союза: Н. Х. Денисовъ, Н. А. Ассъ, А. М. Берлинъ, Т. В. Бѣлозерскій, П. А. Бурышкинъ, П. Ю. Гукасовъ, Н. Н. Изнаръ, Е. М. Любовичъ, П. А. Тикстонъ, А. Я. Чемберсъ; отъ Комитета Банковъ: А. И. Вышнеградскій, Б. А. Каменка, Я. И. Савичъ, В. Ф. Сологубъ, В. Б. Эльяшевичъ; отъ Краснаго Креста: графъ А. А. Бобринскій, графъ Э. П. Бенигсенъ; отъ Земгора: Г. А. Алексѣевъ, В. В. Вырубовъ.

НА БЕРЕГАХЪ БОСФОРА.

Яхта „Лукуллъ", потопленная 15 окт. 1921 г.

Зданіе Россійскаго Посольства въ Константинополѣ.

леніи освобождающихся отъ эксплоатаціи и реализаціи имущества суммъ, какъ французскому правительству въ погашеніе долга, такъ и различнымъ бѣженскимъ русскимъ организаціямъ.

Уже 19 февраля 1921 г. Комитетъ выступилъ съ полной достоинства запиской въ защиту русскихъ интересовъ и имущества, находящагося въ рукахъ союзниковъ. Записка эта находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядами французскаго правительства. Организація Земгора съ ея „аполитичностью“ оказалась болѣе покладистой и болѣе удобной — и „Дѣловой Комитетъ“ потерялъ всякое практическое значеніе.

Положеніе въ Парижѣ стало особенно нервнымъ. То настроеніе, которое охарактеризовано приведеннымъ выше письмомъ М. Н. Гирса, неудержимо расло, и М. В. Бернацкій, являвшійся представителемъ генерала Врангеля по финансовымъ дѣламъ, „смѣнилъ вѣхи“. Россійскіе послы гг. Гирсъ, Маклаковъ и Бахметьевъ при участіи г. Бернацкаго, 2 февраля 1921 года, постановили:

1. Армія генерала Врангеля потеряла свое международное значеніе, и Южно-Русское Правительство, съ оставленіемъ территоріи, естественно прекратило свое существованіе.

2. Какъ бы ни было желательно сохраненіе самостоятельной Русской Арміи съ національно-патріотической точки зрѣнія, разрѣшеніе этой задачи встрѣчается съ непреодолимыми затрудненіями финансоваго характера.

3. Все дѣло помощи русскимъ бѣженцамъ надлежитъ сосредоточить въ вѣдѣніи какой-либо одной организаціи. По мнѣнію Совѣщанія такою объединяющею организаціею долженъ быть Земско-Городской Комитетъ помощи бѣженцамъ.

4. Единственнымъ органомъ, основаннымъ на идеѣ законности и преемственности власти, объединяющимъ дѣйствія отдѣльныхъ агентовъ, можетъ явиться Совѣщаніе Пословъ. Вмѣстѣ съ этимъ, указанное Совѣщаніе, при отсутствіи другихъ обще-русскихъ учрежденій,

принуждено взять на себя отвѣтственность за казенныя средства и за порядокъ ихъ опредѣленія*).

Для осуществленія этого положенія былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ М. Н. Гирса Финансовый Совѣтъ въ составѣ гг. Маклакова, кн. Львова и Бернацкаго, и, несмотря на протесты членовъ „Дѣлового Комитета" отъ торгово-промышленниковъ, банковъ и Краснаго Креста, признававшихъ попрежнему власть Главнокомандующаго, 19 февраля 1921 г. „Дѣловой Комитетъ" былъ ликвидированъ.

Такимъ образомъ Совѣщаніе Пословъ объявило себя теоретически единственнымъ преемникомъ Всероссійской власти, а практически вступило въ тѣсное содружество съ „демократическимъ" Земгоромъ. Всѣ матеріальные рессурсы, которые могли быть использованы для Арміи, находились теперь въ чужихъ или враждебныхъ рукахъ, и на долю Арміи могли только попадать случайныя поступленія отъ великодушныхъ хранителей россійскаго достоянія.

* * *

Здѣсь умѣстно припомнить нашумѣвшую исторію о такъ называемомъ „пропавшемъ милліонѣ".

Въ январѣ 1921 г. финансовый агентъ въ Токіо перевелъ на нужды Арміи 1.000.000 франковъ; переводъ былъ сдѣланъ на имя предсѣдателя Совѣщанія Пословъ, М. Н. Гирса, но несмотря на такую значительную сумму затерялся и по назначенію не дошелъ.

Изъ разслѣдованія этого дѣла выяснилось, что въ февралѣ 1921 г. Финансовый Совѣтъ, въ соотвѣтствіи съ принятымъ взглядомъ Совѣщанія Пословъ, что единственной объединяющей организаціей по помощи русскимъ бѣженцамъ является Земско-Городской Комитетъ, передалъ 1.000.000 франковъ кн. Львову. Кн. Львовъ въ оффиціальномъ отчетѣ сообщилъ, что часть означенной суммы уже израсходована въ соотвѣтствіи съ планомъ, утвержденнымъ Главнокомандующимъ, на

*) Интересно отмѣтить, что средства, находящіяся въ распоряженіи россійскаго посла въ Вашингтонѣ г. Бахметьева „ввиду особаго положенія завѣдыванія средствами Японіи и Америки" не были взяты подъ контроль Финансоваго Совѣта.

улучшеніе матеріальнаго и санитарнаго быта войскъ, остатокъ же этой суммы поступитъ на тѣ же цѣли. Такимъ образомъ, Финансовый Совѣтъ могъ думать, что этотъ милліонъ пошелъ въ соотвѣтствіи со своимъ назначеніемъ.

Между тѣмъ ни Главнокомандующій, ни кто-либо изъ подвѣдомственныхъ ему органовъ, этого милліона не получали. Если предположить, что милліонъ этотъ былъ направленъ въ организаціи Земскаго и Городского Союза на помощь Арміи черезъ ихъ посредство, то во-первыхъ, для установленія этого не было никакихъ данныхъ, а во-вторыхъ—оставалось ложнымъ утвержденіе кн. Львова, что сумма израсходована въ соотвѣтствіи съ планомъ, утвержденнымъ Главнокомандующимъ, такъ какъ ни одна изъ общественныхъ организацій никакого плана помощи на его утвержденіе не представляла.

Такимъ образомъ, кн. Львовъ далъ завѣдомо ложное освѣщеніе въ своемъ отчетѣ и присвоилъ непринадлежащія Земгору деньги.

Все это дѣло въ полной мѣрѣ выявилось только въ мартѣ 1922 года, когда предсѣдатель Временнаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза А. С. Хрипуновъ вышелъ изъ Земгора и опубликовалъ свое письмо кн. Г. Е. Львову съ цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ предсѣдателя Земско-Городского Комитета. Въ числѣ этихъ обвиненій А. С. Хрипуновъ указываетъ на „сокрытіе отъ Земско-Городского Комитета дѣйствительнаго назначенія полученныхъ отъ Финансоваго Совѣта 20.000 фунтовъ стерлинговъ на нужды Арміи“.

* * *

Борьба съ лѣвой общественностью была опасна постолько, посколько отъ нея зависѣли средства Арміи и посколько она вліяла на отношеніе иностранцевъ. Но внутренней опасности лѣвая общественность никогда не представляла.

Попытки лѣвыхъ кубанскихъ дѣятелей вновь поднять старые счеты съ центральной властью и преподнести все это на демократическомъ блюдѣ явно успѣха не имѣли.

Кубанскій Войсковой Атаманъ Иванисъ, протестуя противъ неправильнаго, по его мнѣнію, созыва Краевой Рады на Лемносѣ, письмомъ отъ 25 декабря 1920 г. объявилъ о разрывѣ договора о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ казаковъ съ генераломъ Врангелемъ, потому что „Кубань не можетъ признать цѣлесообразнымъ вести борьбу совмѣстно съ силами, скомпрометтировавшими себя, какъ генералъ Врангель, своей реакціонной политикой".—Вслѣдствіе этого г. Иванисъ заявилъ, что „остатки Кубанской Арміи проситъ считать на положеніи бѣженцевъ, находящихся подъ защитой французскаго правительства", и что „дальнѣйшую судьбу бѣженцевъ Атаманъ и правительство Кубани ввѣряютъ своимъ покровителямъ, французскому правительству, признавшему міровое значеніе борьбы кубанцевъ въ составѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи съ большевиками".

Такое юмористическое заявленіе не имѣло никакого дѣйствія. Атаманомъ былъ избранъ генералъ Науменко. Но, подчиняясь общему гипнозу словъ и понятій, 14 января 1921 г. казачьи атаманы образовали „Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека", Положеніе о которомъ гласило, что „Донъ, Кубань и Терекъ, сохраняя неприкосновенными свои конституціи,—по вопросамъ внѣшнихъ сношеній, военнымъ, финансово экономическимъ и обще-политическимъ дѣйствуютъ объединенно" и что „всѣ сношенія, исходящія отъ Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека, производятся однимъ изъ Атамановъ по уполномочію Совѣта" *).—Правда, въ соглашеніи говорится, что атаманы считаютъ „необходимымъ продолженіе вооруженной борьбы съ совѣтской властью при полномъ единеніи всѣхъ русскихъ силъ и сохраненіи единаго военнаго командованія", но указывается мотивъ совершенія такового акта, какъ стремленіе видѣть Россію „построенной на демократическихъ федеративныхъ началахъ".

*) Протоколъ соглашенія подписали: Донской Атаманъ ген.-лейт. Богаевскій и предсѣдатель Донского правительства ген.-маіоръ Апостоловъ; Кубанскій атаманъ ген.-маіоръ Науменко и предсѣдатель Кубанскаго правительства Д. Скобцовъ; Терскій Атаманъ ген.-лейт. Вдовенко и предсѣд. Терскаго правит. Е. Букановскій.

Проповѣдь этихъ „демократическихъ началъ“ въ демократической казачьей средѣ, правда, успѣха не имѣла.

Въ декабрѣ 1920 г. Донской Атамавъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій обратился за помощью къ донцамъ „некрасовцамъ“, жившимъ уже долгіе годы въ Турціи, съ просьбой „оказать содѣйствіе къ размѣщенію части донскихъ бѣженцевъ“. Вспоминая исторію „некрасовцевъ“, Атаманъ напомнилъ, что „много лѣтъ тому назадъ ваши дѣды покинули родную Россію, уходя отъ преслѣдованія жестокой власти...“

„Некрасовцы“ отвѣтили такъ:

„Вы пишете, что дѣды наши покинули родную Россію, уходя отъ преслѣдованія жестокой власти. Мы считаемъ долгомъ заявить, что всякую власть, законно-поставленную, считаемъ мы отъ Бога и жестокости отъ нея въ Россіи не знали, а ушли отъ обидъ своихъ же братьевъ-казаковъ, несогласныхъ съ нами въ церковныхъ упованіяхъ и въ большинствѣ не сочувствовавшихъ нашимъ взглядамъ — послѣднее и заставило нашихъ отцовъ уйти отъ зла въ сотвореніе благого. И вотъ уже свыше 200 лѣтъ мы находимъ пріютъ въ Турціи и, живя здѣсь, сохранивъ всѣ исконные обычаи и вѣру, продолжаемъ быть вѣрными сынами Церкви Христовой и возносимъ до днесь молитвы о Русскомъ Царѣ, моля Всевышняго о скорѣйшей кончинѣ лѣта междуцарствія“.

При такомъ отношеніи казачества, декларація Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека не могла принести существеннаго вреда, но на общемъ дѣлѣ она должна была отразиться весьма неблагопріятно. Упоминаніе о „демократическихъ началахъ“ какъ бы являлось упрекомъ Главному Командованію за отсутствіе этихъ началъ въ его политикѣ — и упрекомъ, исходящимъ отъ авторитетныхъ военныхъ лицъ, занимающихъ отвѣтственное положеніе. „Объединенныя дѣйствія по вопросамъ внѣшнихъ сношеній“ указывали на эмансипацію отъ Главнаго Командованія и нарушали то единство общаго фронта передъ иностранцами, которое было такъ важно въ этотъ моментъ. „Послѣднія Новости“ при ближайшемъ участіи казачьяго предста-

вителя, г. Харламова, тщательно раздували и углубляли значеніе происшедшаго „раскола", указывая на необходимость для казачества самостоятельныхъ дѣйствій.

Совершенно ясно, что центръ тяжести всего спора съ казачьими атаманами сосредоточился въ вопросѣ „о правѣ самостоятельныхъ сношеній". Въ самомъ актѣ объ образованіи Объединеннаго Совѣта указывалось только на „объединенныя дѣйствія", противъ чего Главное Командованіе, конечно, ничего не возражало. Но неявно за этимъ сквозило утвержденіе самостоятельности сношеній, что Объединенный Совѣтъ сталъ фактически проводить въ жизнь.

Престижу Главнаго Командованія наносился ударъ изъ собственныхъ рядовъ. Необходимо припомнить, съ какимъ трудомъ отстаивался Главнокомандующимъ принципъ единой русской власти и какъ этотъ принципъ былъ дорогъ для всѣхъ, кто за русской эмиграціей видѣлъ не только однихъ распыленныхъ бѣженцевъ. Однако Объединенный Совѣтъ упорно стоялъ на своей позиціи.

Только тогда, когда для самихъ атамановъ требовалась дѣйствительная защита, они забывали о своихъ суверенныхъ правахъ и обращались за помощью къ Главнокомандующему.

Въ письмѣ отъ 7 іюня 1921 г. Донской Атаманъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій послѣ обыска, произведеннаго у него союзной полиціей, напуганный обывательскими слухами о грозящемъ ему арестѣ и высылкѣ въ совѣтскую Россію, просилъ заступничества генерала Врангеля передъ англичанами и писалъ: „Пусть еще разъ сдѣлаютъ у насъ обыскъ, заберутъ все, что у насъ еще осталось: мы безсильны... Но погибнуть изъ за жадности нѣкоторыхъ мерзавцевъ — слишкомъ тяжело..."

Однако сознаніе своего безсилія не мѣшало Объединенному Совѣту принимать очень высокомѣрный тонъ по отношенію къ генералу Врангелю. Рядовое казачество очень отрицательно относилось къ такимъ проявленіямъ „суверенности". Въ письмѣ отъ 26 февраля 1921 г. командиръ Кубанскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Фостиковъ писалъ войсковому Кубанскому

Атаману генералъ-маіору Науменко: „Наши атаманы Букретовъ и Иванисъ насъ обманули и мы чтобы имѣть своего представителя и защитника выбрали Васъ своимъ войсковымъ атаманомъ для того, чтобы Вы, защищая интересы кубанцевъ, шли рука объ руку съ Главнокомандующимъ, котораго мы считаемъ единственнымъ руководителемъ вооруженныхъ противобольшевистскихъ русскихъ силъ. Мы — солдаты и приказъ нашего Главнокомандующаго для насъ законъ. Мы противъ Вашего разрыва съ Главнокомандующимъ, это говоритъ наша совѣсть въ защитѣ интересовъ Кубанскаго корпуса и общаго нашего русскаго дѣла. Мы — солдаты, а посему разрѣшеній политическихъ и экономическихъ вопросовъ на себя не беремъ. Мы воюемъ за счастье Россіи и Кубани. Политическая и экономическая работа принадлежитъ Вамъ съ Главнокомандующимъ. Втягивать въ политику своихъ подчиненныхъ офицеровъ и казаковъ мы не имѣемъ права".

Разрывъ съ Объединеннымъ Совѣтомъ произошелъ въ вопросѣ о Русскомъ Совѣтѣ, условіемъ вхожденія въ который атаманы поставили реконструкцію его состава и признаніе Главнокомандующаго „техническимъ органомъ", подчиненнымъ коллективному Совѣту.

Въ рядѣ засѣданій, созванныхъ по этому поводу, представители Русскаго Совѣта естественно потребовали отвѣта на главные вопросы: отказывается ли Объединенный Совѣтъ отъ права самостоятельныхъ сношеній и допускаетъ ли возможнымъ выступленія своего представителя г. Харламова на столбцахъ „Послѣднихъ Новостей", не только обливающаго грязью Главнокомандующаго, но отрицающаго Армію вообще?

Изъ протоколовъ этихъ засѣданій вырисовывается интересная картина. Одинъ изъ казачьихъ представителей, г. Букановскій, заявилъ, что „казаки не разсматривали никогда Главнокомандующаго носителемъ Всероссійской Верховной власти, ни Колчака, ни Деникина; только въ Крыму, по договору, общегосударственныя сношенія передавались Главнокомандующему". Другой представитель, г. Скобцовъ, сказалъ, что „Россія антибольшевистская не только здѣсь: и въ Парижѣ, и въ

Совѣщаніи Пословъ, и въ Совѣщаніи Учредительнаго Собранія... Харламовъ дѣйствуетъ по полномочію объединеннаго казачества, и въ образѣ его дѣйствій казачество неправильностей не усматриваетъ... Право самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній вытекаетъ изъ конституціи отдѣльныхъ казачьихъ образованій...".

Пропасть между двумя теченіями была, какъ видимъ, слишкомъ велика*). 12 іюня 1921 года Русскій Совѣтъ призналъ договоръ съ казачествомъ 22 іюля въ 1920 г. расторгнутымъ по винѣ казачьихъ правительствъ. Сообщая объ этомъ войсковымъ атаманамъ, Главнокомандующій писалъ: „Я считаю своимъ долгомъ заявить, что я попрежнему буду неустанно заботиться о казакахъ, наравнѣ съ прочими частями возглавляемой мною Арміи. Если Вамъ угодно будетъ посѣтить войсковые лагери, я не сомнѣваюсь, что Вы лично въ этомъ убѣдитесь".

Отвѣтное постановленіе Объединеннаго Совѣта, полное упрековъ по адресу Главнокомандующаго, было съ восторгомъ перепечатано въ „Послѣднихъ Новостяхъ" въ № 367 отъ 29 іюня 1921 г. Гг. Милюковъ и Харламовъ думали этимъ опубликованіемъ окончательно погубить престижъ генерала Врангеля не только среди общественнаго мнѣнія, но и среди самого казачества. Однако разсчеты эти оказались невѣрными.

Все осталось попрежнему. Заботы Главнокомандующаго о казакахъ простирались до того, что въ концѣ 1921 г. почти возникъ конфликтъ съ французами, желавшими въ первую очередь вывести части изъ Галлиполи, а затѣмъ съ Лемноса: генералъ Врангель настоялъ, чтобы въ первую очередь эвакуировались казаки, заключенные въ „водяной тюрьмѣ". Казачество попрежнему вѣрно шло за своимъ Главнокомандующимъ и попрежнему восторженно встрѣчало его появленіе въ казачьихъ частяхъ.

Отъ всей этой исторіи остался лишь документъ человѣческаго честолюбія.

---

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что много позже, передъ самой Генуэзской конференціей, объединенные атаманы прибыли въ Парижъ и при содѣйствіи г Харламова имѣли свиданіе съ „учредиловцами" и г. Милюковымъ.

Но въ рядѣ другихъ подобныхъ документовъ, дѣйствій, разговоровъ и слуховъ, — онъ рисуетъ намъ интересную картину того, какъ всѣ эти нажимы слѣва протекали безболѣзненно для организма Арміи: лѣвые друзья не имѣли доступа къ ея сердцу. Всѣ эти дѣйствія необычайно осложняли и безъ того трудное положеніе Главнокомандующаго: лишали его матеріальныхъ средствъ, создавали трудность въ сношеніяхъ съ иностранцами, возбуждали шатаніе въ бѣженской средѣ.

Но въ глубинахъ Арміи — они только спаивали ее со своимъ Главнокомандующимъ. Для солдатъ, казаковъ и офицеровъ не имѣло никакого значенія, сколько голосовъ будетъ имѣть казачество въ Русскомъ Совѣтѣ, но для нихъ было существенно важно знать, что на вершинѣ всего стоитъ человѣкъ, который провелъ съ ними тяжелый походъ, не бросилъ, продолжаетъ о нихъ заботу и воюетъ со всѣми за ихъ существованіе.

Но можетъ быть еще важнѣе было сознаніе того, что человѣкъ этотъ несетъ на себѣ бремя россійской власти, пусть теперь непризнаваемой и эфемерной, но для каждаго дорогой и близкой: ибо только это сознаніе оправдывало страданія людей и дѣлало ихъ пребываніе на чужбинѣ нужнымъ и осмысленнымъ.

ГЛАВА III.

ОКОЛО АРМІИ.

Широкій правый фронтъ. Парламентскіе комитеты. Партія Народной Свободы. Съѣздъ Русскаго Національнаго Объединенія и Русскій Національный Комитетъ Декларація константинопольской общественности. Русскій Совѣтъ. Колебанія центра. Общественность въ Сербіи. Бѣженскія организаціи и помощь русскихъ колоній въ Кор. С. Х. С. Первыя тучки.

Въ борьбѣ съ лѣвой общественностью Главнокомандующій, естественно, нашелъ себѣ союзниковъ среди правыхъ.

Необходимо отмѣтить, что подъ „правой" общественностью слѣдуетъ разумѣть далеко не то, что въ глазахъ опредѣленной части общества окрашивается специфически чернымъ цвѣтомъ.

В. Л. Бурцевъ, увѣренный въ единственной возможности власти, если ее будутъ осуществлять „Юреневы и Чайковскіе",—былъ въ этомъ „правомъ" лагерѣ. Проф. И. П. Алексинскій, все еще носящій по старой памяти штампъ „народнаго соціалиста", былъ съ нами. Съ нами былъ кн. Павелъ Долгоруковъ, хранитель устоевъ кадетской партіи. Съ нами были правоцентральныя фигуры А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Съ нами были А. Ф. Треповъ, Н. Е. Марковъ и всѣ будущіе столпы оффиціальнаго монархизма.

Но, самое главное,—съ нами была подавляющая масса неорганизованнаго русскаго бѣженства.

„Правый флангъ", поддерживавшій Армію, былъ не столько политической, сколько психологической природы. Для нихъ важенъ былъ не принципъ монархіи, но была нестерпима острая боль отъ потери русской государственности и горячее желаніе поддержать ея обломки: они чувствовали, что обломки эти находятся въ Арміи. Для Бурцева и Долгорукова — на этомъ кончалась психологическая потребность честной и мужественной поддержки; для Трепова, Маркова — поддержка эта сливалась съ воспоминаніями о другой арміи, при другихъ временахъ, — старой Россійской Императорской Арміи и ея непререкаемомъ Вождѣ — Русскомъ Царѣ.

Но каково бы ни было психологическое „пріятіе" Арміи, всѣ эти люди, отъ Бурцева до Маркова, искренне и безоговорочно были ея друзьями.

Въ этомъ широкомъ фронтѣ было мало организованности; но и не было политиканства. Мотивы поддержки Арміи, какъ уже указано выше, были не политическимъ разсчетомъ, но психологической потребностью. Чувства не были оформлены партійными съѣздами и сжаты обязательными тисками постановленій. И огромная масса русскаго бѣженства, по своей природѣ монархическаго, не имѣла своихъ политическихъ вождей и тянулась къ центру русской эмиграціи — Русской Арміи.

* * *

Сильной опорой для Арміи послужило образованіе въ Парижѣ и во всѣхъ крупныхъ центрахъ „парламентскихъ комитетовъ".

„Парламентскіе комитеты" состояли изъ бывшихъ членовъ законодательныхъ палатъ — Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Въ противоположность Съѣзду Членовъ Учредительнаго Собранія, они не претендовали ни на какую „преемственность" въ смыслѣ своего права на выраженіе народной воли. Объединенные формальнымъ признакомъ принадлежности къ законодательнымъ палатамъ, по существу они были

объединены только общимъ стремленіемъ поддержать русское имя и русскую государственную идею.

Значеніе этихъ комитетовъ было огромно.

Посколько для широкой публики былъ важенъ демократическій штампъ и посколько на нее дѣйствовали демагогическіе пріемы ораторовъ „учредилки",— постолько для дѣловой, незамѣтной, но необходимой работы были цѣнны старые русскіе парламентаріи. Какъ ни малъ былъ стажъ россійскаго парламента, — въ него влилось много людей подлиннаго опыта, и много именъ говорило не только человѣческому сердцу, но и уму. Среди нашихъ русскихъ парламентаріевъ были лица, связанныя дѣловой работой съ крупными иностранными дѣятелями, и это должно было оказывать большое вліяніе.

Душою этихъ организацій — въ общемъ масштабѣ — были А. І. Гурко и А. И. Гучковъ.

Здѣсь мнѣ кажется совершенно необходимымъ остановиться на одномъ изъ нихъ — А. И. Гучковѣ. Есть фатальныя обвиненія, которыя преслѣдуютъ людей и которыя становятся особенно популярными. Монархиста В. В. Шульгина упрекали въ томъ, что онъ убѣдилъ Государя отречься отъ престола, хотя рѣшеніе это было принято до его пріѣзда и независимо отъ него: по вышедшимъ воспоминаніямъ Шульгина*) мы знаемъ всѣ детали и всѣ мотивы его поѣздки въ Псковъ. Точно также на А. И. Гучкова легла тѣнь обвиненія въ составленіи „приказа № 1", когда документально установлено, что къ приказу этому онъ никакого отношенія не имѣлъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы его парализовать**). Тѣмъ не менѣе обвиненіе это очень популярно. Одинъ изъ видныхъ генераловъ писалъ Главнокомандующему въ октябрѣ 1920 года (въ Крымъ):

---

*) В. Шульгинъ. „Дни". Бѣлградъ. 1925 г.

**) По случаю полугодичнаго „юбилея" Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, „Извѣстія" удѣлили много столбцовъ исторіи этого приказа. Съ исчерпывающей полнотой было изложено его происхожденіе, подчеркивалось „революционное" его значеніе и „пригвождалась к позорному столбу" дѣятельность А. И. Гучкова, „пытавшагося наложить новые путы на революционную армию". Къ сожалѣнію, мнѣ приходится цитировать по памяти, такъ какъ этотъ номеръ остался въ Севастополѣ.

„Имя А. И. Гучкова, какъ автора приказа № 1, разрушившаго нашу доблестную армію, слишкомъ ненавистно въ военныхъ кругахъ, и я сомнѣваюсь, чтобы съ нимъ пошли лучшіе офицеры". Я убѣжденъ, что и настоящія строки не разсѣютъ въ отношеніи А. И. Гучкова пущенной басни.

Тѣмъ достойнѣе его исключительная роль въ дѣлѣ помощи Арміи. Пользуясь своими большими связями въ общественныхъ и торгово-промышленныхъ кругахъ, А. И. Гучковъ проявилъ необыкновенную энергію, забывъ всѣ свои личныя обиды. Въ вопросѣ о добываніи средствъ, смягченіи требованій французовъ о распыленіи Русской Арміи, въ проведеніи нашей точки зрѣнія въ различныхъ учрежденіяхъ — А. И. Гучковъ являлся дѣйствительнымъ другомъ Арміи.

Парламентскіе комитеты стали ядрами русской національной мысли, особенно цѣнными потому, что мысль эту они выражали не только декларативно, но помогали своей практической работой. И особое значеніе получили они въ условіяхъ Константинополя, гдѣ имѣлъ пребываніе штабъ Главнокомандующаго.

Время, непосредственно слѣдовавшее за Съѣздомъ Членовъ Учредительнаго Собранія, ознаменовалось крупнымъ явленіемъ въ русской общественной жизни: произошелъ расколъ въ рядахъ кадетской партіи. Несомнѣнно, что очень многіе изъ членовъ этой партіи сочувствовали дѣлу Русской Арміи. Но открытое и твердое выявленіе отношенія къ ней, вплоть до отвѣтственныхъ заявленій, связывающихъ ее съ судьбами Арміи, не соотвѣтствовало характеру партіи Народной Свободы. Мы знаемъ почти трогательное отношеніе къ Арміи, которое продолжалъ выявлять частнымъ образомъ такой крупный дѣятель кадетской партіи, какъ проф. П. И. Новгородцевъ; но изъ видныхъ партійныхъ лидеровъ только одинъ кн. Павелъ Долгоруковъ имѣлъ мужество открыто встать на ея сторону и въ полномъ смыслѣ этого слова связать себя съ ея судьбою.

Расколъ въ кадетской партіи произошелъ вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ позиціи П. Н. Милюкова, пошедшаго рука объ руку съ вождями соціа-

листовъ-революціонеровъ. Въ Центральномъ Комитетѣ партіи такіе ветераны кадетизма, какъ Родичевъ и Петрункевичъ, осудили „новую тактику“ Милюкова. Къ нимъ присоединились кн. Павелъ Долгоруковъ, Астровъ, Набоковъ и Тесленко, и, хотя была принята мягкая и половинчатая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, произошелъ глубокій внутренній расколъ.

Расколъ кадетской партіи ускорилъ образованіе той центральной группировки, которая въ іюнѣ 1921 г. была осуществлена Съѣздомъ Русскаго Національнаго Объединенія. Съѣздъ открылся предсѣдателемъ Бюро В. Л. Бурцевымъ и на немъ былъ избранъ Русскій Національный Комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ выбранъ проф. А. В. Карташовъ.

Въ постановленіи Съѣзда по докладу покойнаго В. Д. Набокова указывается на „глубокое національное, моральное и политическое значеніе вѣрности принципу вооруженной борьбы и неизмѣнной связи съ Русской Арміей“, ибо Съѣздъ видитъ въ этомъ „средство и путь къ охраненію національной чести, залогъ возрожденія русскаго государства и возстановленія международнаго къ нему довѣрія“.

Національный Комитетъ все время оставался вѣрнымъ этому постановленію и никогда не сходилъ съ той дружественной платформы, которая вытекала изъ такого міровоззрѣнія. Работа его можетъ быть оцѣнена особенно въ связи съ тѣмъ, что, объединяя много разнородныхъ элементовъ, Національный Комитетъ не могъ иногда выявить въ полной мѣрѣ яркій и опредѣленный политическій курсъ. Но въ моменты тягчайшихъ испытаній Русской Арміи, въ общемъ хорѣ голосовъ, вставшихъ на ея защиту, Національный Комитетъ умѣлъ подыматься до того истиннаго паѳоса, который отвращалъ событія, казавшіяся неотвратимыми.

* * *

Такимъ образомъ, послѣ лѣвыхъ демонстрацій общественнаго мнѣнія, уже назрѣвали правыя теченія русской общественности, особенно замѣтныя вблизи пребыванія самой Русской Арміи. Дѣйствительно, близость къ людямъ, пережившимъ катастрофу, и осязаніе

происходящей борьбы спасали многихъ отъ парижскихъ увлеченій. Здѣсь бился пульсъ настоящей жизни. Здѣсь затухали слова, готовыя литься рѣкой въ парижскихъ салонахъ. Здѣсь было не теоретическое разсужденіе, а подлинное соприкосновеніе съ величайшей русской драмой.

Въ связи со всей этой обстановкой, общественные дѣятели въ Константинополѣ заняли сразу самое опредѣленное отношеніе къ Русской Арміи. По прибытіи генерала Врангеля въ Константинополь, они обратились къ нему 17 ноября 1920 года со слѣдующей декларацiей:

„Главнокомандующему Русской Арміей и Правителю.

Собравшись въ Константинополѣ, представители нижепоименованныхъ общественныхъ организацій горячо привѣтствуютъ Васъ и въ Вашемъ лицѣ доблестную Русскую Армію, до конца продолжавшую неравную борьбу за культуру и русскую государственность и вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность заявить, что они считаютъ борьбу съ большевизмомъ продолжающейся и видятъ въ Васъ, какъ и прежде, главу Русскаго Правительства и преемственнаго носителя законной власти, объединяющей русскія силы, борющіяся противъ большевизма".

Декларацію эту подписали представители многочисленныхъ русскихъ организацій, въ томъ числѣ П. Юреневъ, Г. Алексѣевъ, С. Глазовъ, г. Тесленко и др., изъ которыхъ многіе, черезъ самый короткій промежутокъ времени, совершенно отказались отъ мыслей, изложенныхъ въ приведенной декларацiи.

Но тѣмъ не менѣе, въ этой обстановкѣ борьбы съ иностранцами, создавалась атмосфера того непартійнаго дѣлового общенія, которая дала возможность осуществить идею Русскаго Совѣта*).

---

*) Составъ членовъ Русскаго Совѣта. Предсѣдатель — Главнокомандующій генералъ Врангель. Отъ Высшаго Церковнаго Управленія — епископъ Веніаминъ. Отъ Парламентскихъ Комитетовъ — проф. И. П. Алексинскій, А. И. Гучковъ, В. В. Лашкевичъ, проф. Т. В. Локоть, Н. Н. Львовъ, гр. В. В. Мусинъ Пушкинъ, Л. В. Половцевъ, Н. П. Савицкій, Г. В. Скоропадскій. Отъ земскихъ гласныхъ Н. И. Антоновъ, Ф. Д. Свербеевъ, гр. И. А. Уваровъ. Отъ городскихъ гласныхъ: В. М. Знаменскій, В. Ф. Малининъ, А. И. Мосоловъ. Отъ торговли и промышленности: Н. А. Ростовцевъ, И. Н. Чумаковъ, Т. И. Шамшинъ (выбылъ въ самомъ началѣ дѣйствія Русскаго Со-

Въ основаніе „Положенія о Русскомъ Совѣтѣ“ была принята та же мысль, которая такъ ярко выражена въ приведенной выше декларации общественныхъ организацій и которая базируется на признаніи „преемственности власти“. Мысль эта была необходима по цѣлому ряду причинъ. Во первыхъ, если Армія мыслилась, какъ главное ядро русскаго объединенія, то необходимо было подчеркнуть идею „преемственности власти“, которая одна могла ее одухотворить и являлась основой ея существованія. Исключеніе этого понятія — дѣлало бы Армію ненужнымъ придаткомъ къ общебѣженской массѣ. Во вторыхъ, — эта мысль была необходима, чтобы противопоставить общественную организацію при Арміи тѣмъ объединеніямъ, которыя тоже претендовали на обще-русское значеніе, какъ Съѣздъ Членовъ Учредительнаго Собранія, Совѣщаніе Пословъ, или которыя стали на путь обособленнаго сепаратизма, вродѣ Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека. Наконецъ, только это признаніе давало основаніе начать борьбу за обладаніе тѣми матеріальными рессурсами, которые остались заграницей отъ Россійскаго Государства.

Самое „Положеніе“ было составлено въ результатѣ длительныхъ переговоровъ съ общественными организаціями. Правая организація „Союза Спасенія Родины“ въ своемъ проектѣ прямо указывала, что Совѣтъ „долженъ имѣть совѣщательный характеръ и не обладать никакими исполнительными функціями“, причемъ члены Совѣта назначались Главнокомандующимъ изъ числа лицъ, рекомендованныхъ различными организаціями. Согласительная Комиссія Парламентскаго Комитета въ Константинополѣ съ представителями различныхъ общественныхъ организацій выработала начала, положенныя въ основу утвержденнаго „Положенія“. Въ проектѣ Парламентскаго Комитета говорилось о „преемственной Русской Власти, осуществляемой Главнокомандующимъ Русской Арміей въ единеніи съ общественными силами,

---

вѣта), В. П. Шмитъ. Отъ бѣженскихъ организацій Королевства С.Х.С.: П. В. Скаржинскій. По назначенію Главнокомандующаго: Г. А. Алексинскій, ген. Ю. Н. Даниловъ, кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, С. Н. Ильинъ, ген. В. С. Толстовъ, В. В. Шульгинъ.

Открытіе Русскаго Совѣта, 5 апрѣля 1921 г.

борющимися противъ большевизма". Составъ его опредѣлялся выборными членами и членами по приглашенію Главнокомандующаго. Политическій Объединенный Комитетъ („ПОК"), объединяющій лѣвыя теченія либеральной общественной мысли, подъ вліяніемъ работы формально неотколовшагося отъ кадетской партіи П. Н. Милюкова, позиціи Совѣщанія Пословъ и боязни открытой и прямой борьбы, къ марту мѣсяцу 1921 года сталъ явно отступать отъ своей же деклараціи и формулировалъ первый пунктъ проекта „Положенія", исключивъ изъ него понятіе „преемственной власти" и ограничивъ его компетенцію мѣстнымъ значеніемъ, какъ соглашеніе между Главнокомандующимъ, Политическимъ Объединеннымъ Комитетомъ и Парламентскимъ Комитетомъ въ Константинополѣ.

Въ результатѣ согласованія отдѣльныхъ пунктовъ, Главнокомандующимъ было утверждено Положеніе о Русскомъ Совѣтѣ, которое почти воспроизводило проектъ Согласительной Комиссіи Парламентскаго Комитета.

* * *

Русскій Совѣтъ открылся 5 апрѣля 1921 г. рѣчью Главнокомандующаго. Изложивъ общую обстановку, при которой образовался Русскій Совѣтъ, генералъ Врангель сказалъ членамъ Совѣта: „Вы будете блюстителями единаго фронта русской государственности. Вамъ предстоитъ воплощать это начало передъ міромъ". Среди задачъ, стоящихъ передъ Совѣтомъ, первой ставилось—„возвысить голосъ въ защиту Русской Арміи", а какъ главное заданіе—„взять на себя сохраненіе остатковъ государственнаго достоянія для разсчетливаго и цѣлесообразнаго использованія ихъ въ интересахъ русскаго дѣла". Характеръ взаимоотношеній съ русской общественностью былъ очерченъ, слѣдующими словами: „Дѣятельность Совѣта должна протекать внѣ обособленныхъ домогательствъ партійныхъ образованій. Они давно обратились въ пережитки, утратившіе смыслъ прежняго своего предназначенія. Но даже эти партіи, какъ бы цѣпко онѣ ни держались прошлыхъ своихъ заданій и тактическихъ пріемовъ, свободно могли бы итти теперь сомкнутымъ строемъ къ осуществленію

безспорныхъ и очевидныхъ задачъ текущаго времени. Подобное сліяніе усилій могло бы послѣдовать, конечно, при условіи, если бы въ сердцахъ отдѣльныхъ дѣятелей образъ страдалицы-Родины заслонилъ угасающую жизнь отжившихъ свой вѣкъ политическихъ сочетаній".

Опубликованію Положенія о Русскомъ Совѣтѣ предшествовали новые длительные переговоры съ представителями общественныхъ организацій. Въ предварительномъ совѣщаніи на яхтѣ „Лукуллъ" 7 марта 1921 г., П. П. Юреневъ подчеркнулъ характеръ „совѣщательности" Совѣта, что, по его мнѣнію, должно мѣшать „импонировать Западу и нашимъ общественнымъ кругамъ". Характеръ Совѣта, по мнѣнію г. Юренева, долженъ быть „не дѣловой, а политическій, боевой, въ составъ котораго вошли бы лица съ большимъ политическимъ именемъ". А. С. Хрипуновъ считалъ, что „созданіе Русскаго Совѣта теперь несвоевременно: это необходимо было сдѣлать въ ноябрѣ, или создавать его, когда мы будемъ вновь на русской территоріи". Въ письмѣ отъ 9 марта 1921 г. П. П. Юреневъ предостерегалъ генерала Врангеля отъ созданія органа, „выносящаго рѣшенія, ни для кого не обязательныя", ибо „роль факультативнаго совѣтника при Главнокомандующемъ не укладывается въ современную психологію политическихъ дѣятелей, извѣстныхъ заграницей". Однако, черезъ нѣсколько дней, 16 марта, г. Юреневъ писалъ, что „Политическій Объединенный Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ всемѣрно способствовать проведенію въ жизнь утвержденнаго Главнокомандующимъ Положенія о Русскомъ Совѣтѣ, ибо таковое почти совпадаетъ съ Положеніемъ, одобреннымъ 12 марта сего года Общимъ Собраніемъ Политическаго Объединеннаго Комитета". Такимъ образомъ Положеніе о Русскомъ Совѣтѣ получило общественную санкцію самой лѣвой изъ константинопольскихъ общественныхъ группировокъ: воздухъ Константинополя былъ слишкомъ полонъ доброжелательства къ Русской Арміи, что не могло не отразиться на вотумѣ Комитета.

Парижскія настроенія создали болѣе сильную оппозицію. Н. В. Чайковскій телеграфировалъ проф. И. П. Алексинскому, что созданіе Совѣта въ настоящее время является „вреднымъ анахронизмомъ“ и что „партія народныхъ соціалистовъ, считая конструкцію Совѣта необщественной, единогласно признала участіе въ немъ невозможнымъ“. Группа Національнаго Комитета, за подписью М. М. Федорова, П. Б. Струве, А. В. Карташова, П. Н. Финисова, Ю. Ф. Семенова, С. Н. Третьякова, А. А. Бубликова и В. Л. Бурцева, послала телеграмму, въ которой указывается, что „такъ какъ въ настоящихъ условіяхъ Главное Командованіе не можетъ притязать на значеніе Всероссійской государственной власти, то и подлежащій образованію при немъ политическій Совѣтъ тоже не можетъ почитаться Всероссійскимъ представительнымъ органомъ, а можетъ имѣть только мѣстное значеніе“. А. И. Гучковъ въ письмѣ отъ 13 іюня 1921 г., описывая Главнокомандующему засѣданіе Національнаго Съѣзда, писалъ: „Армія была все время въ большомъ почетѣ, также и Главнокомандующій. Не везло только бѣдному Русскому Совѣту, котораго никто не хотѣлъ признавать“.

Такимъ образомъ, со стороны либеральной русской общественности къ Русскому Совѣту было проявлено или враждебное, или сдержанно-отрицательное отношеніе. И только русское бѣженство, разсѣянное по Балканскимъ странамъ, главнымъ образомъ, въ Сербіи, откликнулось въ цѣломъ рядѣ своихъ постановленій горячимъ привѣтомъ тому центру, который образовывался вокругъ Русской Арміи.

* * *

Политическая обстановка Сербіи, куда должны были перебросить значительныя части контингентовъ, имѣла особое значеніе, какъ въ смыслѣ территоріальномъ, такъ и въ силу того обстоятельства, что въ Королевствѣ С. Х. С. Русская Армія встрѣтилась съ единственнымъ случаемъ организованнаго русскаго бѣженства.

Благодаря особенностямъ эвакуаціи, составъ сербскаго бѣженства былъ на 99% монархически настроен-

нымъ, однородно мыслящимъ и однородно воспринимающимъ.

Въ іюлѣ 1920 г. состоялся разрѣшенный правительствомъ Королевства Съѣздъ русскихъ бѣженцевъ, на который попали делегаты, избранные отъ 70 дѣйствовавшихъ къ тому времени русскихъ колоній. Какъ и должно было ожидать, демократически избранный Съѣздъ оказался правымъ, въ противоположность лѣвому Земгору, созданному на антидемократическихъ началахъ. Съѣздъ этотъ закончился выборомъ Бюро Съѣзда Русскихъ Бѣженскихъ Организацій въ составѣ П. В. Скаржинскаго, С. Н. Палеолога, вскорѣ назначеннаго Правительственнымъ Уполномоченнымъ по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ, и генерала Батюшина.

Русская Армія занимала въ это время Крымъ.

Первая мысль Съѣзда была о Русской Арміи. Съ необыкновеннымъ единодушіемъ было послано привѣтствіе Русской Арміи, и делегаты разнесли по многочисленнымъ колоніямъ категорическое требованіе Съѣзда— главнѣйшую дѣятельность свою направлять на дѣло помощи крымской борьбѣ.

Вскорѣ этой жизненной общественной организаціи пришлось вступить въ борьбу съ другими общественными организаціями — Союзомъ Земствъ и Городовъ, около которыхъ сгруппировались немногочисленные „лѣвые" сербскаго бѣженства. „Лѣвизна" ихъ была очень относительна; но на общемъ фонѣ представляла значительный контрастъ. „Лѣвизна" ихъ заключалась больше въ старыхъ общественныхъ привычкахъ и навыкахъ, не свободныхъ отъ тѣхъ трафаретныхъ формъ мышленія, которыми была почти обязательно окрашена общественная работа въ старой Россіи.

Началась борьба между „патентованной" общественностью (кстати сказать, обладательницей денежныхъ средствъ) — и общественностью новой, обладающей только своимъ правомъ избранія: защитникамъ демократизма приходилось теперь оспаривать и опорачивать практическіе результаты примѣненія его на дѣлѣ.

Острота момента усилилась послѣ паденія Крыма. Крымская катастрофа отразилась полярно-противоположно на этихъ двухъ полюсахъ русской общественности.

„Правая общественность“ отозвалась во всѣхъ захолустьяхъ Королевства рядомъ собраній и призывомъ къ активной помощи. Тотчасъ по полученіи свѣдѣній объ эвакуаціи Крыма, С. Н. Палеологъ разослалъ циркуляры по колоніямъ, гдѣ между прочимъ говорилось: „Твердо вѣря въ то, что съ паденіемъ Крыма героическая борьба честныхъ русскихъ патріотовъ противъ краснаго ига будетъ продолжаться, обращаюсь къ русскимъ бѣженцамъ въ Кор. С. Х. С. съ предложеніемъ притти на помощь эвакуированной Арміи и, хотя бы добровольнымъ самообложеніемъ, показать, что здѣсь, вдали отъ родины, русскіе люди чтутъ и помнятъ своихъ героевъ, отдающихъ силы и жизнь спасенію гибнущаго отечества“. Горячій призывъ С. Н. Палеолога былъ услышанъ, и былъ образованъ „Фондъ имени генерала Врангеля“, въ который было собрано свыше 80.000 динаръ.

„Лѣвая общественность“ восприняла катастрофу, какъ подтвержденіе своего прежняго скептицизма и какъ основаніе для полной эмансипаціи отъ „павшей“ россійской власти. Съ паденіемъ Крыма, формальныя связи стали необязательны: представители „лѣвой общественности“ становились на собственныя ноги. Въ кулуарахъ одного учрежденія, вѣдающао помощью бѣженцамъ, можно было услышать циничное замѣчаніе по вопросу объ оказаніи помощи инвалиду: „Врангель его попортилъ, пусть онъ ему и платитъ“.

Борьба обострялась. Правительственный Уполномоченный С. Н. Палеологъ, а за нимъ и громадная масса организованнаго бѣженства, заняла рѣзкую позицію по отношенію къ Совѣщанію Пословъ, поведеніе котораго считалось „предательствомъ“: въ Главнокомандующемъ попрежнему видѣли преемника Россійской Власти. Отношеніе бѣженцевъ было настолько нервное, что когда пріѣхали въ Бѣлградъ представители Земгора, кн. Львовъ и Зеелеръ, на дверяхъ отеля, гдѣ они помѣстились, появился плакатъ, по сербскимъ законамъ оклеенный гербовой маркой, со слѣдующимъ объявленіемъ: „Здѣсь остановились предатели кн. Львовъ и Зеелеръ. Лица, желающія плюнуть имъ въ физіономію, благоволятъ записываться въ очередь“.

Все это чрезвычайно осложняло политическую обстановку. Но во всей этой сложной обстановкѣ, правая бѣлградская общественность стояла на должной высотѣ. Въ тяжелый моментъ французскаго ультиматума о выселеніи Арміи въ Бразилію и совѣтскую Россію, русское бѣженство въ Сербіи, руководимое С. Н. Палеологомъ и П. В. Скаржинскимъ, встало, какъ одинъ человѣкъ, — и изъ 250 существовавшихъ въ то время колоній, посыпались вопли о спасеніи Арміи.

Когда тяжелое дѣло разселенія Арміи по Балканскимъ странамъ было осуществлено, и 1 марта 1922 г. въ Бѣлградъ прибылъ Главнокомандующій, — его встрѣчала на вокзалѣ многотысячная толпа, встрѣчала не только, какъ Главнокомандующаго, но какъ своего Верховнаго Вождя.

Это было подлинное, искреннее и ничѣмъ не обусловленное чувство: такимъ же оно осталось у бѣженцевъ и понынѣ. До сихъ поръ, при появленіи въ колоніяхъ, Главнокомандующій является предметомъ горячихъ и искреннихъ овацій. Русское бѣженство въ Сербіи не можетъ вычеркнуть ни заслугъ Русской Арміи, ни неотдѣлимаго отъ нея генерала Врангеля.

* * *

Но на безоблачное, казалось бы, небо, уже тогда, въ мартѣ 1922 г. набѣгали тучки. Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ оформилъ монархическія настроенія провозглашеніемъ монархической программы. Впервые послѣ революціоннаго разгрома выявлялась монархическая партія, и на поверхности появились, уже съ другой стороны, старые „патентованные“ вожди. Вмѣсто прежняго заданія — помощи національному дѣлу — появилось новое: борьба за овладѣніе Арміей. Заслуги передъ Арміей со стороны правыхъ круговъ казались настолько велики, что давали основаніе считать, что наступилъ моментъ сдѣлать изъ Арміи и орудіе политической борьбы. Успѣхи лѣвыхъ круговъ на почвѣ захвата государственныхъ средствъ побуждали правыхъ на захватъ государственнаго значенія.

И когда попытки эти разбились о непреклонную волю генерала Врангеля, поднялся противъ него цѣлый организованный походъ.

ГЛАВА IV.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ. Карловацкій Соборъ. Выявленіе „лозунга". Правыя настроенія въ Арміи. Натискъ справа. Конецъ Русскаго Совѣта.

Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ*), имѣвшій мѣсто 29 мая — 6 іюня 1921 года и объединившій монархическія теченія русской эмиграціи, послалъ Главнокомандующему слѣдующую телеграмму:

„Только что собравшійся Съѣздъ Хозяйственнаго Возстановленія Россіи единогласно постановилъ выразить глубокое восхищеніе и полное сочувствіе доблестнымъ бойцамъ Вашей героической Арміи и Вамъ, какъ ея Главнокомандующему, которые сражались съ такимъ самоотверженіемъ за спасеніе нашей многострадальной Родины. Мы отъ всего сердца надѣемся и твердо увѣрены, что Ваши солдаты и офицеры выдержатъ всѣ тяжелыя испытанія и еще проявятъ свою доблесть въ моментъ окончательнаго освобожденія Россіи отъ дикаго и невыносимаго ига ея жестокихъ поработителей. Предсѣдатель Съѣзда Александръ Крупенскій".

Телеграмма, какъ видно изъ ея текста, была составлена въ духѣ той національной платформы, кото-

*) Такъ наз. „Съѣздъ Хозяйственнаго Возстановленія Россіи"

рая дѣло поддержки Арміи не связывала ни съ партійной принадлежностью, ни съ опредѣленными лозунгами; но въ засѣданіяхъ Съѣзда оформлялась уже опредѣленно-монархическая партійная тенденція. Эта тенденція выразилась въ принятіи положенія, что „единственный путь къ возрожденію великой, сильной и свободной Россіи — есть возстановленіе въ ней монархіи, возглавляемой законнымъ Государемъ изъ Дома Романовыхъ, согласно основнымъ законамъ Россійской Имперіи".

Съ точки зрѣнія общественной, Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ явился явленіемъ положительнымъ, ибо впервые, послѣ долгаго промежутка, организовалась та часть русской общественности, которая не только существовала, но въ русской эмиграціи представляла значительное большинство. Созывомъ Съѣзда въ спектрѣ политическихъ группировокъ заполнялось мѣсто, бывшее до того пустымъ, что явно не соотвѣтствовало дѣйствительности.

Однако, провозглашеніе принципа „Царя изъ Дома Романовыхъ" конкретизировало монархическія чаянія и конкретизировало тоже въ мѣрѣ, не соотвѣтствующей дѣйствительной обстановкѣ. Въ условіяхъ бѣженства трудно было говорить о „законномъ Царѣ изъ Дома Романовыхъ", предрѣшая этимъ не только первую ступень — возстановленіе монархіи въ Россіи, но и вторую — врученіе правъ опредѣленному лицу. Общій монархическій принципъ суживался упоминаніемъ объ основныхъ законахъ о престолонаслѣдіи. Вокругъ толкованія этихъ законовъ могло возникнуть династическое соперничество отдѣльныхъ лицъ, и примѣненіе его могло привести къ выводамъ, совершенно губительнымъ въ общей обстановкѣ.

Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ избралъ Высшій Монархическій Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Н. Е. Маркова. Уже одинъ этотъ выборъ показывалъ, что Высшій Монархическій Совѣтъ не остановится на полъ-дорогѣ, но будетъ принимать всѣ мѣры къ активному проведенію въ жизнь всѣхъ своихъ постановленій. Приведенная выше телеграмма Рейхенгалльскаго Съѣзда не могла соотвѣтствовать духу Высшаго Монархическаго Совѣта,

который долженъ былъ предпринять новые шаги для проведенія своихъ идей. Дѣйствительно, Высшій Монархическій Совѣтъ вступилъ на путь личныхъ переговоровъ съ членами династіи. Однако, переговоры эти ни къ чему не привели. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна категорически уклонилась отъ какого-либо выступленія, а Великій Князь Николай Николаевичъ наотрѣзъ отказался возглавить монархическое движеніе.

Неуспѣхъ въ этихъ переговорахъ побудилъ Высшій Монархическій Совѣтъ на новыя дѣйствія, и первый шагъ въ этомъ направленіи предстояло сдѣлать на созванномъ въ ноябрѣ того же года Заграничномъ Русскомъ Церковномъ Собраніи въ Сремскихъ Карловцахъ, извѣстномъ подъ наименованіемъ Карловацкаго Собора.

* * *

Говоря объ общенаціональныхъ цѣнностяхъ, оказавшихся заграницей, нельзя не поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ Русской Православной Церкви.

Церковная жизнь и церковные вопросы мало интересовали широкую русскую публику въ дореволюціонной Россіи. Церковь объявлялась достояніемъ „некультурныхъ классовъ“, или спеціалистовъ, занимающихся религіозно-философскими вопросами. Поверхностный позитивизмъ, поверхностное рѣшеніе самыхъ сложныхъ проблемъ,— все это заражало русскіе интеллигентскіе круги.

Перенесенныя испытанія рѣзко измѣнили отношеніе русскаго бѣженства къ вопросамъ религіи. То, что было необходимымъ обрядомъ, отбываніемъ опредѣленной повинности, стало внутренней потребностью. Вездѣ, гдѣ появлялась русская эмиграція, будь то воинская часть, или группа людей, заброшенныхъ въ чужеземный городокъ,— первая мысль послѣ того, какъ осѣдали люди, была мысль о созданіи храма. Съ трогательной любовью дѣлались походныя церкви; съ трогательной любовью писались иконы, изготовлялись церковные сосуды. Въ то время, какъ въ старой Россіи 90 проц. семинаристовъ шли въ „свѣтскія школы“,

много молодыхъ людей теперь шло, совсѣмъ не изъ духовной среды, на богословскіе факультеты. Образовывались религіозно-философскіе кружки, гдѣ принимали участіе не изысканные теологи типа Мережковскаго, а простые люди, ищущіе Божьей правды.

Причины этого движенія сложны и многообразны. Тутъ были и душевныя потрясенія, которыя требовали новыхъ устремленій; тутъ была и жажда услышать родные звуки и увидѣть родную обстановку. Рядомъ съ сербской православной церковью устраивалась своя, пусть убогая, но р у с с к а я часовня. Въ ней было теплѣе, уютнѣе, интимнѣе. Въ ней служилъ русскій батюшка—и въ ней русскій изгнанникъ забывалъ о своемъ бѣженствѣ.

Русская Церковь, какъ и Русская Армія, отражали двѣ стороны великой національной Россіи. Онѣ должны были оставаться незыблемыми надпартійными столпами, поддерживающими другъ друга, чуждыми мелочныхъ интригъ и политиканства.

Союзъ Церкви и Арміи въ условіихъ бѣженства былъ не искусственный, но необходимый и внутреннеоправдываемый.

* * *

Предсѣдатель Высшаго Церковнаго Управленія заграницей, Высокопреосвященнѣйшій Антоній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, всегда относился къ Русской Арміи съ особой чуткостью. Глубоко-образованный богословъ, онъ былъ яркимъ патріотомъ и въ остаткахъ русскаго воинства видѣлъ носителей русской государственной идеи. По убѣжденіямъ монархистъ, онъ, несомнѣнно видѣлъ конечной цѣлью возстановленіе русскаго Царя, и опредѣленныя постановленія Рейхенгалльскаго Съѣзда должны были ему импонировать.

Созывъ Карловацкаго Собора *) былъ для Высшаго Монархическаго Совѣта удобнымъ случаемъ распро-

---

*) Въ президіумъ Собора вошли: предсѣд. — Антоній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій; тов. предсѣдат.—Анастасій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій; протоіерей Орловъ (Швейцарія), А. Н. Крупенскій (по приглашенію архіепископа Евлогія), кн. А. А. Ширинскій-Шахматовъ (Германія), секретари: С. И. Голикоъ (Сербія), г. Скрынченко (Сербія), протоіерей Писарчукъ (Сербія).

странить свое вліяніе на православную Церковь заграницей и черезъ нее воздѣйствовать на русское бѣженство. И, дѣйствительно, на Карловацкомъ Соборѣ разгорѣлась яркая политическая борьба.

Страсти разгорѣлись оттого, что группа Маркова потребовала открыто провозгласить монархическій лозунгъ и тѣмъ распространить постановленіе Рейхенгалля на Соборъ, говорящій отъ имени всей православной Церкви заграницей.

Одинъ изъ видныхъ участниковъ Собора такъ описываетъ свои впечатлѣнія: „Вся подготовка Церковнаго Собора и, такъ сказать, инсценировка, попала въ руки бѣлградской монархической организаціи во главѣ со Скаржинскимъ. Соборъ оплели такой паутиной интригъ, что морально было невыносимо присутствовать на собраніи, возглавляемомъ іерархами православной Церкви и оскверненномъ самой нечистоплотной политикой. На сто присутствовавшихъ членовъ было только двѣнадцать епископовъ и около двадцати лицъ бѣлаго духовенства, и свѣтскій элементъ явился организованной партійной группой, связанной дисциплиной, подчиненной опредѣленнымъ партійнымъ директивамъ, преслѣдующей свои партійныя цѣли... Марковъ 2 й, какъ въ былое время на трибунѣ Государственной Думы, кому-то угрожалъ, потрясалъ кулаками, силясь угрозою и руганью навязать царя изъ Рейхенгалля“... Горечью и отчаяніемъ дышетъ это письмо. Вмѣсто высокаго порыва и отдыха отъ политическихъ будней, онъ окунулся снова въ обычное политическое собраніе. Самый тонъ политическихъ преній казался ему оскорбительнымъ для высокаго духовнаго Собора. Призракъ Рейхенгалля всталъ во весь свой ростъ. „Я увидѣлъ своими глазами, что такое Рейхенгалль — пишетъ онъ дальше, — это такая же партійность, какъ милюковская. Они готовы всѣми средствами дискредитировать Главнокомандующаго, подрывать его авторитетъ, выдвигать другого генерала... Кто-то въ кулуарахъ пустилъ слухъ, что генералы хлопочутъ о возведеніи на престолъ генерала Врангеля, и епископъ Веніаминъ цѣловалъ крестъ на томъ, что это ложь. Поднялись династическіе споры“...

Другой участникъ Собора, видный генералъ, пишетъ: „Въ кулуарахъ стали называть кандидатовъ на престолъ: Владиміровичей, Дмитрія Павловича, Юсупова, Всеволода Іоанновича; называли кандидата отдѣльно на Украину; даже упоминали Слащева, якобы какъ незаконнаго сына Александра III. Въ итогѣ у всѣхъ перевернулись мозги"...

Товарищъ предсѣдателя Всероссійскаго Церковнаго Собора въ Москвѣ, М. В. Родзянко, подвергся въ засѣданіи настоящему оскорбленію. Правые делегаты подняли страшный шумъ и заявили: „мы, или онъ". Напрасно митрополитъ Антоній и епископъ Веніаминъ пробовали успокоить страсти: Родзянко пришлось покинуть Соборъ и уѣхать. Политическія страсти настолько разгорѣлись, что присутствовавшій представитель сербской власти готовъ былъ закрыть собраніе.

Чѣмъ же была вызвана такая буря? Привѣтствіе отъ Арміи Собору было встрѣчено восторженно и такъ же восторженно было принято предложеніе о привѣтствіи Главнокомандующаго: страсти разгорѣлись при обсужденіи текста посланія къ Арміи и къ русскимъ людямъ. Въ посланіе къ Арміи впервые были включены слова: „за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившихъ", а въ посланіи русскимъ людямъ говорилось: „да вернетъ Господь на Всероссійскій Престолъ Помазанника, сильнаго любовью народа, законнаго православнаго Царя изъ Дома Романовыхъ"*). Кромѣ этого

*) Упоминаніе о „Домѣ Романовыхъ", внесенное Н. Е. Марковымъ, было принято въ Отдѣлѣ Духовнаго Возрожденія послѣ бурныхъ преній большинствомъ 58 противъ 31 голоса. Докладывая о психологіи меньшинства, архіеп. Анастасій сказалъ: — „Каждый изъ представителей меньшинства переживалъ трагедію, т. к. долгъ члена Церковнаго Собранія вступалъ въ коллизію съ долгомъ русскаго гражданина. Они говорили — какъ ни дорогъ намъ земной градъ, но градъ небесный намъ дороже". Епископъ Веніаминъ такъ формулировалъ свою точку зрѣнія: „Вопросъ о монархизмѣ — вопросъ церковный, и Церковь должна его поддерживать. Съ этимъ было согласно все собраніе. Постановкой же своей формулы на церковное собраніе большинство внесло расколъ и этимъ вредитъ дѣлу монархіи... „Меньшинство не считаетъ умѣстнымъ съ церковной точки зрѣнія упоминать о Домѣ Романовыхъ въ посланіи Церков-

было сдѣлано тайное постановленіе — просить Великаго Князя Николая Николаевича возглавить монархическое движеніе. Посланіе это было подписано всѣми іерархами, кромѣ архіепископа Анастасія и епископа Веніамина. Потерпѣвъ неудачу послѣ Рейхенгалля, Высшій Монархическій Совѣтъ повелъ новую атаку уже отъ имени Священнаго Собора.

Попутно правые члены Собора зондировали почву, какъ отнесется генералъ Врангель къ выставленію лозунга „За Вѣру, Царя и Отечество“ и выражали надежду, что съ разселеніемъ въ Сербіи этотъ лозунгъ будетъ выкинутъ, ибо въ противномъ случаѣ Армія потеряетъ всѣхъ своихъ друзей. Также попутно пускался слухъ о „бонапартизмѣ“ Главнокомандующаго и давалось понять, что это обвиненіе можетъ быть, въ случаѣ его упорства, пущено, какъ оружіе противъ него.

Одинъ изъ высшихъ іерарховъ писалъ Главнокомандующему о своихъ впечатлѣніяхъ на Соборѣ: „Подробно напишу послѣ, потому что не все еще улеглось въ сердцѣ моемъ: нужно успокоиться. Карловацкій Соборъ выяснилъ многое. Мы всѣ идемъ по пути духовнаго возрожденія Россіи. А конкретно скажу: къ Арміи хорошее отношеніе, хотя нѣкоторой части хотѣлось бы большаго; но благоразуміе сдерживало ихъ. Однако, нужно предполагать ихъ желаніе воздѣйствовать на Армію; но это уладится. Къ Вамъ — всѣ чувствуютъ, что въ данный моментъ Вы во главѣ дѣла стоите. Но нѣкоторые опасаются бонапартизма, сколько ихъ ни убѣждаютъ въ обратномъ другіе. Эта боязнь происходитъ изъ хорошихъ намѣреній, поэтому не особенно вините такихъ людей. Понять — простить. Лично я теперь окончательно убѣдился, что основная Ваша линія поведенія взята правильно. Помоги Вамъ Господь Богъ! Хорошо, что Вы остались въ сторонѣ и не пріѣхали на Соборъ. Божій Промыселъ — Вы должны

наго Собранія. Въ отношеніи самой Династіи я считаю нетактичнымъ ставить этотъ вопросъ. Кто далъ мнѣ право указывать, что члены Династіи имѣютъ право на престолъ?...“ „Мы хотимъ защитить церковность нашего собранія, ибо Церковь не можетъ быть орудіемъ политики...“

быть въ центрѣ — и будете, и есть. Соборъ вызоветъ движеніе въ эмиграціи. Сначала оно будетъ непріятное; но конецъ будетъ полезнымъ. Посему молю Васъ со всею любовію пока не дѣлать вывода окончательнаго".

Въ такихъ осторожныхъ и скупыхъ выраженіяхъ описываетъ іерархъ то, что у мірянъ вылилось въ негодующія письма. Но въ этой осторожности и скупости выявлена вся картина происшедшаго. Въ отношеніи къ Арміи картина ясна. На фонѣ „опасеній бонапартизма" — „нужно предположить ихъ желаніе воздѣйствовать на Армію". Вовлекши съ такой легкостью въ политическую орбиту одинъ изъ столповъ россійской государственности на чужбинѣ — Русскую Церковь — Высшій Монархическій Совѣтъ, конечно, не могъ остановиться передъ штурмомъ на другой столпъ — Русскую Армію.

Первый пробный шагъ былъ сдѣланъ вскорѣ послѣ Карловацкаго Собора и выразился въ новогодней поздравительной телеграммѣ Н. Е. Маркова. Духъ этой телеграммы очень отличался отъ привѣтствія Рейхенгалльскаго Съѣзда.

Н. Е. Марковъ писалъ: „Высшій Монархическій Совѣтъ, являясь выразителемъ настроенія русскихъ людей, признающихъ, что единственный путь къ возрожденію Россіи есть возстановленіе въ ней законной Монархіи, передъ наступленіемъ великаго Праздника Рождества Христова и Новаго Года поздравляетъ христолюбивое русское воинство и шлетъ Вамъ и водительствуемымъ Вами доблестнымъ бойцамъ свое горячее привѣтствіе. Высшій Совѣтъ твердо вѣритъ, что, переживъ всѣ ниспосланныя тяжкія испытанія, предводимая Вами Армія со славою войдетъ въ освобожденную Россію и составитъ основу будущей Императорской Арміи, которая, вѣрная завѣтамъ предковъ, будетъ служить непоколебимымъ оплотомъ законному Государю и Великой Родинѣ".

Генералъ Врангель отвѣтилъ: „Отъ лица Русской Арміи и своего сердечно благодарю Высшій Монархическій Совѣтъ за поздравленія. Русская Армія, вѣрная своимъ вѣковымъ знаменамъ и штандартамъ, вступаетъ въ Новый Годъ съ прежней непоколебимой вѣрой въ правоту ея дѣла. Ея завѣты неизмѣнны — борьба за

освобожденіе Отечества, не предрѣшая формъ его грядущаго государственнаго бытія. Со своей стороны шлю Вамъ и членамъ Совѣта искреннія поздравленія съ Новымъ Годомъ".

Позиція Главнокомандующаго оставалась прежней.

* * *

Тѣ симптомы, которые намѣтились въ постановленіи Карловацкаго Собора, начали мало по малу выявляться. Уже 2 декабря 1921 г., военный представитель въ Берлинѣ доносилъ, что Высшій Монархическій Совѣтъ „начинаетъ проявлять дѣятельность въ направленіи, казалось бы, не входящемъ непосредственно въ кругъ его прямыхъ задачъ. Я имѣю въ виду опредѣленно замѣтное стремленіе среди части членовъ Высшаго Монархическаго Совѣта внести политику въ офицерскую среду. У меня есть опредѣленныя свѣдѣнія, что у Совѣта существуетъ намѣреніе включить въ сферу своего вліянія создаваемую имъ особую офицерскую монархическую организацію и возглавить ее популярнымъ среди офицеровъ генераломъ".

Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ той опасности, которую представляла собой эта политика.

Мнѣ пришлось уже раньше указывать, что лѣвые друзья не находили доступа къ сердцу Арміи. Причинъ этому было много. Едва ли не главная была та, что разрушеніе Россіи было произведено „лѣвымъ" курсомъ. Трудно было забыть и то, что, при борьбѣ съ большевиками, Армія была свидѣтельницей не только попустительства, но и прямого предательства лѣвыхъ группъ: началось это съ московскаго „соглашательства", предавшаго защитниковъ Временнаго Правительства въ руки большевиковъ — и кончилось прямой измѣной по отношенію къ Верховному Правителю — адмиралу Колчаку. Лѣвыя группы какъ то сохраняли при всѣхъ обстоятельствахъ способность дружить съ болѣе лѣвыми — и на повѣрку выходило, что, казалось бы, самыя лойяльныя группы рядомъ звеньевъ какъ бы непрерывно соединялись съ нашими врагами: здѣсь существовала какая то странная круговая порука.

Правыхъ нельзя было упрекнуть въ этомъ. То, что не безъ нѣкотораго основанія проникло въ лѣвую печать — слухи о таинственныхъ нитяхъ между коммунистами и правыми — касалось только отдѣльныхъ представителей праваго крыла и притомъ скомпрометтированныхъ въ самихъ правыхъ группахъ. Правыя группы поддерживали всегда духъ непримиренчества.

Кромѣ этого, правыя настроенія были, конечно, ближе къ Арміи чисто психологически. Русская Армія родилась изъ старой Императорской Арміи, причемъ родилась не въ противоложеніе ей, а ради продолженія того дѣла, которое было у нея насильственно вырвано: ради защиты родины.

Революція внесла перерывъ въ этой преемственной обязанности. Въ Русскую Армію стеклись воинскіе чины съ разныхъ фронтовъ, перенесшіе различную судьбу и различныя вліянія; но основой ея, ея кадрами, были старые офицеры и солдаты, прошедшіе длинный путь службы, имѣющіе за собою старый опытъ и — что еще важнѣе — несущіе за собою вѣковую военную традицію.

Въ моменты активной борьбы, когда этимъ старымъ офицерамъ приходилось чуть ли не ежедневно водить войска въ бой, ихъ воспитательное значеніе не могло быть такъ сильно. Но когда войска очутились въ изгнаніи, когда начальники всѣхъ степеней очутились лицомъ къ лицу съ массой, они естественно переносили на нее свое вліяніе, — и, прежде всего, вліяніе той традиціи, которая, конечно, была монархической.

Къ этому надо добавить и отношеніе правыхъ и лѣвыхъ группъ къ Русской Арміи въ тотъ моментъ, когда она очутилась въ изгнаніи: грубо говоря, отношеніе къ Арміи было въ прямой зависимости отъ мѣста въ политическомъ спектрѣ. Лѣвыя группировки или травили Армію, или признавали ее „постолько-поскольку“, или оказывали ей робкую поддержку. И только правыя дѣйствительно открыто и безоговорочно рѣшались ее поддержать.

Такимъ образомъ, для монархическаго воздѣйствія было большое поле.

Но въ самой Русской Арміи, т. е. въ тѣхъ корпусахъ, которые сохраняли свою воинскую организацію,

Смотръ въ Галлиполи (1921).

было обстоятельство, препятствовавшее превращенію ея въ „монархическую“: это — та воинская дисциплина, которая поддерживалась признаніемъ авторитета начальника и заканчивалась высшимъ авторитетомъ — Главнокомандующимъ Армій. Въ лицѣ его всѣ видѣли носителя высшей власти, отъ котораго зависѣло то, что массѣ было чуждо и что звалось полупрезрительно — „политика“. Тѣ же самыя традиціи старыхъ офицеровъ, которыя создавали монархическія настроенія, охраняли Армію отъ монархическихъ выступленій: право этихъ „выступленій“ не принадлежало рядовымъ чинамъ.

Офицеры-же, не принимавшіе участія въ гражданской войнѣ и нынѣ разбросанные по Европѣ, не имѣли этого иммунитета противъ партійныхъ притязаній правыхъ группъ. Они не были связаны военной дисциплиной, которая окончилась для нихъ съ момента отреченія Государя и конца Россійской Императорской Арміи. Они не имѣли опыта гражданской войны, когда люди бились за ту же государственную идею, олицетворенную въ новыхъ формахъ власти: внѣ прежнихъ понятій для нихъ не существовало ни власти, ни обязанностей къ ней.

Понятно, что агитація Высшаго Монархическаго Совѣта должна была имѣть среди нихъ успѣхъ—и даже мысль создать особую монархическую армію и возглавить ее пріемлемымъ для Н. Е. Маркова генераломъ не должна была казаться нелѣпой.

Главнокомандующій исходилъ изъ другой точки зрѣнія. На волнахъ россійскаго кораблекрушенія Русская Армія явилась единственной организованной частью русской эмиграціи, притомъ доказавшей свою организованность и живучесть въ рядѣ суровыхъ столкновеній съ окружающей жизнью: это была цѣнность, которую надо было сохранить во что бы то ни стало. Но цѣнность эта была дорога не только сама по себѣ, но какъ начало, способное служить для организаціи вокругъ нея и другихъ. Вотъ почему объявленіе политическаго лозунга должно было умалить ея общенаціональное значеніе.

Кромѣ того „безпредметный монархизмъ“ былъ бы для Арміи совершенно невозможенъ. Въ Высшемъ Мо-

нархическомъ Совѣтѣ могли дебатироваться юридическіе трактаты о правѣ того или иного лица на Всероссійскій Престолъ; Армія не могла принимать участія въ этихъ дебатахъ. Вслѣдъ за принятіемъ монархическаго принципа, должно было быть выдвинуто лицо, за которымъ Армія пошла бы. Этого лица, пріемлемаго для всѣхъ, не было не только въ Высшемъ Монархическомъ Совѣтѣ, но и въ самой династіи. При такомъ положеніи вещей, вмѣсто перваго и единственнаго заданія—организаціи борьбы съ большевиками, Армія дѣлалась бы сторонницей того или иного претендента, что вызвало бы внутреннія распри и свело бы ея значеніе на нѣтъ.

Опираясь только на свое личное вліяніе, Главнокомандующій удержалъ Армію отъ вовлеченія въ эту борьбу и продолжалъ собирать вокругъ ея общенаціональнаго знамени русскія силы. Прежде всего—это были разсѣянные по міру русскіе офицеры. Офицерскія организаціи были наиболѣе родственными и близкими ей по духу; вотъ почему въ первую очередь надлежало собрать ихъ воедино и связать съ основнымъ центромъ черезъ военныхъ представителей въ разныхъ странахъ.

Въ предписаніи Главнокомандующаго отъ 8 декабря 1921 г. былъ данъ приказъ о производствѣ регистраціи офицеровъ. Въ предписаніи этомъ говорилось:

„Ко мнѣ и въ мой штабъ часто обращаются отдѣльные офицеры, солдаты и цѣлыя группы, какъ находящіяся въ Балканскихъ государствахъ, такъ и въ другихъ странахъ, съ просьбами о зачисленіи въ ряды Арміи. Большинство ихъ служило ранѣе въ арміяхъ Юга Россіи, или на иныхъ антибольшевистскихъ фронтахъ. Подобныя явленія особенно цѣнны, свидѣтельствуя, что обращающимися руководятъ не матеріальные интересы, т. к. большинству изъ нихъ хорошо извѣстны тяжелыя условія жизни Арміи въ изгнаніи, а искреннія желанія быть полезными Родинѣ, объединиться вокругъ ея послѣдняго жизненнаго оплота, Русской Арміи, единственно уцѣлѣвшаго до настоящаго времени“.

Въ силу этого приказывалось „произвести самую подробную регистрацію всѣхъ членовъ офицерскихъ обществъ и союзовъ, внушивъ имъ, что производимая регистрація отнюдь не носитъ характера мобилизаціонныхъ списковъ".

На этомъ вопросѣ и возникъ съ Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ рѣзкій конфликтъ.

Военный представитель въ Берлинѣ доносилъ 22 марта 1922 г.: „Въ находящійся здѣсь Высшій Монархическій Совѣтъ поступили запросы отъ нѣкоторыхъ офицерскихъ группъ, находящихся въ разныхъ странахъ, испрашивающихъ указаній, какъ имъ относиться къ регистраціи офицеровъ, производство коей предписано Вашимъ Высокопревосходительствомъ. На эти запросы Высшій Монархическій Совѣтъ отвѣтилъ, что офицеры-монархисты должны записываться въ ряды Русской Арміи только въ томъ случаѣ, если она на своихъ знаменахъ будетъ носить девизъ: „За Вѣру, Царя и Отечество".

* * *

Время это совпадаетъ съ переѣздомъ Главнокомандующаго изъ Константинополя въ Сербію.

Отъѣздъ Главнокомандующаго изъ Константинополя превратился въ сплошной тріумфъ. Такимъ же тріумфомъ явился его пріѣздъ въ Бѣлградъ. Громадныя многотысячныя толпы народа запрудили всю вокзальную площадь — и нѣсколько дней подрядъ нескончаемое число депутацій привѣтствовало генерала Врангеля въ зданіи Россійской Дипломатической Миссіи.

Монархическія организаціи Сербіи, возглавляемыя П. В. Скаржинскимъ, приняли самое горячее участіе въ этомъ чествованіи. Громадное количество адресовъ было поднесено различными организаціями — и почти въ каждомъ изъ нихъ отражались опредѣленныя монархическія стремленія. Въ адресѣ отъ русскихъ бѣженцевъ въ Королевствѣ С.Х.С. говорилось объ „историческихъ основахъ подъ сѣнью Святой Вѣры Православной и мудрымъ водительствомъ Законнаго, Божіею споспѣшествующею милостію, Хозяина Земли Русской". Земунская колонія говорила о желаніи возвращенія родинѣ

„Законнаго Помазанника Божія". Топчидерская колонія упоминала о „стягѣ Императорской Россіи". Парламентская группа указывала на „историческую законную и непререкаемую Власть, которая создала Великую Россію и одна можетъ ее возстановить". Земскіе дѣятели говорили о священномъ завѣтѣ — „За Вѣру, Царя и Отечество". Русскіе педагоги высказали пожеланіе „вѣнчать на царство Законнаго Монарха".

Настроеніе было яркое и однородное, и только немногочисленные адреса — отъ Общества Русскихъ Ученыхъ, Національнаго Комитета въ Бѣлградѣ, Общества Русскихъ Врачей, Собранія Городскихъ Дѣятелей и Общества Желѣзнодорожниковъ — не включили въ свои адреса ярко монархическихъ лозунговъ.

Несомнѣнно, что изъ пріѣзда генерала Врангеля была создана внушительная монархическая демонстрація. Та теплота и сердечность, которая была проявлена всѣми безъ исключенія, внутренне обязывала; та симпатія къ монархическимъ лозунгамъ, которая должна была существовать въ самой Русской Арміи — создавала невѣроятныя трудности для сохраненія самостоятельности. Ко всему этому присоединилась возможность уже вполнѣ легально воздѣйствовать на Армію черезъ переселившійся въ Бѣлградъ Русскій Совѣтъ.

* * *

Точка зрѣнія монархистовъ на свою роль лучше всего выражена въ письмѣ на имя Главнокомандующаго, посланномъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ представителей монархическаго теченія, профессоромъ Т. В. Локотемъ 23 февраля 1922 г., еще въ бытность генерала Врангеля въ Константинополѣ.

Профессоръ Локоть писалъ: „Государственный характеръ Арміи требуетъ отъ нея и государственнаго знамени, каковымъ у Императорской Русской Арміи было знамя — „За Вѣру, Царя и Отечество". Это — не партійное, но государственное знамя". Эта точка зрѣнія раздѣлялась и видными монархистами въ Парижѣ, и оффиціально проводилось Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ.

Главнокомандующій не могъ отождествлять этихъ двухъ понятій. Въ письмѣ своемъ 16 января 1922 г. генералу Краснову, генералъ Врангель говоритъ: „Съ величайшимъ вниманіемъ остановился я на той части Вашего письма, гдѣ Вы пишете, что настало, по Вашему мнѣнію, время съ полной откровенностью поднять знамя „За Вѣру, Царя и Отечество". Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что по убѣжденіямъ своимъ я являюсь монархистомъ и что столь же монархично и большинство Русской Арміи. Но въ Императорской Россіи понятіе „монархизмъ" отождествлялось съ понятіемъ „родины". Революція разорвала эти два историческихъ неразрывныхъ понятія, и въ настоящее время понятіе о „монархизмѣ" связано не съ понятіемъ о „родинѣ"; а съ принадлежностью къ опредѣленной политической партіи. Нужна длительная работа, чтобы въ народномъ сознаніи оба эти понятія вновь слились воедино. Пока этотъ неизбѣжный процессъ не совершится, причемъ внѣ всякаго, со стороны, насильственнаго воздѣйствія, пока оба эти понятія не станутъ вновь однородными, пока понятіе „монархизма" не выйдетъ изъ узкихъ рамокъ политической партіи, Армія будетъ жить только идеей Родины, считая, что ея возстановленіе является реальной первоочередной задачей".

Въ самый разгаръ политической борьбы, 21 августа 1922 г., генералъ Врангель подчеркнулъ свой взглядъ совершенно опредѣленнымъ публичнымъ выступленіемъ при посѣщеніи русской колоніи въ Турскомъ Бечеѣ. Предсѣдатель колоніи, графъ П. М. Граббе, горячо привѣтствуя Главнокомандующаго, выразилъ увѣренность, что наступитъ счастливое будущее, когда Армія войдетъ въ Первопрестольную Москву, и Русскій Царь водворитъ на родинѣ миръ и порядокъ. „Мы хотѣли бы, —закончилъ графъ Граббе,— услышать изъ устъ Вождя Русской Арміи, что такъ же, какъ и мы, мыслятъ и доблестные русскіе воины".

Въ отвѣтной рѣчи генералъ Врангель сказалъ: „Я не ошибусь, если скажу, что громадное большинство моихъ соратниковъ мыслитъ будущую Россію подъ Московскимъ Царемъ. Такъ мыслю и я. Однако, съ той минуты, какъ волею судебъ я оказался во главѣ Рус-

ской Арміи, и принялъ то знамя, которое въ минуту развала Россіи впервые поднялъ генералъ Корниловъ и на которомъ начертано одно слово: „Отечество“, я призываю русскихъ людей всѣхъ оттѣнковъ политической мысли итти со мной. Армія нынѣ на чужбинѣ. Она — послѣднее ядро національной Россіи. Вокругъ этого ядра собираются всѣ тѣ честные русскіе люди, которые Россію ставятъ выше партій и лицъ. Со дня, когда Армія станетъ орудіемъ одной опредѣленной партіи, она перестанетъ быть національнымъ ядромъ. Каждый изъ насъ, русскихъ воиновъ, сознательно относящійся къ происходящему вокругъ него, конечно, имѣетъ опредѣленныя политическія убѣжденія, но въ цѣломъ Армія внѣ политики То знамя, которое изъ рукъ генераловъ Алексѣева, Корнилова и Деникина порешло ко мнѣ, я сохраню на чужбинѣ. Я скорѣе сожгу это знамя, чѣмъ измѣню начертанное на немъ священное слово: „Отечество“. И тѣмъ изъ васъ, которымъ Армія дорога, кто учитываетъ ея національное значеніе, я говорю: „щадите Армію, не смущайте ее, не зовите на гибельный путь“.

* * *

Мы видимъ отсюда, что взглядъ Главнокомандующаго, вполнѣ раздѣляемый Русскимъ Совѣтомъ, находился въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общественнымъ настроеніемъ русскихъ бѣженцевъ той страны, которая должна была дать пріютъ этому Русскому Совѣту и отъ которыхъ должны были производиться дополнительные выборы въ Совѣтъ. Въ Русскій Совѣтъ вливалась новая и чуждая ему партійная струя, что должно было въ корнѣ не только измѣнить „партійное соотношеніе силъ“ въ Русскомъ Совѣтѣ, но и самый его духъ.

„Партійнаго соотношенія силъ“ въ константинопольскомъ Русскомъ Совѣтѣ, прежде всего, не существовало. Условія жизни въ Константинополѣ исключали возможность партійнаго оттѣнка. Въ противоположность мнѣнію П. П. Юренева, что Русскій Совѣтъ долженъ быть „не дѣловымъ, но политическимъ органомъ“, онъ превратился въ Константинополѣ исключи-

тельно въ дѣловое учрежденіе. „Дѣлъ“, какъ мы знаемъ, было достаточно, чтобы забыть о партійныхъ лозунгахъ, ибо всѣ „дѣла“ покрывались однимъ: спасеніемъ Арміи и предоставленіемъ ей возможности жить.

Благодаря отрицательному отношенію къ Русскому Совѣту со стороны лѣвыхъ и даже либеральныхъ круговъ, ему не удалось получить обще-русскаго значенія: его характеръ остался чисто мѣстнымъ. Но по условіямъ того времени это мѣстное значеніе пріобрѣтало особую цѣнность, ибо ближайшая задача его сводилась къ мѣстнымъ дѣйствіямъ, имѣющимъ для Арміи гораздо большее значеніе, чѣмъ общіе лозунги.

Съ переѣздомъ въ Сербію—самое главное назначеніе Русскаго Совѣта было уже осуществлено: Армія разселилась по Балканскимъ странамъ, была матеріально обезпечена, приспособлялась къ новымъ условіямъ жизни. Армія была спасена. Оставались „текущія дѣла“, и терялся паѳосъ непосредственной и упорной борьбы.

Въ этой обстановкѣ естественнаго замиранія Русскаго Совѣта, въ него вливался новый элементъ съ опредѣленными политическими заданіями. Политическая работа монархическихъ организацій, вплоть до совѣта воздерживаться отъ регистраціи, если не будетъ выкинутъ монархическій лозунгъ, заставляла быть настороже старыхъ членовъ Русскаго Совѣта. Новые члены—все представители правыхъ монархическихъ организацій—въ свою очередь видѣли въ другой половинѣ Совѣта прежде всего своихъ политическихъ противниковъ. Съ ихъ появленіемъ, совершенно съ другой стороны, осуществлялось пожеланіе г. Юренева о созданіи „не дѣлового, но политическаго органа“ и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда политическое положеніе требовало величайшей осторожности.

Справа и слѣва стала вноситься политическая страстность. Вмѣсто прежняго дѣлового органа, Русскій Совѣтъ становился ареной для чисто политической борьбы.

Это побудило Главнокомандующаго внести предложеніе о прекращеніи дѣятельности Русскаго Совѣта.

Послѣднее засѣданіе Русскаго Совѣта въ Панчевѣ 20 сентября 1922 г. было бурнымъ. Часть членовъ вы-

сказалась противъ закрытія Совѣта — по причинамъ формальнымъ и по существу. Съ формальной стороны указывалось, что роспускъ Совѣта противорѣчитъ Положенію о немъ. По существу — что нѣтъ серьезныхъ мотивовъ для роспуска, и что значеніе Русскаго Совѣта продолжаетъ оставаться прежнимъ. Однако было констатировано, что при отрицательномъ отношеніи Главнокомандующаго къ Русскому Совѣту, дальнѣйшее его функціонированіе было бы безцѣльнымъ и Совѣтъ постановилъ прекратить свое существованіе.

Функціи наблюдательнаго органа по вопросамъ финансовымъ перешли къ нѣсколькимъ лицамъ по назначенію Главнокомандующаго, составившимъ Финансово-Контрольный Комитетъ.

Интересно отмѣтить рѣчь предсѣдателя собранія В. П. Шмита, одного изъ противниковъ закрытія Русскаго Совѣта. Отмѣтивъ разногласія между членами Совѣта и Главнокомандующимъ, В. П. Шмитъ сказалъ: „Мы никогда не должны забывать, что разногласія эти не должны выливаться въ борьбу, въ огульныя обвиненія. То, къ чему это приводитъ, намъ хорошо извѣстно по недалекому прошлому. Несмотря на чувство горечи, вызванное нашими разногласіями, для достиженія общей намъ всѣмъ цѣли — эта поддержка должна быть неизмѣнной".

Черезъ три дня, въ послѣднемъ засѣданіи президіума Русскаго Совѣта, генералъ Врангель утвердилъ постановленіе о прекращеніи его существованія. При этомъ Главнокомандующій сказалъ:

„Упреки нѣкоторыхъ изъ гг. членовъ Русскаго Совѣта въ томъ, что ликвидація Русскаго Совѣта является преднамѣреннымъ рѣшеніемъ изъ-за боязни засилья одной изъ политическихъ группировокъ, обвиненіе одного крыла другимъ во „взрывѣ" Русскаго Совѣта, — все это свидѣтельствуетъ, что будь Русскій Совѣтъ сохраненъ, работа его протекала бы неизбѣжно въ обстановкѣ партійной борьбы. Я не хочу никого въ этомъ винить. Эту новую черту въ работѣ Русскаго Совѣта, которой не было въ Константинополѣ, я не ставлю никому въ вину, но я долженъ найти ей объясненіе. Тамъ, въ Константинополѣ, объединились во-

кругъ Русскаго Совѣта самыя разнообразныя политическія теченія, но у нихъ было одно общее — всѣ эти люди шли съ Арміей годами, они сроднились съ нею, и безграничная любовь къ Арміи заставила ихъ смягчить остроту ихъ партійныхъ взглядовъ. При переходѣ Арміи въ Сербію, въ Русскій Совѣтъ вошло большое число лицъ также искренно сочувствующихъ Арміи, но болѣе далекихъ ей въ прошломъ. Трудно требовать, чтобы они отрѣшились отъ неизбѣжной для нихъ яркой партійности. Работа Русскаго Совѣта, въ случаѣ продолженія его дѣятельности, протекала бы неизбѣжно въ условіяхъ политической борьбы, и онъ утратилъ бы характеръ органа надпартійнаго, какимъ онъ мыслился при своемъ созданіи".

Такимъ образомъ, Русскій Совѣтъ прекратилъ свое существованіе. Возгорѣвшаяся черезъ него борьба за овладѣніе Арміей была потушена.

Но разсматривая эту страницу происходившей борьбы, мнѣ до сихъ поръ не ясно, не былъ ли роспускъ Русскаго Совѣта „политической ошибкой", какъ на послѣднемъ его засѣданіи сказалъ графъ В. В. Мусинъ Пушкинъ?

Для меня очевидно, что въ новой обстановкѣ Русскій Совѣтъ терялъ свое значеніе сплотившейся вокругъ капитанскаго мостика команды въ часъ кораблекрушенія. Достичь „партійнаго" равновѣсія было легко— назначеніемъ согласно Положенія о Совѣтѣ соотвѣтственнаго числа членовъ для „нейтрализаціи" фланга. Но это было бы внѣшнее равновѣсіе — и изъ смѣси воды и масла не получилось бы больше однородной эмульсіи.

Да, для Русскаго Совѣта начинался новый періодъ партійныхъ схватокъ. Въ этой взаимной борьбѣ Русскій Совѣтъ едва ли бы могъ принести непосредственную пользу Русской Арміи.

Но тѣмъ не менѣе, оставался бы центръ русской общественной мысли въ непосредственной близости къ Русской Арміи. „Русскій Совѣтъ важенъ не тѣмъ, что онъ дѣлалъ, а тѣмъ, что онъ былъ",— сказалъ въ своей рѣчи графъ В. В. Мусинъ Пушкинъ. Кто знаетъ, можетъ быть эта близость къ Русской Арміи удержала бы нѣкоторыхъ партійныхъ дѣятелей отъ тѣхъ ошибоч-

ныхъ шаговъ, объективно вредныхъ для самой Арміи, которые начались тогда, когда эта непосредственная близость прекратилась? И кто знаетъ,— въ послѣдующихъ попыткахъ русскихъ людей найти объединяющій центръ,— не потянулись бы люди къ тому центру, который, можетъ быть, ничего не „дѣлалъ", но уже „былъ"?

Отвѣтить на эти вопросы трудно. Но они не могутъ не возникнуть, если безпристрастно и спокойно изучать то, что стало уже достояніемъ исторіи.

ГЛАВА V.

БОРЬБА НАПРАВО.

Пропаганда „лозунга". Агитація въ офицерскихъ союзахъ. Съѣздъ Народно-Монархическаго Союза и его позиція. Выступленія г. Ефимовскаго и Высшій Монархическій Совѣтъ. Борьба за овладѣніе Арміей и „монархическая дисциплина". Приказъ № 82.

Вскорѣ послѣ роспуска Русскаго Совѣта уже стала проявляться активная дѣятельность монархистовъ, сперва въ формѣ усиленной пропаганды лозунга „За Вѣру, Царя и Отечество", а потомъ и въ смыслѣ шаговъ къ созданію обособленной военно-политической организаціи: всѣ эти дѣйствія производились теперь „черезъ голову Главнокомандующаго".

Уже 23 декабря 1922 года военный представитель въ Константинополѣ доносилъ, что монархическая пропаганда развивается, причемъ „во время пребыванія здѣсь генерала Мартынова, пріѣзжавшаго въ Константинополь по дѣламъ галлиполійскаго отряда, была сдѣлана попытка привлечь его — а съ нимъ и отрядъ — къ участію въ монархическомъ движеніи, попытка, разумѣется, встрѣтившая въ лицѣ генерала Мартынова должный отпоръ".

Въ маѣ 1923 года Парижскій Союзъ Участниковъ Великой Войны на общемъ собраніи своихъ членовъ, по предложенію одного изъ участниковъ „скинуть за-

брало", единогласно ввелъ въ Уставъ Союза девизъ „За Вѣру, Царя и Отечество". Этотъ шагъ несомнѣнно долженъ былъ вызвать подражаніе и во всякомъ случаѣ имѣть на офицеровъ большое вліяніе. Тотъ же военный представитель въ Константинополѣ въ донесеніи отъ 30 мая 1923 г. сообщилъ, что въ мѣстномъ Офицерскомъ Союзѣ „произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе описаніе засѣданія Парижскаго Офицерскаго Союза. Морскіе офицеры заключаютъ изъ этого, что таковой лозунгъ надо было выкинуть и остальнымъ военнымъ союзамъ, ибо, очевидно, Парижскій Союзъ, имѣя во главѣ весьма солидныхъ руководителей, совершилъ этотъ актъ, вполнѣ учитывая его серьезность и его своевременность".

Этотъ шагъ Парижскаго Союза отвѣчалъ не только настроенію офицеровъ, но въ ихъ глазахъ могъ, дѣйствительно, казаться и серьезнымъ, и своевременнымъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ не находилъ возможнымъ открытое свое выступленіе, но имя его было названо, и названо не только политическими организаціями, но самой Русской Арміей. Въ маѣ 1923 г. генералъ Врангель впервые сказалъ въ своей публичной рѣчи: „Если бы Великому Князю удалось объединить вокругъ себя русскихъ людей, я, зная какимъ обаяніемъ Его имя пользуется среди насъ, былъ бы счастливъ повести Армію за Нимъ". Такимъ образомъ, мнѣніе Великаго Князя было для Русской Арміи не только цѣннымъ и авторитетнымъ, но морально обязательнымъ.

Великій Князь, переѣхавъ въ окрестности Парижа, принялъ рядъ общественныхъ дѣятелей, однако, категорически отклонивъ всѣ попытки добиться какого либо „выступленія": время для этого онъ считалъ неназрѣвшимъ. Его взгляды на „возглавленіе", какъ подтвердились потомъ изъ его бесѣдъ и декларацій, въ точности совпадали со взглядами Главнаго Командованія: непредрѣшеніе формы будущаго правленія въ Россіи и возможность возглавленія широко-національнаго, а не только монархическаго движенія. Взгляды эти были извѣстны Главнокомандующему и цѣлому ряду

принятыхъ Великимъ Княземъ лицъ, но, при категорическомъ требованіи не упоминать его имени, не могли быть широко обнародованы. Вслѣдствіе этого, штабомъ Главнокомандующаго было издано только короткое сообщеніе, въ которомъ было сказано, что „говоря объ Арміи, Великій Князь отмѣтилъ, что, какъ не разъ уже указывалъ и Главнокомандующій генералъ Врангель, ея единственной цѣлью должно быть сверженіе совѣтской власти; Армія, къ каковой Онъ одинаково причисляетъ и Офицерскіе Союзы, должна быть внѣ всякой политики и вѣрить, что Вожди поведутъ ее вѣрнымъ путемъ".

Въ противоположность этому, Высшій Монархическій Совѣтъ опубликовалъ свою сводку отъ 1 августа 1923 г., гдѣ говорилось, что въ бесѣдѣ съ предсѣдателемъ Парижскаго Союза генераломъ Гулевичемъ „Великій Князь высказался одобрительно по поводу принятія Союзомъ лозунга—За Вѣру, Царя и Отечество" *). Начиналась беззастѣнчивая спекуляція именемъ Великаго Князя, тѣмъ болѣе губительная, что установить истину могъ только одинъ Великій Князь, которому политическія соображенія не позволяли громко сказать свое вѣское слово.

Интересно отмѣтить, что категорическому утвержденію сводки, цитируемой выше, предшествовалъ обмѣнъ писемъ между начальникомъ штаба Главнокомандующаго генералъ-лейтенантомъ Миллеромъ и предсѣдателемъ Высшаго Монархическаго Совѣта Н. Е. Марковымъ. Указавъ на распространяемый правыми организаціями слухъ о готовности Великаго Князя возглавить

---

*) На оффиціальное письмо военнаго представителя въ Парижѣ генерала Хольмсена, генералъ Гулевичъ отвѣтилъ письмомъ отъ 25 августа 1923 г., гдѣ говорилось: „Изъ письма Вашего отъ 22 сего августа я узналъ о помѣщенномъ въ сводкѣ Высшаго Монархическаго Совѣта отъ 1 августа свѣдѣнія, касающагося выявленія отношенія Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича къ лозунгу „За Вѣру, Царя и Отечество", принятому Союзомъ Русскихъ Офицеровъ Участниковъ Великой Войны. Считаю долгомъ заявить Вамъ, что объ одобрительномъ отношеніи Великаго Князя къ принятію Союзомъ означеннаго лозунга я никого не поставлялъ въ извѣстность". Послѣднюю фразу, какъ видимъ, можно понимать въ двухъ противоположныхъ смыслахъ.

монархическое объединеніе подъ лозунгомъ: „За Вѣру, Царя и Отечество“ и что Великій Князь ожидаетъ поддержки со стороны Арміи, генералъ Миллеръ писалъ 7 іюня 1923 г.: „Вамъ хорошо извѣстна, многоуважаемый Николай Евгеньевичъ, точка зрѣнія Великаго Князя на этотъ вопросъ, а именно, что она совершенно не совпадаетъ съ приписываемой здѣсь“. „Великій Князь, — писалъ генералъ Миллеръ, — еще разъ подтвердилъ мнѣ сегодня, что Армія должна быть в н ѣ политики, в н ѣ всякихъ споровъ о преимуществахъ того или иного строя“.

Н. Е. Марковъ отвѣтилъ пространнымъ письмомъ отъ 7 іюля 1923 г., гдѣ категорически отрицалъ, что монархистами распространяются слухи о готовности Великаго Князя возглавить національное монархическое объединеніе подъ лозунгомъ „За Вѣру, Царя и Отечество“, ибо, — писалъ Н. Е. Марковъ, — „Великій Князь дѣйствительно ни подъ этимъ лозунгомъ, ни подъ какимъ либо инымъ возглавить всенародное движеніе не обуславливалъ“.

Но это было въ частной перепискѣ, — и эта переписка ни къ чему не обязывала. Внѣшніе же шаги были иного порядка — и не прошло и мѣсяца, какъ была выпущена противоположная „сводка“.

Нельзя не подчеркнуть, что „сводка“ эта была образцомъ лукавства и маккіавелизма. Высшій Монархическій Совѣтъ всегда могъ сказать, что вопросъ сводится не къ утвержденію, что выступленіе Великаго Князя обусловлено извѣстнымъ „лозунгомъ“, но къ частному случаю, что Великій Князь одобрилъ выставленіе этого лозунга Парижскимъ Союзомъ.

* * *

Эта борьба, невѣроятно трудная для Главнокомандующаго вслѣдствіе беззастѣнчивости противной стороны, нашла свое отраженіе и въ нѣдрахъ самихъ монархистовъ.

Еще въ мартѣ 1922 г. была созвана въ Берлинѣ конференція Русскаго Народно-Монархическаго Союза (конституціонныхъ монархистовъ), стоящихъ на платформѣ Рейхенгалля, но сторонниковъ конституціонной

монархіи. Съѣздъ оформилъ образованіе отдѣльной партіи и избралъ Центральный Комитетъ Союза*). Послѣ блестящаго доклада Н. Н. Чебышева о Русской Арміи, конференція приняла резолюцію, одинъ изъ пунктовъ которой гласилъ: „Надлежитъ оказывать Арміи и ея Главному Командованію всемѣрную поддержку, препятствуя по мѣрѣ силъ распыленію и вообще всѣмъ теченіямъ, ей враждебнымъ. Слѣдуетъ воздерживаться отъ всего, что могло бы создать раздоры среди Арміи, или неблагопріятныя для нея условія существованія въ странахъ, оказавшихъ ей пріютъ. Наконецъ, необходимо стремиться къ обязательному согласованію дѣйствій, могущихъ коснуться интересовъ Арміи, съ предначертаніями Главнаго Командованія".

Русскій Народно-Монархическій Союзъ остался до конца вѣренъ этой резолюціи. Уже тогда Высшій Монархическій Совѣтъ началъ свою кампанію противъ Главнаго Командованія: Союзъ, считая себя подчиненнымъ Высшему Монархическому Совѣту органомъ, все время стремился сгладить острые выпады, какъ внутри самихъ засѣданій Совѣта, такъ и въ большихъ созываемыхъ имъ монархическихъ собраніяхъ въ Берлинѣ. Между Союзомъ и Главнымъ Командованіемъ тоже были принципіальныя разногласія по вопросу о монархическомъ выявленіи Арміи. Въ цѣломъ рядѣ горячихъ и дружескихъ писемъ выдающіеся дѣятели Союза, какъ М. И. Горемыкинъ, Н. Н. Чебышевъ, вели съ генераломъ Врангелемъ принципіальный споръ по общему вопросу о „государственномъ" характерѣ монархическаго объединенія, покрывающемъ понятіе „партійнаго". Но этотъ идеологическій споръ никогда не переходилъ ни въ недружелюбныя отношенія, ни, тѣмъ болѣе, въ дѣйствія.

---

*) Составъ Центральнаго Комитета: Предсѣд. — Е. А. Ефимовскій. Товар. предсѣд. — М. И. Горемыкинъ, М. А. баронъ Таубе. Казначей — Б. Г. баронъ Кеппенъ. Секретари — С. С. Ольденбургъ, В. В. Ростиславлевъ. Члены — Ф. И. Верисоцкій, В. Г. Ветчининъ, П. П. Жемчужниковъ, Г. В. Курловъ, Н. Н. Львовъ, А. М. Масленниковъ, В. В. графъ Мусинъ Пушкинъ, М. М. графъ Перовскій-Петрово-Соловово, Н. Н. Шебеко, А. А. Гулевичъ, Л. Н. Новосильцевъ, Н. Н. Чебышевъ, Л. А. Казембекъ, Е. П. Ковалевскій, С. Т. Варунъ-Секретъ.

Лѣтомъ 1923 г. предсѣдатель Центральнаго Комитета Союза Е. А. Ефимовскій выѣхалъ изъ Берлина въ Парижъ и принялъ ближайшее участіе въ парижской „Русской Газетѣ". И вотъ тутъ, совершенно неожиданно, за его подписью появился рядъ рѣзкихъ статей по адресу Главнаго Командованія.

Въ статьѣ „Шагъ за шагомъ" *) г. Ефимовскій заявилъ, что „бѣлое движеніе кончилось", что идутъ новыя силы. „Власть имъ! Идетъ державный русскій народъ!"—патетически заканчивалась статья. Въ статьѣ „Чудеса въ рѣшетѣ" **) г. Ефимовскій критикуетъ „политику генерала Врангеля": для генерала Врангеля Великій Князь—только „популярный главнокомандующій", а потому „монархисты должны требовать прежде всего вѣрности принципу. Безъ этого они грозятъ расплескать чашу монархическаго цѣломудрія". Въ статьѣ „Затянувшійся маскарадъ" ***) онъ уже говоритъ, что „пресловутый аполитизмъ" Командованія—„худшій видъ политики". „Это—многолѣтняя боязнь изъ лица опредѣлявшаго обратиться въ одно изъ звеньевъ подчиненія". „Для насъ интересы Россіи выше желаній отдѣльныхъ лицъ, какъ бы высоко они ни стояли; мы не можемъ допустить, чтобы на нашихъ глазахъ извращалось подлинное лицо Арміи и Россіи. Маска аполитичности должна быть снята, и политиканству не должно быть мѣста".

Неожиданные выпады г. Ефимовскаго внесли большое смущеніе въ ряды конституціонныхъ монархистовъ, которые запросили объясненій и вынесли резолюцію, принудившую г. Ефимовскаго сложить званіе предсѣдателя Центральнаго Комитета. Эту резолюцію Центральный Комитетъ просилъ напечатать въ „Еженедѣльникѣ Высшаго Монархическаго Совѣта"****).

---

*) „Русская Газета" 28 мая 1923 г. № 4.

**) „Русская Газета" 16 іюля 1923 г. № 11.

***) „Русская Газета" 4 авг. 1923 г. № 5.

****) Резолюція Центр. Комитета Народно-Монарх. Союза, принятая единогласно 30 іюня 1923 г.:

„1) Русскій Народно-Монархическій Союзъ съ самаго своего возникновенія считаетъ необходимымъ поддерживать Русскую Армію, какъ обще-національную цѣнность.

Смотръ на Лемносѣ (1921).

Несмотря на полную корректность резолюціи въ духѣ Рейхенгалльскаго Съѣзда, Высшій Монархическій Совѣтъ отказалъ въ напечатаніи ея и всталъ на защиту Ефимовскаго. Въ сношеніи отъ 7 іюля 1923 г. Н. Е. Марковъ писалъ: „Высшій Монархическій Совѣтъ, будучи знакомъ съ вмѣняемыми въ вину Е. А. Ефимовскому статьями, а также съ соотвѣтствующей данному вопросу хроникой „Русской Газеты", находитъ, что въ нихъ нѣтъ никакихъ выпадовъ противъ Русской Арміи". „Высшій Монархическій Совѣтъ не считаетъ возможнымъ на страницахъ своего органа давать мѣсто считаемому имъ неправильнымъ осужденію Е. А. Ефимовскаго. О таковомъ своемъ рѣшеніи Высшій Монархическій Совѣтъ увѣдомляетъ Центральный Комитетъ Народно-Монархическаго Союза и копію этого отзыва сообщаетъ Е. А. Ефимовскому".

Совершенно враждебное отношеніе Высшаго Монархическаго Совѣта къ Главнокомандующему такимъ образомъ документально установлено *).

* * *

Травля Главнокомандующаго велась по всему фронту, притомъ велась самымъ искуснымъ путемъ подъ внѣшней личиной „доброжелательства къ Арміи". Парижскій примѣръ и агитація правыхъ демагоговъ создавали благопріятную почву для вовлеченія Арміи въ сферу политики. Агитація эта проводилась очень тонко, безъ оффиціальныхъ бумагъ и ссылокъ на монархиче-

---

2) Армія не можетъ быть отдѣлена отъ командованія, или противопоставлена ему.

3) Послѣ заявленія генерала П. Н. Врангеля отъ 5 мая с. г. о его готовности повести Армію за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ всякое основаніе къ предположенію о расхожденіи монархическаго движенія съ Арміей должно нынѣ само собою отпасть".

4) Содержащіяся въ помѣщенныхъ въ „Русской Газетѣ" статьяхъ Предсѣд. Центральн. Комитета Союза Е. А. Ефимовскаго рѣзкія выступленія противъ командованія Арміей отражаютъ только его личные взгляды и кореннымъ образомъ расходятся съ точкой зрѣнія Центр. Комитета.

*) Болѣе подробно это изложено въ моей статьѣ „По поводу одного опроверженія" „Новое Время" 1 мая 1925 г. № 1200.

скія организаціи. При расхожденіи взглядовъ Главнокомандующаго на выявленіе монархическаго лозунга, союзы, принявшіе такой лозунгъ, становились какъ бы внѣ его подчиненія. Начинались попытки офицерскихъ союзовъ непосредственнаго обращенія къ Великому Князю, минуя Главнокомандующаго, что было въ связи съ усиленной агитаціей о возможности непосредственнаго подчиненія Великому Князю. Великій Князь не считалъ время подходящимъ, чтобы поднять свой голосъ; его молчаніе учитывалось, какъ согласіе. Главнокомандующій не считалъ возможнымъ вмѣшивать имя Великаго Князя въ разгорѣвшуюся борьбу; его молчаніе учитывалось, какъ слабость и сознаніе своей неправоты.

Въ этомъ положеніи оставался одинъ чрезвычайно рискованный шагъ: поставить на карту весь свой личный авторитетъ и, не имѣя ни силъ, ни возможности кому-либо приказать,—отдать приказаніе, и 8 сентября 1923 г. Главнокомандующимъ былъ подписанъ нашумѣвшій приказъ, извѣстный подъ названіемъ „приказъ № 82".

* * *

„Приказу № 82" надо предпослать небольшую историческую справку.

Еще 10 октября 1922 г. Н. Е. Марковъ писалъ генералу Врангелю въ отвѣтъ на его обвиненіе въ томъ, что Высшій Монархическій Совѣтъ рекомендуетъ офицерамъ уклоняться отъ регистраціи: „Дѣйствительно, Высшій Монархическій Совѣтъ включалъ и включаетъ въ составъ организованнаго и возглавляемаго имъ монархическаго объединенія тѣ профессіональные офицерскіе союзы бывшихъ офицеровъ русской арміи, которые, признавъ за основу своего политическаго вѣрованія постановленія Рейхенгалльскаго Съѣзда, просили его о включеніи въ объединеніе ихъ организацій. Отказывать имъ въ этомъ Высшій Монархическій Совѣтъ считаетъ себя не вправѣ и совершенно недоумѣваетъ, какая и въ чемъ отъ этого могла произойти дезорганизація командуемой Вами арміи? Вѣдь всѣ указанныя организаціи создавались не изъ чиновъ, состоящихъ на

службѣ въ Вашей арміи, а изъ бывшихъ офицеровъ, частью находившихся въ плѣну въ Германіи во время всемірной войны, частью же бывшихъ ранѣе въ арміяхъ Бермонта, Юденича, Балаховича и др." „Высшій Монархическій Совѣтъ,—писалъ далѣе Н. Е. Марковъ,—не станетъ, конечно, отрицать, что на запросы входящихъ въ составъ монархическаго объединенія бывшихъ офицеровъ, какъ имъ поступать, когда ихъ будутъ призывать на службу въ различныя противобольшевистскія арміи, онъ отвѣтилъ, что рекомендуетъ имъ вступить и честно исполнять свой долгъ только въ ту Армію, задача которой будетъ—возстановленіе Царской власти въ Россіи и девизъ—За Вѣру, Царя и Отечество".

Такимъ образомъ, съ 1 марта, когда Главнокомандующій прибылъ въ Бѣлградъ, по 10 октября, когда писалъ приведенное выше письмо Н. Е. Марковъ, произошла большая метаморфоза взглядовъ Высшаго Монархическаго Совѣта.

Тогда Армія почиталась „единственной національной цѣнностью", а генералъ Врангель—„единственнымъ и преемственнымъ Вождемъ". Теперь — Русская Армія сводилась уже къ частному противобольшевистскому предпріятію, а генералъ Врангель становился однимъ изъ многочисленныхъ антрепренеровъ.

Въ мартѣ 1922 г. власть Главнокомандующаго была не только обязательна для военныхъ лицъ, но предполагалась Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ обязательной для всѣхъ русскихъ людей; сомнѣвающіеся въ этомъ, вродѣ кн. Львова и А. А. Зеелера, именовались „измѣнниками". Теперь не только гражданскія лица, но и военныя, объявлялись „не находящимися на службѣ", а потому свободными отъ врангелевской власти.

Въ мартѣ 1922 г. сохраненіе воинской связи и воинской дисциплины почиталось высшей добродѣтелью; мысль о созданіи чего-нибудь, хоть самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающаго „полковые комитеты", показалась бы кощунственной. Въ октябрѣ военные союзы именовались „профессіональными союзами бывшихъ офицеровъ" и въ pendant къ „революціонной" дисцип-

линѣ—имъ вмѣнялась въ обязанность дисциплина „монархическая“ *).

Мало по малу, изъ совершенно другихъ предпосылокъ Высшій Монархическій Совѣтъ практически становился на путь уничтоженія Арміи, путь, провозглашенный когда-то лѣвыми группами. Правда, это уничтоженіе мыслилось ими такъ, что взамѣнъ будетъ создана новая армія — изъ партійно связанныхъ офицерскихъ союзовъ, куда волей-неволей вольются потерявшіе всякій смыслъ остатки „бѣлыхъ армій“. Но тенденція эта, подкрѣпленная рядомъ дѣйствій, не оставляла въ этомъ никакого сомнѣнія**).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что не одинъ Высшій Монархическій Совѣтъ стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Также думали и также дѣйствовали монархисты, объединенные тѣмъ же лозунгомъ „За Вѣру, Царя и Отечество“, но которые въ томъ же самомъ Высшемъ Совѣтѣ видѣли чуть не „измѣнниковъ“ долгу присяги: я имѣю въ виду группу тѣхъ, кто послѣ объявленія

---

*) Пусть не подумаютъ, что утвержденіе это создано мною для усиленія впечатлѣнія. Въ статьѣ „Дисциплина“ въ „Еженедѣльникѣ Высшаго Монархическаго Совѣта“ отъ 17 сент. 1922 г. констатируется, что „по мѣрѣ того, какъ ширится и развивается наше русское монархическое движеніе, учащаются случаи и поводы къ столкновенію между понятіями воинской дисциплины и насущными требованіями монархическаго возстановленія“. Далѣе въ этой статьѣ развивается мысль, что дисциплина не является самоцѣлью, а имѣетъ значеніе служебное; безъ этого является опасность, „что подъ видомъ соблюденія воинской дисциплины люди незамѣтно перестаютъ служить интересу государственному“, примѣръ чего авторъ статьи видитъ въ преторіанцахъ и ландскнехтахъ. „Такъ было и будетъ всегда, когда низшее возобладаетъ надъ высшимъ, служебное надъ главнымъ, войско надъ государствомъ, генералъ надъ Государемъ“. Статья заканчивается призывомъ: „Если вамъ дорога Россія, идите всѣ съ нами за Вѣру, Царя и Отечество. Такова высшая дисциплина“.

**) Къ генералу А. М. Драгомірову являлись нѣкоторые члены Союза Офицеровъ Участниковъ Великой Войны и предлагали ему возглавить этотъ Союзъ въ Бѣлградѣ, открыто признаваясь, что цѣль ихъ „развалить армію Врангеля, которая намъ не нужна, такъ какъ покуда генералъ Врангель стоитъ во главѣ ея, она въ нашихъ рукахъ не будетъ“. Генералъ А. М. Драгомировъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе.

Великаго Князя Кирилла Владиміровича Блюстителемъ Императорскаго Престола, считалъ для себя обязаннымъ безпрекословно ему повиноваться. Единаго фронта, объединеннаго единымъ девизомъ, уже не стало.

Съ точки зрѣнія партійной, если бы къ тому же генералъ Врангель былъ врагомъ монархическаго движенія, какимъ его старались изобразить,— это только бы усилило его позицію: ссоры въ станѣ враговъ всегда придаютъ силы. Съ точки зрѣнія Главнокомандующаго Русской Арміи, наличіе двухъ, борющихся другъ противъ друга „противниковъ" осложняло положеніе до крайнихъ предѣловъ: Армія, принявъ единый монархическій лозунгъ, грозила расколоться пополамъ*). Надо было принять героическія мѣры спасенія единства Арміи, чтобы цѣлой и невредимой передать ее въ руки Верховнаго Главнокомандующаго, когда для этого пробьетъ часъ.

Въ этой обстановкѣ генералъ Врангель и рѣшилъ отдать свой приказъ.

* * *

Въ приказѣ 8 сентября 1923 г. совершенно категорически говорится о границахъ Русской Арміи. „Поставивъ себѣ задачей сохранить на чужбинѣ послѣдніе остатки Великой Русской Арміи, сплотить вокругъ родныхъ знаменъ оставшихся вѣрными воинскому долгу воиновъ и по мѣрѣ силъ помочь имъ собственнымъ трудомъ обезпечить свое существованіе, — говорится въ приказѣ, — я не дѣлалъ разницы между тѣми, кто послѣдовалъ со мною въ изгнаніе, и тѣми, кто сражался ранѣе насъ подъ водительствомъ другихъ вождей... Нынѣ, послѣ трехъ съ половиною лѣтъ изгнанія, Армія жива; она сохранила свою независимость, она не связана ни договорами, ни обязательствами ни съ государствами, ни съ партіями, она собственнымъ трудомъ обезпечиваетъ свое существованіе". Въ силу этого, военнымъ представителямъ въ различныхъ государствахъ

*) Въ маломъ видѣ это произошло послѣ манифеста Вел. Кн. Кирилла Владиміровича объ объявленіи себя Императоромъ Всероссійскимъ: Бѣлградскій Союзъ Участниковъ Великой Войны, принявшій лозунгъ „За Вѣру, Царя и Отечество", раскололся почти надвое.

предписывалось взять на себя объединеніе и руководство дѣятельностью всѣхъ офицерскихъ обществъ и союзовъ и приказывалось всѣмъ офицерамъ, считающимъ себя въ составѣ Арміи, записаться въ одинъ изъ союзовъ, а не считающимъ — выйти изъ ихъ состава. Офицерамъ, входящимъ одновременно въ составъ какихъ либо политическихъ организацій, предлагалось, какъ чинамъ Арміи, выйти изъ нихъ; уклонившіеся подлежали исключенію изъ союза. Если же какой либо изъ союзовъ призналъ бы возможнымъ оставить въ числѣ своихъ членовъ офицеровъ, отказывающихся числиться въ составѣ Арміи и выйти изъ политическихъ организацій, то такой союзъ самъ выходилъ изъ состава Арміи. Въ созванной вслѣдъ затѣмъ комиссіи были выработаны практическія правила для примѣненія этого приказа, въ связи съ различнымъ характеромъ существующихъ офицерскихъ обществъ и союзовъ.

* * *

Опубликованіе „приказа № 82“ вызвало цѣлую бурю. За время революціи, а затѣмъ „бѣженства“ — неминуемо должно было понизиться ощущеніе воинской дисциплины, такъ какъ во первыхъ, она перестала быть принудительной, а во вторыхъ — сами офицеры втянулись въ мѣстныя и партійныя дѣла. Партійныя организаціи злорадствовали или негодовали: лѣвыя — предвкушали въ сотый разъ ожидавшійся „конецъ бѣлыхъ“ — и потому злорадствовали; правыя — начиная съ Національнаго Комитета и кончая крайними правыми — теряли цѣнныхъ сочленовъ — и потому негодовали. Принциціально приказъ конечно, билъ одинаково, направо и налѣво; практически онъ былъ чувствителенъ только крайнимъ правымъ, ибо натискъ слѣва давно прекратился самъ собою, не встрѣчая никакого успѣха. Вотъ почему больше всего негодовали монархическіе лидеры. Предсѣдатель Окружного Монархическаго Совѣта въ Бѣлградѣ П. В. Скаржинскій заявилъ, не безъ основанія, что въ этомъ приказѣ они видятъ объявленіе генераломъ Врангелемъ войны. Они забывали только одно: что дѣйствія эти были вызваны ими и что в о й н а о б ъ-

явлена не монархическому принципу, но политическимъ дѣйствіямъ.

Перчатка была поднята. Уже 15 сентября 1923 г. (т. е. черезъ недѣлю послѣ приказа), Окружный Монархическій Совѣтъ въ Королевствѣ С.Х.С. издалъ циркуляръ № 486, въ которомъ говорилось:

„Окружный Совѣтъ предлагаетъ Совѣтамъ Мѣстныхъ Отдѣловъ разъяснить г.г. офицерамъ, входящимъ въ составъ мѣстныхъ монархическихъ организацій, что превыше всего стоитъ долгъ передъ Родиной, ея счастье и неразрывно связанная съ нею работа по возстановленію Престола*), въ виду чего русское офицерство приглашается къ продолженію его честной и самоотверженной дѣятельности въ монархическихъ организаціяхъ и даже къ усиленію ея".

Циркуляръ заканчивался словами:

„Если нѣкоторые изъ офицерскихъ союзовъ добровольно признаютъ для себя обязательнымъ вышеуказанное распоряженіе барона Врангеля, то входящіе въ ихъ составъ офицеры-монархисты предпочтутъ продолженіе своего великаго и отвѣтственнаго національно-монархическаго дѣла — зачисленію въ списки союзовъ".

Положеніе было очень острое. Къ 10 октября 1923 г. по вызову Главнокомандующаго собрались въ Бѣлградѣ представители всѣхъ воинскихъ союзовъ въ Королевствѣ С. Х. С., какъ находящіеся въ Бѣлградѣ, такъ и прибывшіе изъ провинціи. Генералъ Врангель обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой сказалъ:

---

*) Необходимо отмѣтить. что предсѣдатель Высшаго Монархическаго Совѣта впослѣдствіи самъ отказался отъ тѣхъ позицій, которыя вызвали такую борьбу съ Главнымъ Командованіемъ и совершенно опредѣленно высказалъ тѣ мысли, которыя неизмѣнно проводилъ Главнокомандующій. Въ № 134 „Еженедѣльника Высшаго Монархическаго Совѣта" (25 янв. 1925 г.) Н. Е. Марковъ говоритъ: „Всѣ истинные монархисты должны весь свой разумъ, всю свою волю, всю дѣйственность и силы свои направить прежде всего на сверженіе злобныхъ поработителей русскаго народа, затѣмъ на убѣжденіе народа въ необходимости и благотворности для Россіи полновластной монархіи и наконецъ на всенародное признаніе законнаго Царя изъ Дома Романовыхъ". При такомъ взглядѣ отчаянная борьба Высшаго Монархическаго Совѣта съ Главнымъ Командованіемъ теряла, конечно, всякій смыслъ.

„Русская Армія—это не только послѣдняя горсть защитниковъ родины, это не корниловцы и марковцы, не гвардейцы—послѣдній батальонъ Императорской Гвардіи, это не донскіе, кубанскіе, терскіе казаки,—Русская Армія — это все русское воинство, оставшееся вѣрнымъ русскому знамени. Русская Армія—это все, что не Совдепія,—это Россія...

И пока не умерла Армія — Россія жива...

Начатая десять лѣтъ назадъ борьба за родину не кончена и вставшая по призыву Царя Русская Армія, нынѣ въ изгнаніи, въ черномъ трудѣ, какъ нѣкогда на полѣ брани, отстаиваетъ честь Россіи.

Пока не кончена эта борьба, пока нѣтъ Верховной Русской Власти, только смерть можетъ освободить русскаго воина отъ выполненія долга.

Этотъ долгъ для меня, стоящаго во главѣ остатковъ Русской Арміи,—собрать и сохранить русское воинство за рубежомъ Россіи.

Такъ, окруженный врагами, отбивая знамя, призываетъ къ себѣ остатки родного полка командиръ знаменнаго взвода.

И не себѣ я ищу подчиненія. Собравъ послѣдніе остатки Русской Императорской Арміи, я буду ждать приказа Того, Кто остался для насъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Онъ воленъ будетъ поставить во главѣ васъ того, кто наиболѣе достоинъ.

Ставя долгомъ своимъ собрать и сохранить Русскую Армію на чужой землѣ, я не могу допустить участія ея въ политической борьбѣ. Воинъ не можетъ быть членомъ политической партіи, хотя бы исповѣдующей тѣ же вѣрованія, что и онъ. И офицеръ старой Императорской Арміи не могъ состоять членомъ монархической партіи, такъ же, какъ не могъ быть членомъ любой другой...

Значитъ ли это, что каждый изъ насъ не можетъ имѣть своихъ политическихъ убѣжденій, не можетъ интересоваться политической жизнью своей страны? Конечно, нѣтъ.

Мы, старые офицеры, мы, служившіе при русскомъ Императорѣ въ дни славы и мощи Россіи, мы, пережив-

шіе ея позоръ и униженіе, мы не можемъ не быть монархистами. И воспитывая будущее поколѣніе русскихъ воиновъ, тѣхъ, кто вновь будетъ ковать мощь и славу нашей родины, мы можемъ лишь радоваться, что они мыслятъ такъ же, какъ и мы.

Но мы не можемъ допустить, чтобы, прикрываясь словами „Вѣра", „Царь", „Отечество", офицеровъ вовлекали въ политическую борьбу...

Три года тому назадъ, когда остатки Русской Арміи ушли въ изгнаніе, тѣ, кому Россія обязана своимъ позоромъ, спѣшили довершить каиново дѣло. Гонимая всѣмъ міромъ, обезкровленная и нищая, Русская Армія мѣшала имъ, и Милюковъ кричалъ, что надо уничтожить „реакціонную силу", „спасти Россію отъ реставраціи" и „армію отъ Врангеля"... Теперь кричатъ о „спасеніи арміи отъ Врангеля" изъ другого лагеря...

Кричатъ, укрываясь за дорогія русскому офицеру слова.

Напрасно. Врагамъ я не боюсь смотрѣть въ лицо и съ пути долга не сойду. Этимъ путемъ, вѣрю, пойдете и вы".

Главнокомандующій не ошибся.

Всѣ присутствующіе отъ имени союзовъ заявили, что принимаютъ приказъ къ исполненію, за исключеніемъ упомянутаго выше Союза Участниковъ Великой Войны. Однако, въ ближайшіе дни изъ этого Союза вышелъ рядъ лицъ, не пожелавшихъ итти этимъ путемъ. Все это въ значительной мѣрѣ предрѣшало отношеніе къ приказу въ другихъ странахъ, такъ какъ рядъ союзовъ былъ представленъ въ засѣданіи 20 октября своими центральными правленіями, имѣвшими въ другихъ странахъ лишь свои отдѣленія.

Въ ближайшее время выяснилось, что и не имѣвшіе въ Сербіи своихъ представителей офицерскіе союзы въ другихъ странахъ — въ Болгаріи, въ Венгріи, въ Германіи — приняли тоже приказъ къ исполненію.

Наиболѣе болѣзненно вопросъ проходилъ въ Парижѣ. Въ январѣ 1924 г. въ Парижѣ въ общемъ собраніи Офицерскаго Союза произошелъ бурный инцидентъ, съ оскорбительными выраженіями по адресу Главнокомандующаго и выходомъ изъ зала въ видѣ

протеста цѣлой группы галлиполійцевъ. Послѣ очень упорной и длительной борьбы сторонниковъ и противниковъ приказа — и только въ маѣ 1924 г. — старое Правленіе Союза — и ранѣе бывшее въ оппозиціи къ предсѣдателю генералу Гулевичу — было переизбрано, и предсѣдательское кресло перешло къ генералу Ознобишину.

Руководительство въ офицерскихъ союзахъ повсюду переходило въ руки офицеровъ, преданныхъ идеѣ единой Русской Арміи. Протесты и шероховатости проявлялись все съ меньшей и меньшей силой. Утомленные политическимъ шкваломъ, чуть не уничтожившимъ общее единство, изъ разныхъ мѣстъ (Венгрія, Германія), получались донесенія, что союзы хотѣли бы перейти къ другому началу, болѣе отвѣчающему духу и навыкамъ офицерства — къ началу назначенія. Неприличныя выходки, вродѣ отпечатаннаго 5 сентября 1924 г. Правленіемъ Союза Участниковъ Великой Войны въ Бѣлградѣ листка съ объявленіемъ генерала Врангеля „врагомъ возрожденія Россіи", уже не только не встрѣчали сочувствія, но вызвали явное и единодушное возмущеніе*). Буря утихала.

Русской Арміи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, буря эта не коснулась совсѣмъ. Изъ частныхъ писемъ того

---

*) Какъ курьезъ слѣдуетъ привести выпадъ противъ Главнокомандующаго за упоминаніе имъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ словъ „свобода" и „прогрессъ". Слова эти показались настолько одіозными для одного изъ сотрудниковъ бѣлградской газеты „Старое Время" г. Мглинскаго, что въ статьѣ „Грѣхи русской интеллигенціи" („Старое Время" 17 августа 1924 г. № 66) мы читаемъ: „Только извѣстнаго рода заискиваніями передъ прогрессивными кругами правительства генерала Врангеля можно объяснить и послѣднія слова, включенныя барономъ Врангелемъ въ телеграмму, посланную имъ въ августѣ 1920 года изъ Крыма тогдашнему предсѣдателю совѣта министровъ французской республики Мильерану. Телеграмму эту, какъ историческую, я приведу текстуально. „Въ виду принятаго Правительствомъ Республики рѣшенія признать Правительство Юга Россіи, считаю долгомъ, господинъ Предсѣдатель Совѣта, принести Вамъ горячую благодарность за цѣнное содѣйствіе, оказанное Вами русскому національному дѣлу въ минуту рѣшительнаго испытанія, когда всѣ наши усилія направлены къ выполненію нашей задачи по возстановленію Россіи на основѣ великихъ началъ свободы и прогресса". Къ чему были приплетены эти никому ненужныя и давно опостылѣвшія слова — совершенно непонятно".

времени отъ различныхъ офицеровъ, разбросанныхъ по Балканамъ, можно было видѣть, что приказъ встрѣченъ сочувственно: „Армія — такъ Армія. Довольно партійныхъ комитетовъ“.

На клокочущемъ вулканѣ наступало нѣкоторое успокоеніе. И среди этого успокоенія раздался манифестъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича съ объявленіемъ себя „Императоромъ Всероссійскимъ“. Тѣ, кто провозгласилъ лозунгъ: „За Вѣру, Царя и Отечество“, приглашались встать подъ знамена „Законнаго Царя изъ Дома Романовыхъ“.

ГЛАВА VI.

„ИМПЕРАТОРЪ“ И ВОЖДЬ.

Объявленіе В. К. Кирилла Владиміровича „Блюстителемъ Престола“. Тяжелое положеніе Высшаго Монархическаго Совѣта. Отвѣтъ генерала Врангеля. Отклики отвѣта. „Кирилловцы“ и „николаевцы“. Точка зрѣнія Арміи на возглавленіе. Значеніе В. К. Николая Николаевича въ дѣлѣ русскаго объединенія. Интервью съ американскимъ журналистомъ. Второе выступленіе В. К. Кирилла Владиміровича. Статья М. А. Суворина. Объявленіе В. К. Кирилла Владиміровича „Императоромъ Всероссійскимъ“. Письма Государыни Императрицы и В. К. Николая Николаевича. Принятіе В. К. Николаемъ Николаевичемъ Верховнаго Командованія надъ Русской Арміей.

Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ выступилъ впервые еще въ 1922 г.

Выступленію этому предшествовала дѣятельная пропаганда правыхъ монархическихъ группъ, начавшаяся еще съ Рейхенгалльскаго Съѣзда: тогда впервые былъ выдвинутъ принципъ — „Законнаго Царя изъ Дома Романовыхъ“.

Принципъ этотъ углублялся, проникалъ въ толщу эмигрантской массы и главнымъ образомъ офицерства. Принципъ этотъ утолялъ „монархическую тоску“, возбуждалъ упавшую энергію и даже питалъ надежды на двоякій эффектъ: поддержку европейскихъ государстъ и взрывъ въ совѣтской Россіи.

Создавалась упрощенная схема. Россія была сильна и могуча, когда былъ царь; теперешняя Россія не

приноситъ Европѣ никакихъ выгодъ, но сулитъ одни безпокойства. Значитъ,— Европа заинтересована въ русскомъ царѣ. Для франкофиловъ и приверженцевъ Антанты — побудительнымъ стимуломъ казались воспоминанія объ участіи Россіи въ Великой Войнѣ: будь Россія, одного слова монарха было бы достаточно, чтобы обезопасить Францію отъ всякихъ поползновеній Германіи. Для германофиловъ была другая упрощенная картина. Всѣ нѣмцы по существу — монархисты; могущество Германіи тѣсно связано съ возстановленіемъ въ ней монархіи. Возстановленіе монархіи возможно только тогда, когда возстановится монархическая Россія.

И тѣ, и другіе приходили къ выводу, что возстановленіе монархіи въ Россіи для Европы выгодно.

Но кромѣ того, сотни газетныхъ корреспонденцій и десятки свидѣтельскихъ показаній отъ „очевидцевъ" доказывали, что народъ русскій пресытился совѣтской властью, мечтаетъ о „хозяинѣ" и о Царѣ. Съ умиленіемъ разсказывали, что „все крестьянство" бережно хранитъ царскіе портреты — и ждетъ только призыва, чтобы обрушиться на коммунистическую власть. А такъ какъ „красная армія" — плоть отъ плоти крестьянства, то предполагалось очевиднымъ, что при имени „царя" произойдетъ какой то психологическій сдвигъ.

Пока настроенія эти упорно поддерживались и подогрѣвались въ эмигрантской толщѣ, руководители движенія принимали мѣры къ конкретизаціи этихъ настроеній: низы долго ждать не могли. Высшій Монархическій Совѣтъ желалъ найти выходъ изъ создавшагося положенія черезъ возглавленіе монархическаго движенія Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Для того, чтобы придать этому акту торжественный характеръ и повліять на Великаго Князя, упорно нежелавшаго вообще выступать, рѣшено было использовать день 27 іюля,— тезоименитства Великаго Князя— какъ могучую церковно-политическую манифестацію. Всѣ русскіе люди приглашались въ этотъ день принять участіе въ торжественныхъ молебствіяхъ и обратиться къ Великому Князю съ мольбой о возглавленіи.

Демонстраціи совершились, не поколебавъ рѣшимости Великаго Князя остаться всторонѣ отъ полити-

ческой работы. Но вся шумиха, связанная съ этимъ дѣломъ, и вся подготовка къ этимъ манифестаціямъ побудили Великаго Князя Кирилла Владиміровича напомнить о своихъ правахъ, на основаніи закона о престолонаслѣдіи и, какъ разъ наканунѣ, 26 іюля 1922 г., выпустить актъ, объявляющій о возложеніи на себя „блюстительства россійскаго престола". Въ этомъ актѣ, подписанномъ въ Saint-Briac, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ говоритъ: „До того времени, когда Изволеніемъ Господнимъ и на счастье возрожденной Родины нашей, Законный Государь возьметъ насъ подъ благостную десницу Свою, Русскіе люди не могутъ оставаться болѣе безъ Возглавителя... Посему и за отсутствіемъ свѣдѣній о спасеніи Великаго Князя Михаила Александровича, Я, какъ Старшій, въ порядкѣ Престолонаслѣдія, Членъ Императорскаго Дома, считаю своимъ долгомъ взять на Себя возглавленіе Русскихъ освободительныхъ усилій въ качествѣ Блюстителя Государева Престола".

Положеніе „организованнаго монархизма" создавалось весьма тяжкое.

Провозгласивъ принципъ „монархіи", Рейхенгалльскій Съѣздъ не остановился на этомъ, но уточнилъ этотъ принципъ провозглашеніемъ права на престолъ Дома Романовыхъ, въ свою очередь съузивъ это право „законнымъ" государемъ. Совершенно было бы нелѣпо, говоря о будущемъ монархѣ, пропагандировать „незаконнаго монарха"; очевидно, упоминаніе о „законности" стояло въ тѣсной связи съ основными законами Имперіи; внѣ этихъ законовъ, домогательства отдѣльныхъ особъ Императорской Фамиліи должны были бы почитаться попытками узурпаціи власти, а лицъ, не принадлежащихъ къ ней, — вреднымъ „бонапартизмомъ".

Однако, несмотря на это, первая же попытка осуществить идеи Рейхенгалльскаго Съѣзда въ чистомъ ихъ видѣ вызвала въ Высшемъ Монархическомъ Совѣтѣ рѣзкую оппозицію: монархическое чувство, не могущее простить Вел. Князю Кириллу Владиміровичу его революціонныхъ выступленій 1917 г., протестовало противъ осуществленія его правъ, хотя бы въ формѣ „блюстительства". Скрытое намѣреніе видѣть „блюстителемъ пре-

стола" Великаго Князя Николая Николаевича разбивалось теперь не только о его непреклонную волю — возглавить народное движеніе тогда, когда придетъ для этого часъ, но и о формальныя затрудненія, спорить противъ которыхъ было очень трудно, не подрывая монархическаго принципа и, тѣмъ болѣе, духа Рейхенгалльскаго Съѣзда.

Во всякомъ случаѣ въ рядахъ монархическихъ группъ намѣчался глубокій расколъ, ибо аппелировать къ „нецѣлесообразности" акта, или къ „непріемлемости" лица — значило нарушать все то, что только-что усиленно проповѣдывалось и „монархическій принципъ" замѣнять „волеизъявленіемъ", или личнымъ произволомъ.

* * *

Опубликованіе акта Великаго Князя Кирилла Владиміровича по какимъ-то причинамъ задержалось. Первая замѣтка объ этомъ появилась въ газетѣ „Temps" отъ 9 августа 1922 г., гдѣ указывалось о принятомъ Великимъ Княземъ рѣшеніи и говорилось, что „онъ обращается къ благороднымъ стремленіямъ великаго народа, раздавленнаго чудовищнымъ рабствомъ. Онъ хочетъ, чтобы мощный голосъ этого народа нашелъ бы отраженіе въ рѣшеніяхъ Земскаго Собора и чтобы просвѣтленная Европа съ радостью ожидала воскресенія Россіи". А черезъ два дня, изъ Dinard'a Главнокомандующій получилъ слѣдующую телеграмму:

> Генералу барону Врангелю. Сремскіе Карловцы. Я, какъ Блюститель Государева Престола, неизмѣнно разсчитываю на Ваше творческое сотрудничество и единодушіе въ великомъ дѣлѣ спасенія Россіи. Высылаю манифестъ. Уважающій Васъ Кириллъ".

Въ оффиціальномъ сообщеніи начальника штаба Главнокомандующаго отъ 15 августа 1922 г. всѣ части были оповѣщены о происшедшемъ засѣданіи старшихъ начальниковъ въ связи съ обращеніемъ Великаго Князя*). Позиція генерала Врангеля опредѣлялась слѣдующими словами: „Главнокомандующій твердо рѣшилъ сдѣлать

---

*) На засѣданіи присутствовали генералы: Кутеповъ, Шатиловъ, Эккъ, Барбовичъ, Кусонскій, Зборовскій, Потоцкій и Крейтеръ.

все, чтобы Армія не была вовлечена въ политическую борьбу; для отвѣта онъ ждетъ объявленнаго манифеста и, въ зависимости отъ дальнѣйшихъ шаговъ Великаго Князя, оставляетъ за собою свободу дѣйствій". „Въ заключеніе, — говорилось въ сообщеніи, — Главнокомандующій просилъ присутствовавшихъ на совѣщаніи откровенно высказаться по затронутымъ вопросамъ; единодушіе всѣхъ лишній разъ показало полное единомысліе и совершенно одинаковое пониманіе обстановки и вытекающихъ изъ нея рѣшеній".

* * *

Отношеніе частей и въ особенности офицерскихъ союзовъ было далеко не такъ единодушно.

До слуха Арміи впервые за все время революціи долеталъ голосъ члена Императорскаго Дома. Въ особомъ обращеніи къ Арміи Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ говорилъ, между прочимъ: „Молю Бога о томъ, чтобы, просьбѣ Моей внявъ, верховное главнокомандованіе надъ Русской Арміей принялъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ; а до тѣхъ поръ надлежащія указанія будутъ ей преподаны Мною, при участіи испытанныхъ и доблестныхъ военноначальниковъ, уже заслужившихъ благодарность Россіи".

Эти слова произвели особое впечатлѣніе не только въ рядахъ чистыхъ „легитимистовъ", но и въ рядахъ, находившихся подъ вліяніемъ Высшаго Монархическаго Совѣта. Только что передъ этимъ была развита энергичная агитація за „возглавленіе" Великаго Князя Николая Николаевича; причемъ, „возглавленіе" это понималось въ военныхъ кругахъ не какъ „блюстительство", но какъ принятіе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Верховнаго Командованія.

Обращеніе Великаго Князя Кирилла Владиміровича прямо указывало на это; слова „молю Бога" и пр. не могли допустить мысли, что актъ этотъ изданъ безъ вѣдома и согласія Великаго Князя Николая Николаевича. Значитъ, въ средѣ Императорской Фамиліи наступило полное согласіе—и военнымъ начальникамъ, кото-

рымъ „преподаны надлежащія указанія", оставалось только повиноваться.

Настроеніе монархическихъ группъ прекрасно охарактеризовано въ одномъ изъ донесеній военнаго представителя въ Константинополѣ. „Среди низовъ господствовала искренняя радость, что кто-то изъ членовъ Семьи рѣшился возглавить монархическое движеніе, и полная готовность безусловно и безоговорочно слѣдовать за этимъ лицомъ. Среди верховъ—убѣжденіе, что манифестъ не могъ быть выпущенъ безъ предварительной подготовки и соглашенія какъ съ монархическими кругами, такъ и съ иностранной властью,—и въ связи съ этимъ готовились также слѣдовать за нимъ".

Болѣе освѣдомленные монархическіе верхи были въ полной растерянности: имъ было извѣстно отсутствіе соглашенія и съ монархическими кругами и съ иностранной властью. Имъ было извѣстно еще больше: отсутствіе соглашенія въ царской семьѣ и упоминаніе имени Великаго Князя Николая Николаевича вопреки его волѣ.

Все это должно было выявиться. Надо было удержать монархистовъ отъ раскола; выступать же противъ „Блюстителя" было невозможно для лицъ, связавшихъ себя лозунгомъ „За Вѣру, Царя и Отечество". Вотъ почему отвѣтъ генерала Врангеля, свободнаго отъ этого лозунга, былъ встрѣченъ ими съ внутреннимъ удовлетвореніемъ и не вызвалъ тѣхъ нападокъ, которыя были бы неизбѣжны въ иныхъ условіяхъ.

Генералъ Врангель отвѣтилъ Великому Князю слѣдующимъ письмомъ:

„Телеграмма Вашего Императорскаго Высочества мною получена, и я приношу всепреданнѣйшую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе"... „Я, какъ и громадное большинство моихъ соратниковъ, мыслю будущую Россію такой, какъ того пожелаетъ русскій народъ, пламенно вѣря въ то, что народная мудрость вернетъ Россію, какъ и триста лѣтъ тому назадъ, на ея историческій путь. Ваше Императорское Высочество уже нынѣ, на чужбинѣ, безъ участія русскаго народа предрѣшаете этотъ вопросъ. При этихъ условіяхъ я не вправѣ обѣщать Вашему Императорскому Высочеству то сотрудничество, которое Вамъ угодно было мнѣ пред-

ложить. Долгъ каждаго русскаго человѣка — принести посильную пользу Россіи. Хочу вѣрить, что, посвятивъ себя заботамъ о моихъ соратникахъ, временно промѣнявшихъ шашку на лопату и винтовку на плугъ, я внесу посильную лепту въ общее дѣло служенія Родинѣ".

Прямой отвѣтъ Главнокомандующаго предрѣшилъ участь манифеста.

Но поднялась цѣлая буря: на этотъ разъ буря шла отъ низовъ, безъ участія представителей „организованнаго монархизма", которымъ пришлось молчать и обдумывать формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ къ тому времени, когда буря нѣсколько уляжется.

Я лично былъ свидѣтелемъ разыгравшихся событій въ частяхъ, стоящихъ въ В. Тырновѣ, въ Болгаріи.

Задолго до „манифеста" настроеніе стало приподнятымъ, особенно у стоявшихъ тамъ юнкеровъ Сергіевскаго Артиллерійскаго Училища. Всѣ чего-то ждали. Наконецъ, разнеслась молва о появленіи какого-то „манифеста"—и появилась въ обращеніи телеграмма Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Телеграмму въ сотняхъ экземпляровъ перепечатывали на машинкѣ. Убѣжденіе въ томъ, что начинается „новая эра", было настолько сильно, что большинству не приходило въ голову, что на Высочайшую телеграмму можно отвѣтить отказомъ. Юнкера чистили аммуницію, готовили бѣлыя гимнастерки и передавали вполголоса, что на завтра будутъ приводить къ присягѣ.

На завтра появился отвѣтъ генерала Врангеля и, по странной случайности, номеръ „Новаго Времени" съ приведенной выше рѣчью генерала Врангеля въ Турскомъ Бечеѣ, гдѣ говорилось, что онъ скорѣе „сожжетъ" знамя, переданное ему Корниловымъ, чѣмъ позволитъ измѣнить начертанное на немъ священное слово „Отечество". Впечатлѣніе было неожиданное. Юнкера сложили свои бѣлыя гимнастерки и уныло разбрелись по казармѣ. Одинъ очень культурный полковникъ генеральнаго штаба сказалъ мнѣ: „Я не понимаю, что тамъ дѣлается... Послѣ такого неприличнаго отвѣта совершенно неоспоримы обвиненія въ бонапартизмѣ"... Другой не менѣе культурный офицеръ, имѣющій большое отношеніе къ прессѣ, сказалъ: „Я еще не видѣлъ

такого примѣра, когда популярность человѣка могла такъ безконечно упасть въ теченіе одного дня".

Въ защиту позиціи Главнокомандующаго раздавались только единичные голоса *).

* * *

Пока Высшій Монархическій Совѣтъ обдумывалъ сложившееся положеніе и готовился къ предстоящему съѣзду, опредѣлилось вполнѣ, что выступленіе Великаго Князя Кирилла Владиміровича было сдѣлано безъ всякой подготовки. Теперь отовсюду получались свѣдѣнія, что различными общественными организаціями и отдѣльными лицами самыхъ разнообразныхъ лагерей выступленіе Великаго Князя Кирилла Владиміровича расцѣнивается отрицательно.

Это проникало въ эмигрантскую среду. Отвѣтъ генерала Врангеля учитывался уже не какъ проявленіе „бонапартизма", а какъ спасеніе Арміи отъ вовлеченія въ партійную борьбу. Сами монархисты изъ Высшаго Монархическаго Совѣта, черпали изъ этого отвѣта силы для работы надъ возстановленіемъ почти разрушеннаго монархическаго фронта.

Опасность монархическаго развала была очень сильна: образовались „кирилловцы" и „николаевцы" (хотя Великій Князь Николай Николаевичъ не давалъ рѣшительно никакихъ основаній для такой номенклатуры). Стычки между „кирилловцами" и „николаевцами" переходили въ настоящее междоусобіе.

Въ это время генералъ Врангель впервые высказалъ свой взглядъ на возможное „возглавленіе". Въ интервью съ сотрудникомъ „Новаго Времени", данномъ 26 сентября 1922 г., на вопросъ, какъ онъ относится

*) Для того, чтобы оцѣнить всю растерянность общественныхъ круговъ, не лишено интереса письмо, полученное Главнокомандующимъ отъ одного крупнаго либеральнаго дѣятеля, очень далекаго отъ монархическихъ группъ. Лицо это пишетъ: „Насколько я освѣдомленъ, актъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе и пошелъ навстрѣчу общему настроенію: онъ, кромѣ того, имѣетъ нѣкоторую внѣшнюю санкцію. Это необходимо учесть, занявъ самостоятельную, не подчиненную, но и не враждебную позицію, которая оставляла бы въ будущемъ возможность выбора той или другой практически опредѣленной позиціи".

къ попыткамъ нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ получить согласіе Великаго Князя Николая Николаевича на возглавленіе имъ національнаго движенія, генералъ Врангель отвѣтилъ: „Я не разъ заявлялъ, что если бы нашлось лицо, которому удалось бы объединить русскихъ людей, я не колеблясь бы призвалъ Армію пойти за нимъ. Я счастливъ былъ бы сдѣлать это, если бы этимъ лицомъ оказался Великій Князь Николай Николаевичъ, имя котораго пользуется большимъ обаяніемъ въ войскахъ и къ которому я питаю чувства самаго глубокаго уваженія и преданности".

Это заявленіе должно было внести успокоеніе въ офицерскую среду: обвиненія въ „бонапартизмѣ" отпадали сами собою. Но это же заявленіе вызвало большой натискъ со стороны „кирилловцевъ", натискъ въ двухъ направленіяхъ: на Главнокомандующаго и на Высшій Монархическій Совѣтъ. Одинъ изъ ближайшихъ политическихъ совѣтниковъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, князь Голицынъ-Муравлинъ, опубликовалъ письмо въ обычномъ для него церковно-славянскомъ стилѣ, въ которомъ „бѣлое движеніе" сравнивалъ съ Тушинской эпопеей, а вождей его—съ „вредоносными захребетниками". Письмо вызвало такое сильное возмущеніе, что тотъ же князь Голицынъ-Муравлинъ поспѣшилъ объяснить это недоразумѣніемъ и неправильнымъ истолкованіемъ его словъ.

Что же касается Высшаго Монархическаго Совѣта, то князь Голицынъ-Муравлинъ циркулярно разъяснилъ, что „Высшій Монархическій Совѣтъ является частнымъ монархическимъ установленіемъ. Оказавъ немалыя услуги Русскому Дѣлу, названный Совѣтъ нынѣ пережилъ срокъ своихъ полномочій, которыя никогда и не достигали того уровня, при коемъ онъ могъ бы считать себя источникомъ властныхъ распоряженій. Онъ не можетъ поставить себя внѣ Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи, и утерялъ бы послѣднюю точку опоры, если бы отказался отъ точнаго выполненія предуказаній 1-го Монархическаго Съѣзда".

Съ этимъ положеніемъ князя Голицына-Муравлина нельзя не согласиться.

Идея „возглавленія“ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ могла возникнуть только въ порядкѣ совершенно независимомъ какъ отъ династическихъ вопросовъ, такъ и отъ узко-партійныхъ монархическихъ соображеній: „возглавленіе“ это могло мыслиться только, какъ попытка собрать, хотя бы на чужбинѣ, обще-русскія національныя силы.

* * *

Въ письмѣ на имя предсѣдателя Русскаго Комитета въ Турціи профессора И. П. Алексинскаго, 4 мая 1923 г., генералъ Врангель говорилъ:

„Я пытался объединить вокругъ Арміи русскихъ людей, объединить во имя любви къ родинѣ, во имя ея освобожденія. Ставъ во главѣ объединенія, Армія сохранила бы свою политическую независимость, и впредь наша политика оставалась бы „политикой свободныхъ рукъ“.

Трехлѣтнія попытки мои оказались тщетными. Передъ лицомъ врага русскіе люди не сумѣли найти общаго языка. Одни боялись „диктатуры генераловъ“, другіе — „бонапартизма“. Вокругъ Арміи шла ожесточенная политическая борьба. Среди страданій и лишеній, оставленные одними, преслѣдуемые другими, люди искали выхода. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилась борьба, тѣмъ болѣе одинокой оставалась Армія.

Она одна сохранила единеніе вокругъ общаго развала и разобщенія. Воспитанная въ сознаніи, что въ „единеніи сила“ и что „одинъ за всѣхъ и всѣ за одного“, она жадно ждала конца вредной распри.

Съ огромной надеждой встрѣтила она намѣчаемое объединеніе вокругъ своего бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, имя котораго живо въ сердцахъ его бывшихъ соратниковъ. Объединеніе вокругъ Великаго Князя казалось тѣмъ выходомъ, котораго ждали всѣ, сулило, быть можетъ, скорый конецъ испытаніямъ. Въ измученныхъ душахъ скользнулъ лучъ надежды...

Значеніе обаянія имени Великаго Князя я учитывалъ и ранѣе, но мнѣ ясно представлялось, что Онъ сыграетъ роль въ часы паденія совѣтской власти, что не связанный съ бѣлымъ движеніемъ, Онъ въ рѣши-

тельный часъ явится тѣмъ, кто „сумѣетъ все понять и все простить".

Указавъ далѣе на крайнюю опасность преждевременнаго выступленія Великаго Князя, генералъ Врангель писалъ:

„Я много передумалъ за эти дни. Не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: вправѣ ли я при этихъ условіяхъ сознательно передать то знамя, которое вручила мнѣ судьба и которое я доселѣ охранялъ?

Мой долгъ — спасти Армію, единственную реальную силу, основу будущей военной мощи Россіи, мой долгъ сохранить единство среди вождей этой Арміи, поддержать неугасимымъ ея духъ.

Если Великій Князь объединитъ вокругъ себя русскихъ людей, если въ Его лицѣ объединится и Армія и всѣ тѣ, кто не хотѣлъ итти по пути коммунизма и соціализма, то колебаній для меня быть не можетъ.

Въ сознаніи выполненнаго по мѣрѣ силъ и разума долга, я передамъ Ему русское знамя и, какъ старшій солдатъ между солдатами, пойду за Нимъ".

На слѣдующій день Главнокомандующій повторилъ эти мысли на прощальномъ ужинѣ по случаю отъѣзда въ Парижъ генерала Шатилова. Принципіальное рѣшеніе было принято.

* * *

Мы видимъ отсюда, какъ съ точки зрѣнія „бѣлаго движенія" ставился вопросъ о возглавленіи Великимъ Княземъ: „бѣлое движеніе" въ этомъ вопросѣ не попало въ то противорѣчіе, изъ котораго съ такимъ трудомъ вылѣзалъ Высшій Монархическій Совѣтъ.

Для Русской Арміи Великій Князь Николай Николаевичъ былъ прежде всего Верховнымъ Главнокомандующимъ той Императорской Россійской Арміи, отъ которой велось все ея родословіе. Это былъ человѣкъ, стяжавшій славу во время Великой Войны, всѣмъ извѣстный и всѣми уважаемый.

Для русскихъ воиновъ, такъ же какъ и мы, сражавшихся съ большевиками, но въ рядахъ сѣверныхъ, западныхъ, дальневосточныхъ армій, — преемственная власть, воспринятая генераломъ Врангелемъ отъ Кор-

нилова и Колчака,— была понятіемъ слишкомъ абстрактнымъ. Его личное вліяніе могло распространяться на кругъ его соратниковъ, перенесшихъ съ нимъ всю тяжелую борьбу и не оставленныхъ имъ въ моменты тягчайшихъ испытаній.

Имя же Великаго Князя было извѣстно не только всѣмъ безъ исключенія воинамъ, разсѣяннымъ по лицу чужой земли, но и милліонамъ русскихъ солдатъ, сражавшихся въ Великую Войну и находящихся нынѣ въ предѣлахъ Россіи. Великій Князь не принималъ участія въ гражданской войнѣ; онъ не являлся „стороною“ въ томъ спорѣ, который происходилъ между бѣлыми и красными. Посколько генералъ Врангель могъ считаться въ ихъ глазахъ представителемъ „карающей“ бѣлой руки, постолько Великій Князь Николай Николаевичъ оказывался только представителемъ національной арміи.

Не могло быть сомнѣнія, что въ смыслѣ международнаго значенія — Верховный Главнокомандующій Россійской Императорской Арміи имѣлъ тоже большія преимущества. Для многихъ иностранцевъ, для которыхъ Россія кончилась съ момента выхода изъ Великой Войны и дальнѣйшая ея исторія представлялась, какъ частныя антрепризы отдѣльныхъ генераловъ,— для нихъ во главѣ антибольшевистскаго движенія становился тотъ, кто рука объ руку съ главнокомандующими союзныхъ армій бился за общее дѣло.

Но выступленіе Великаго Князя имѣло еще одно большое значеніе въ смыслѣ внутренней русской политики. Великій Князь Николай Николаевичъ удачно соединялъ въ себѣ Верховнаго Главнокомандующаго и старѣйшаго по годамъ члена Императорской Фамиліи. Для монархическаго чувства былъ прекрасный выходъ. Создавалось то положеніе, которое такъ блестяще было использовано нѣмцами въ фактѣ избранія фельдмаршала Гинденбурга президентомъ Германской республики. Великій Князь не долженъ былъ объявлять монархическіе лозунги, какъ гарантію своихъ монархическихъ убѣжденій: Великій Князь по своему происхожденію, по своему прошлому и своему настоящему могъ объединить вокругъ Арміи національно-мыслящіе русскіе круги, въ главной своей массѣ монархическіе.

Три года звалъ генералъ Врангель русскихъ людей объединиться вокругъ Арміи. Вмѣсто этого вокругъ Арміи завязалась политическая борьба. Въ центрѣ этой борьбы стояла Армія, сплоченная, какъ всегда, „вѣрная до конца", импонирующая своей преданностью, но въ этихъ условіяхъ политической борьбы терявшая свое значеніе государственнаго центра. Изъ „Русской Арміи" она превращалась въ преданную своему вождю—„врангелевскую армію", противъ чего все время боролся Главнокомандующій. Надо было вернуть ей подобающее значеніе, надо было создать живую связь не только между соратниками по Крыму, но между всѣми воинами, разсѣянными въ изгнаніи.

Вотъ почему генералъ Врангель обратился въ маѣ мѣсяцѣ 1923 г. къ Верховному Главнокомандующему съ просьбой обратить свое слово къ русскимъ людямъ съ призывомъ „объединиться во имя страдалицы нашей Русской Земли" и вотъ почему, „много передумавъ за эти дни", онъ принялъ рѣшеніе „пойти за нимъ, какъ старшій солдатъ между солдатами".

* * *

Великій Князь Николай Николаевичъ не считалъ еще возможнымъ выступить на политическую арену. Въ сообщеніи начальника штаба Русской Арміи указывалось, что „Великій Князь высказалъ, что въ настоящее время онъ еще не считаетъ возможнымъ возглавить какое бы то ни было политическое объединеніе, такъ какъ Онъ полагаетъ необходимымъ для принятія на Себя руководства національнымъ движеніемъ полученіе отъ всѣхъ крупнѣйшихъ существующихъ организацій, стоящихъ на національной точкѣ зрѣнія, опредѣленнаго признанія Его руководства" *).

Въ маѣ 1924 г. Великій Князь впервые высказалъ открыто свои мысли въ интервью съ американскимъ журналистомъ. Въ этомъ интервью Великій Князь говорилъ:

---

*) Циркулярное сообщеніе начальника штаба 26 іюня 1923 года.

„Мы не должны здѣсь, на чужбинѣ, предрѣшать за русскій народъ коренныхъ вопросовъ его государственнаго устройства. Они могутъ получить разрѣшеніе только на русской землѣ въ согласіи съ чаяніями русскаго народа".

По вопросу о своемъ выступленіи Великій Князь сказалъ:

„Каждый день я получаю самыя трогательныя доказательства довѣрія. Я ничего не ищу для себя и, какъ старый солдатъ, могу только сказать, что я готовъ отдать всѣ свои силы и всю жизнь на служеніе Родинѣ. Но стать во главѣ національнаго движенія я сочту возможнымъ только тогда, когда убѣжусь, что наступило время и возможность для принятія рѣшеній въ соотвѣтствіи съ чаяніями русскаго народа".

Интервью это обратило на себя вниманіе всей эмиграціи. По существу, это въ точности совпадало съ тѣмъ взглядомъ, который проводился вождями бѣлаго движенія и противъ котораго шла такая упорная борьба съ политическаго фланга.

Лѣвыя группировки не могли найти въ текстѣ этого интервью какихъ либо непріемлемыхъ мыслей; они критиковали не самую декларацію, но выражали авансомъ недовѣріе къ лицу, отъ котораго она исходила. Центръ вынесъ вполнѣ отрадное впечатлѣніе — но, по своей обычной нерѣшительности, не предпринималъ никакихъ шаговъ и занялъ выжидательную позицію. Правые — были замѣтно разочарованы отсутствіемъ яркихъ политическихъ лозунговъ, но отъ критики декларації воздержались.

Широкими кругами эмиграціи и Арміей декларація была встрѣчена горячимъ сочувствіемъ. Декларація эта вносила ясность и являлась однимъ изъ этаповъ къ дальнѣйшимъ событіямъ.

* * *

Между тѣмъ, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ не ограничился однимъ манифестомъ о „блюстительствѣ" и началъ уже организаціонные шаги. Въ манифестѣ 5 апрѣля 1924 г. повелѣвалось „всѣмъ чинамъ

Арміи и Флота, всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ и всѣмъ объединеніямъ, вѣрнымъ Долгу и Присягѣ, присоединиться къ законопослушному движенію, Мною возглавляемому, и въ дальнѣйшемъ слѣдовать лишь Моимъ указаніямъ", а 30 апрѣля изъ Ниццы давалось и самое „указаніе" объявленіемъ „Положенія о Корпусѣ Офицеровъ Императорскихъ Армій и Флота". „Корпусъ Офицеровъ Императорскихъ Армій и Флота, — говорилось въ § 1 Положенія, — образуется съ цѣлью произвести отборъ достойныхъ Русскихъ Офицеровъ, вѣрныхъ Престолу и Основнымъ Законамъ Россійской Имперіи, и объединить ихъ подъ Знаменемъ Законности для предстоящаго служенія Родинѣ". Для „объединенія подъ знаменемъ законности" учреждались особыя пріемочныя комиссіи, а въ самомъ Корпусѣ, расширенномъ впослѣдствіи военнослужащими вообще, намѣчалась іерархическая подчиненность, восходящая къ самому Блюстителю.

То, что неявно пробовали создавать „объединенные монархисты", проводились теперь открыто, по строгому организаціонному плану. Формировалась не только армія, принявшая монархическій лозунгъ, но, подчиненная Блюстителю и враждебная „крамольному" Высшему Монархическому Совѣту, „Императорская Россійская Армія".

Русской Арміи, связанной своей внутренней дисциплиной и ожидающей приказа своего Главнокомандующаго, новый офицерскій Корпусъ не коснулся почти совсѣмъ. Но въ офицерскихъ союзахъ, принявшихъ монархическій девизъ, произошли значительныя колебанія. Кромѣ сомнѣній чисто идеологическаго порядка, дѣйствовала и неприкрытая и грубая демагогія. „Кирилловцами" распускались слухи то о полученіи значительныхъ денежныхъ суммъ, то о предстоящемъ походѣ. Слухи эти нервировали и безъ того изнервничавшуюся офицерскую массу, такъ какъ въ томъ же манифестѣ 5 апрѣля говорилось: „Да усовѣстятся и образумятся упорствующіе, да просвѣтятся заблуждающіеся, и Родина предастъ забвенію ихъ грѣхи и ошибки. Но не достойны мѣста въ будущей Императорской Россіи тѣ, кто и на этотъ разъ,

не внявъ Моему призыву, не вступятъ на законный путь, продолжая свою разрушительную работу. Ни Царь, ни Россія не простятъ ихъ преступленій передъ Родиной и небреженія къ Основнымъ Законамъ и Божеской Правдѣ".

Надъ обывателями повисла угроза — недопущенія въ Россію, въ случаѣ сверженія большевиковъ и восшествія на престолъ законнаго Царя.

Вся зарубежная пресса отнеслась отрицательно къ этому акту. Въ этомъ отношеніи было проявлено полное единодушіе. Особенно рѣзко выступило монархическое „Новое Время". Въ передовицѣ отъ 22 апрѣля 1924 г. М. А. Суворинъ писалъ:*)

„Къ этому манифесту — мы можемъ отнестись только отрицательно, и прежде всего потому, что онъ глубоко оскорбителенъ для каждаго русскаго человѣка. Великій Князь говоритъ въ немъ всѣмъ тѣмъ, кто не внемлетъ Его призыву признать Его за вождя, что когда Онъ будетъ на престолѣ, то всѣ эти ослушники Его желанія не получатъ права возвращенія на родину".

„Такой призывъ, — говорилъ далѣе М. А. Суворинъ, — не похожъ на призывъ Русскаго Монарха. Онъ не похожъ на призывъ Минина и Пожарскаго. Онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на призывъ тѣхъ, кто сидитъ теперь на московскомъ престолѣ.

Нѣтъ, мы не идемъ за Вами, Ваше Высочество! Мы русскіе люди не меньше, если не больше, чѣмъ Вы, Ваше Высочество. Мы не ходили на поклонъ къ революціи, мы не на словахъ, а на дѣлѣ, показали нашу беззавѣтную любовь къ нашей Родинѣ. Мы пошли безъ зова, безъ принужденія, на защиту поруганной, — ни Васъ, ни Вашего голоса не было съ нами — и доказали на дѣлѣ своими ранами, разореніемъ, нищетой, нуждой и жертвами, безпредѣльными жертвами, всю глубину которыхъ только Богъ можетъ видѣть, эту любовь и преданность родной землѣ. И эта любовь руководитъ нами въ изгнаніи, и только голосу Земли нашей мы послушны".

---

*) „Новое Время" № 897, 22 апрѣля 1924 г.

Статья эта, противъ „рѣзкости“ которой высказывались многіе члены редакціи, произвела огромное впечатлѣніе. Общая отрицательная оцѣнка со стороны различныхъ круговъ отрезвила обывателя, готоваго поддаться подъ обаяніе торжественныхъ словъ. Но внутренній расколъ въ монархическомъ фронтѣ, хотя болѣе медленно, но неуклонно продолжался. „Законопослушные“ были гораздо сильнѣе въ своихъ аргументахъ и послѣдовательнѣе въ своихъ выводахъ, чѣмъ „законоборцы“. „Законопослушнымъ“ оставалась сдѣлать только одинъ послѣдній логическій выводъ: онъ былъ сдѣланъ 31 августа 1924 г. новымъ манифестомъ о восшествіи на престолъ „Императора Кирилла Владиміровича“.

* * *

Такой актъ уже не могъ не вызвать отклика въ самой Императорской Фамиліи. Великій Князь Николай Николаевичъ опубликовалъ письмо Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ оцѣнкой этого шага. Государыня писала Великому Князю:

„Ваше Императорское Высочество,

Болѣзненно сжалось сердце Мое, когда Я прочитала манифестъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, объявившаго себя Императоромъ Всероссійскимъ.

До сихъ поръ нѣтъ точныхъ извѣстій о судьбѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, а потому появленіе новаго Императора Я считаю преждевременнымъ. Нѣтъ еще человѣка, который могъ бы погасить во Мнѣ послѣдній лучъ надежды.

Боюсь, что этотъ манифестъ создастъ расколъ и уже тѣмъ самымъ не улучшитъ, а, наоборотъ, ухудшитъ положеніе и безъ того истерзанной Россіи.

Если же Господу Богу, по Его неисповѣдимымъ путямъ, угодно было призвать къ Себѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая впередъ, съ твердой надеждой на милость Божію, полагаю, что Государь Императоръ будетъ указанъ нашими Основными Законами, въ союзѣ съ Церковью Православною, совмѣстно съ Русскимъ Народомъ.

Молю Бога, чтобы Онъ не прогнѣвался на насъ до конца и скоро послалъ намъ спасеніе путями, Ему только извѣстными.

Увѣрена, что Вы, какъ старѣйшій Членъ Дома Романовыхъ, одинаково со Мною мыслите.

МАРІЯ“.

21 сентября - 4 октября 1924 г. Хуадоръ.

Оповѣщая во всеобщее свѣдѣніе объ этомъ письмѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ писалъ:

„Я счастливъ, что Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна не усумнилась въ томъ, что я однаково съ Нею мыслю объ объявленіи себя Великаго Князя Кирилла Владиміровича Императоромъ Всероссійскимъ.

Я уже неоднократно высказывалъ неизмѣнное мое убѣжденіе, что будущее устройство Государства Россійскаго можетъ быть рѣшено только на русской землѣ, въ соотвѣтствіи съ чаяніями русскаго народа.

Относясь отрицательно къ выступленію Великаго Князя Кирилла Владиміровича, призываю всѣхъ, одинаково мыслящихъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ и мною, къ исполненію нашего истиннаго долга передъ Родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дѣло освобожденія Россіи.

Да поможетъ намъ Господь.

Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ".

7 (20) октября 1924 г.

Шуаньи.

Опубликованіемъ этого письма и призывомъ объединиться, Великій Князь Николай Николаевичъ совершилъ то давно жданное „выступленіе", къ которому такъ стремились широкіе зарубежные русскіе круги. „Выступленіе" это было совершено не въ формѣ приказанія, не въ формѣ возложенія на себя какого-либо званія, а только въ формѣ широкаго призыва, такъ какъ Великій Князь остался вѣренъ своему принципу — дождаться того времени, когда общія условія позволятъ это сдѣлать. Для этого необходима была длительная работа.

Но для одной группы русской эмиграціи — для Арміи — такія условія давно уже назрѣли. Отдавая приказанія по Арміи, Великій Князь могъ быть увѣренъ, что они воспримутся именно какъ приказанія, и что для возглавленія Русской Арміи наступило время.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Великій Князь Николай Николаевичъ издалъ приказъ слѣдующаго содержанія:

„Главнокомандующему Арміей

генералу барону Врангелю.

Получивъ письмо Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, оглашенное 7(20) октября с. г., я призвалъ всѣхъ, одинаково мыслящихъ съ Ея Величествомъ и мною, объединиться и продолжать работу на дѣло спасенія Россіи.

Для полнаго объединенія въ моемъ лицѣ всѣхъ военныхъ, я впредь принимаю на себя руководство черезъ Главнокомандующаго какъ арміей, такъ и всѣми военными организаціями.

Приказанія войсковымъ частямъ и означеннымъ военнымъ организаціямъ будутъ мною отдаваться черезъ Главнокомандующаго.

Всѣ начальники отдѣльныхъ частей, военныхъ учрежденій, военныхъ заведеній, военныхъ организацій, а также предсѣдатели Офицерскихъ Союзовъ и объединеній будутъ назначаться мною.

Приказываю Главнокомандующему объявить настоящее мое распоряженіе всѣмъ кому надлежитъ, къ точному и неуклонному исполненію.

Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ".

16 ноября 1924 г.
Шуаньи.

Приказъ этотъ былъ обращенъ къ одной Арміи. Но Армія не переставала быть носительницей русской государственной идеи. Георгіевскій штандартъ былъ тѣсно переплетенъ съ русскимъ національнымъ знаменемъ. И, принимая на себя командованіе Арміей, Великій Князь уже тѣмъ самымъ бралъ на себя руководительство русскимъ національнымъ движеніемъ.

Еще 16 декабря 1923 г., когда возникли въ широкихъ общественныхъ кругахъ переговоры о возглавленіи національнаго движенія Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, генералъ Врангель предусмотрѣлъ это положеніе и формулировалъ его въ своемъ приказѣ. „Хотя до настоящаго времени Великій Князь Николай Николаевичъ и не принялъ еще на себя общаго руководства національной работой, — говорилось въ въ этомъ приказѣ, — но и нынѣ уже эта работа ведется изъ Парижа находящимися вблизи Великаго Князя людьми въ соотвѣтствіи съ высказываемыми Имъ пожеланіями, обязательными для тѣхъ, кто отдалъ себя

въ Его распоряженіе. Большая нравственная отвѣтственность спадаетъ съ меня. Отнынѣ всѣ вопросы политическіе — международнаго характера, по объединенію національныхъ русскихъ силъ и т. д., не лежатъ болѣе на мнѣ и на представителяхъ Арміи. Для выполненія дальнѣйшей работы, связанной съ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, мною предоставлены всѣ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи для этой работы силы и средства".

Уже тогда, изъ Бѣлграда, нельзя было вести политической работы, и чисто географически работа эта для генерала Врангеля была невозможна. Центромъ національнаго движенія становился Парижъ, вблизи мѣстопребыванія Великаго Князя.

Теперь же, послѣ принятія Великимъ Княземъ командованія надъ Арміей, сложившееся фактически положеніе укрѣплялось формально: Главнокомандующій оставался первымъ солдатомъ среди своихъ солдатъ.

Приказъ Великаго Князя былъ восторженно принятъ русскимъ зарубежнымъ воинствомъ. Русское офицерство, какъ мы уже говорили раньше, обрѣтало Вождя, непрерывно соединяющаго его со старой Россійской Арміей.

Но для насъ, участниковъ тяжелаго пути въ „бѣломъ движеніи", приказъ былъ величайшимъ моральнымъ удовлетвореніемъ. „Бѣлое движеніе" не зачеркивалось, какъ ненужная ветошь и историческій пережитокъ. Армія, которая прошла этотъ путь „бѣлаго движенія", возглавляемая Главнокомандующимъ, Армія, испытавшая столько бѣдствій и закалившая въ нихъ свою спайку, признавалась Верховнымъ Главнокомандующимъ не какъ одинъ изъ составляющихъ элементовъ, но какъ элементъ основной и объединяющій. Всѣ споры съ Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ, имѣетъ ли право генералъ Врангель отдавать распоряженія воинскимъ чинамъ, находящимся въ союзахъ и ему „не подчиненнымъ",—получали разрѣшеніе въ ясныхъ словахъ Великаго Князя о томъ, что приказанія Верховнаго Главнокомандующаго будутъ отдаваться и офицерскимъ союзамъ черезъ Главнокомандующаго Арміей.

Вмѣсто разброда и партизанскихъ объединеній, съ подчиненіемъ партійному коллективу, возникла единая

стройная организація, съ привычнымъ воинскимъ укладомъ, возглавляемая непререкаемымъ Вождемъ.

Дальнѣйшія попытки противодѣйствовать этому могли носить уже чисто личный характеръ и теряли всякое принципіальное обоснованіе. То зданіе, которое съ такимъ трудомъ возводилось Главнокомандующимъ и еще съ большимъ трудомъ оберегалось отъ всякихъ покушеній справа и слѣва, было, наконецъ, завершено; и завершено на тѣхъ прочныхъ основаніяхъ, которыя были сбережены Русской Арміей, среди политической борьбы, лишеній и соблазна шедшей своимъ прямымъ, независимымъ путемъ.

КАВАЛЕРІЙСКАЯ ДИВИЗІЯ НА СЛУЖБѢ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖѢ.

(Югославія, 1923 г.).

Въ Штабѣ Дивизіи (слѣва направо: ген.-м. Крейтеръ, сербск. полк. Ристичъ, ген.-л. Барбовичъ, ген. Врангель).

Постъ на о. Корчулѣ.

ГЛАВА VII.

ЦѢНА КРОВИ.

Послѣ катастрофы. Случайные рессурсы. Безвыходное матеріальное положеніе. Исторія Петроградской Ссудной Казны. Русскій Совѣтъ и Ссудная Казна. Юридическія основанія Катаррской операціи. Расходованіе вырученныхъ денегъ. „Цѣна крови“ — и оцѣнка обывателей и враговъ.

Та борьба, которая въ общихъ чертахъ охарактеризована въ предыдущихъ главахъ, неизмѣримо затрудняла изысканіе необходимыхъ для Арміи денежныхъ средствъ.

Финансовое хозяйство Крыма въ періодъ существованія Южно-Русскаго Правительства основывалось на принудительномъ обращеніи бумажныхъ денегъ, въ значительномъ количествѣ печатавшихся въ Ѳедосійской экспедиціи.

Для разсчетовъ съ заграницей Южно-Русское Правительство располагало до извѣстной степени средствами, оставшимися отъ Императорскаго Правительства на заграничныхъ его счетахъ, поскольку эти средства состояли въ вѣдѣніи и распоряженіи россійскихъ посланниковъ и финансовыхъ агентовъ заграницей. Эти рессурсы въ значительной степени были пополнены въ свое время кредитными операціями правительства адмирала Колчака, а затѣмъ за счетъ доходовъ отъ ком-

мерческихъ и налоговыхъ операцій, связанныхъ съ вывозомъ товаровъ изъ Россіи на заграничные рынки.

Съ паденіемъ Крыма это положеніе вещей рѣзко мѣнялось. Основной источникъ снабженія — выпускъ денежныхъ знаковъ — отпадалъ. Оставался только бывшій заграницей валютный фондъ; но вопросъ о распоряженіи этимъ валютнымъ фондомъ вызывалъ рядъ затрудненій.

Если бы послѣ паденія Крыма въ русской эмиграціи сохранялось полное единодушіе, то внѣ зависимости отъ признанія или непризнанія центральной власти со стороны державъ, Главное Командованіе могло бы распоряжаться тѣми рессурсами, каковые находились у различныхъ держателей государственныхъ средствъ и формально являлись ихъ частными средствами. Дѣло сводилось бы только къ выполненію ихъ моральныхъ обязательствъ по отношенію къ фактическому ихъ владѣльцу.

Но, какъ мы видѣли, такого единодушія не было. Съ момента образованія Совѣщанія Пословъ, которое признало себя отвѣтственнымъ за казенныя средства и за порядокъ ихъ опредѣленія, Главное Командованіе лишалось послѣдней финансовой опоры, такъ какъ почти весь валютный фондъ оказался въ рукахъ дипломатическихъ представителей и финансовыхъ агентовъ, подчиненныхъ Совѣщанію Пословъ. Въ непосредственномъ распоряженіи Командованія оставались только суммы и имущество, находящееся въ вѣдѣніи лицъ, сохранившихъ свою лойяльность по отношенію къ Главному Командованію.

Наличныхъ средствъ этой категоріи къ 1 декабря 1920 года, т. е. къ самому острому моменту, непосредственно слѣдовавшему за эвакуаціей, оставалось въ распоряженіи Главнокомандующаго всего около 5.000.000 франковъ.

На плечахъ Главнаго Командованія была цѣлая армія и гражданскіе бѣженцы, т. е. около 130 000 человѣкъ. Надо было спѣшно подыскивать имъ помѣщеніе, предоставлять безплатное или удешевленное питаніе, оказывать врачебную помощь, организовывать санитарный надзоръ, содѣйствовать размѣщенію бѣженцевъ.

Въ частяхъ Арміи, хотя и находившихся на французскомъ пайкѣ, необходимо было дѣлать ассигнованія для улучшенія питанія и на выдачу хотя бы такого минимальнаго содержанія, какъ одна лира на солдата и двѣ лиры на офицера ежемѣсячно. На удовлетвореніе перечисленныхъ выше нуждъ почти за одинъ годъ, съ 1 декабря 1920 г. до 1 января 1922 г. было израсходовано около 12.000.000 франковъ.

Но этимъ не ограничивались расходы Главнаго Командованія.

Послѣ Крымской катастрофы, на казавшуюся трупомъ Русскую Армію, слетѣлись, какъ воронье, кредиторы Правительства Юга Россіи. Каждый хотѣлъ урвать, сколько могъ. Оспаривая политическую преемственную власть генерала Врангеля, въ вопросахъ удовлетворенія своихъ претензій они настолько цѣпко держались за его преемственную отвѣтственность по обязательствамъ, что предъявляли требованія къ уплатѣ и по претензіямъ къ деникинскому Правительству Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

Въ Ликвидаціонную Комиссію, учрежденную въ Константинополѣ для разсмотрѣнія такихъ исковъ, было представлено претензій на сумму до 60.000.000 франковъ. Къ счастью, громадная часть претензій оказалась совершенно необоснованной и по нимъ было выплачено всего 3.000.000 франковъ.

Такимъ образомъ, съ начала эвакуаціи до 1 января 1922 г. было израсходовано около 15.000.000 франковъ.

При наличіи 5 000.000 франковъ въ распоряженіи Главнаго Командованія, необходимо было какъ-то изыскать недостающіе 10.000 000 франковъ, причемъ изыскать въ теченіе одного года. Источники могли быть такіе:

1. Реализація вывезенныхъ товаровъ и иныхъ цѣнностей.

2. Ассигнованіе Совѣщанія Пословъ.

3. Ассигнованіе россійскаго посла въ Вашингтонѣ г. Бахметьева, который, какъ мы видѣли, сохранялъ нѣкоторую финансовую самостоятельность отъ Совѣщанія Пословъ, а также изъ другихъ случайныхъ источниковъ.

Одна реализація вывезенныхъ изъ Крыма товаровъ могла бы покрыть съ избыткомъ всѣ необходимые расходы; но французскія власти захватили это имущество, стоимость котораго, по подсчету Комиссіи Русскаго Совѣта, не считая судовъ, опредѣлялась въ 118 500.000 франковъ *). Надо было принимать поистинѣ героическія усилія, чтобы изыскать средства для поддержанія самыхъ неотложныхъ нуждъ.

Благодаря громадной работѣ Русскаго Совѣта за время съ 1 декабря 1920 г. по 1 января 1922 г. были получены средства изъ слѣдующихъ источниковъ:**)

1. Отъ реализаціи вывезенныхъ товаровъ, принадлежащихъ казнѣ. . . .	5.000.000 фр.
2. Отъ реализаціи различныхъ вывезенныхъ изъ Крыма и Новороссійска цѣнностей.	850 000 „
3. Отъ г. Бахметьева.	2 000.000 „
4. Отъ Совѣщанія Пословъ . . .	1.700.000 „
5. Изъ Лондона за проданные тамъ товары.	850.000 „
Всего.	10.400.000 фр.

Такимъ образомъ, къ 1 января 1922 года, когда почти было закончено разсосредоточеніе Русской Арміи въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова и оставался только незначительный отрядъ въ Галлиполи подъ командой генерала Мартынова, въ кассѣ Главнаго Командованія образовался даже нѣкоторый остатокъ.

---

*) Все имущество, считая и суда, составляло 150.000.000 фр. Такъ какъ стоимость дневного пайка, выдаваемаго французами, опредѣлялась въ 39,96 піастровъ, то есть менѣе 4,50 франка, то, считая, что на ихъ иждивеніи было 60.000 человѣкъ, съ 15 ноября 1920 года по 1 мая 1921 г. было израсходовано 46.000.000 франковъ. Слѣдовательно, за покрытіемъ ихъ расходовъ, къ 1 мая 1921 г. на „русскомъ счету“ оставалось у французовъ свыше 105.000.000 франковъ.

**) Сюда не входитъ 1.000.000 франковъ, высланныхъ черезъ Совѣщаніе Пословъ и переданныхъ кн. Львову, который не дошелъ по назначенію, о чемъ уже упоминалось выше.

Тѣмъ не менѣе матеріальное положеніе Арміи было угрожающее.

Галлиполійскій отрядъ, около двухъ тысячъ человѣкъ, несмотря на рядъ категорическихъ обѣщаній, оставался невывезеннымъ и былъ лишенъ французскаго пайка; при громадной трудности стать всѣмъ на работу на пустынномъ и далекомъ отъ всякой примитивной культуры полуостровѣ,—отряду необходима была матеріальная поддержка. Части въ Сербіи, кромѣ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, которое существовало на суммы, отпущенныя Совѣщаніемъ Пословъ на Русскую Армію, стали, правда, на собственныя ноги: части кавалерійской дивизіи поступили на службу въ пограничную стражу, другія устроились на различныя работы. Но въ это время назрѣвала реформа пограничной стражи и въ связи съ ней намѣчалось массовое увольненіе. Въ Болгаріи части жили на суммы, отпущенныя Совѣщаніемъ Пословъ въ распоряженіе болгарскаго правительства и еще не успѣли перейти на трудовое положеніе; между тѣмъ, гоненія Стамболійскаго не только внесли въ жизнь русскихъ частей значительную дезорганизацію, но окончились наложеніемъ ареста на оставшуюся сумму въ 14.000 000 лева.

Средства изсякали. Не только мужчины, но женщины и дѣти выбрасывались на улицу. Надо было принять рѣшительныя мѣры къ полученію средствъ — и единственнымъ источникомъ ихъ могла теперь явиться только реализація Петроградской Ссудной Казны.

* * *

Исторія Петроградской Ссудной Казны могла бы служить сценаріемъ для кино-ленты.

Въ августѣ 1917 г. вслѣдствіе опасенія занятія столицы нѣмцами было постановлено эвакуировать изъ Петрограда въ спѣшномъ порядкѣ различныя учрежденія и въ томъ числѣ Петроградскую Ссудную Казну.

Распоряженіемъ Временнаго Правительства было объявлено о пріостановленіи операцій Ссудной Казны — и цѣнности были эвакуированы.

Въ первую очередь были вывезены золотые и брилліантовые заклады и наиболѣе дорогіе и негро-

моздкіе предметы; вещи эти были вывезены въ Москву и помѣщены въ кладовыя Московской Ссудной Казны.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣдовало распоряженіе объ отправкѣ серебряныхъ закладовъ, число которыхъ составляло 31.328 мѣстъ. Такой громадный грузъ, для храненія котораго предназначался домъ Городского Общественнаго Банка въ Ейскѣ (Кубанской области), не могъ быть отправленъ одновременно. Первый эшелонъ, заключавшій въ себѣ 700 ящиковъ съ серебряными закладами и 500 ящиковъ съ вкладами, сданными на храненіе, былъ отправленъ въ Ейскъ 15 октября 1917 г.

Остальная часть имущества (свыше 10.000 закладовъ и громадное количество вкладовъ) осталась изъ Петрограда невывезенной вслѣдствіе октябрьскаго переворота.

Въ 1918 г. Ейскъ тоже подпалъ подъ власть большевиковъ, но большевики какъ то не обращали вниманія на Ссудную Казну и только передъ самымъ оставленіемъ города, взятаго генераломъ Покровскимъ, тщетно пробовали вывести ее съ собою.

Такимъ образомъ, Ссудная Казна, или, правильнѣе, незначительная часть Петроградской Ссудной Казны, очутилась въ „станѣ бѣлыхъ".

Кубанское Краевое Правительство и атаманъ Ейскаго Отдѣла, вслѣдствіе угрозы захвата Крыма со стороны нѣмцевъ, занимавшихъ Таганрогъ и побережье Азовскаго моря, предложили перевезти Ссудную Казну въ болѣе спокойное мѣсто — и въ августѣ 1918 г. Ссудная Казна была переведена въ Екатеринодаръ и размѣщена въ амбарахъ мельницы І. Дицмана. Въ декабрѣ 1919 г., во время отступленія Добровольческой Арміи, усилились сепаратистскія стремленія Кубанскаго Правительства, и появились слухи о томъ, что Кубанское Правительство желаетъ завладѣть имуществомъ.

Вслѣдствіе этого директоръ Ссудной Казны обратился съ особымъ представленіемъ въ Управленіе Финансовъ при генералѣ Деникинѣ, прося его о содѣйствіи къ вывозу цѣнностей въ болѣе безопасное мѣсто. Ввиду удобнаго положенія мельницы Дицмана, около желѣзнодорожныхъ путей, удалось произвести безъ

всякой огласки подготовку и самый вывозъ цѣнностей, и 24 января 1920 г. грузъ былъ уже въ Новороссійскѣ. Въ это время получилась копія протокола засѣданія Кубанскаго Правительства, на которомъ было рѣшено изъять цѣнности Ссудной Казны и обратить ихъ путемъ продажи заграницей на нужды фронта. Но Казна была уже за предѣлами досягаемости.

Изъ Новороссійска грузъ поступилъ въ Керчь. Погрузка въ Новороссійскѣ производилась въ спѣшномъ порядкѣ, и были обнаружены попытки мелкихъ хищеній. Въ Керчи грузъ не выгружался и направленъ былъ въ Ѳеодосію, гдѣ до 9 мая Ссудная Казна простояла на транспортѣ. Послѣ этого черезъ Константинополь грузъ былъ направленъ въ Юго-Славію и прибылъ въ Катарро въ іюнѣ 1920 г.

Въ изысканіи средствъ, необходимыхъ на нужды Арміи, Русскій Совѣтъ и рѣшился произвести реализацію Ссудной Казны.

* * *

Въ засѣданіи Русскаго Совѣта 14 октября 1921 г., при обсужденіи вопроса о возможности продажи Ссудной Казны, Н. Н. Львовъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: *)

„Прежде всего—эти цѣнности не довѣрены намъ на храненіе. Онѣ скорѣе всего могутъ быть приравнены къ находкѣ, при которой по закону одна треть принадлежитъ нашедшему. Но это даже и не находка. Имущество отбито Арміей у большевиковъ, похитившихъ его и растратившихъ часть цѣнностей. Какъ извѣстно, Петроградская Ссудная Казна была взята въ Ейскѣ послѣ ряда боевъ и занятія Кубанской Области.

---

*) Рѣчь эта можетъ служить отвѣтомъ на одну статью „Дней“, услужливо перепечатанную г. Милюковымъ. Въ ней выражалось изумленіе при видѣ странной картины: „Князь Долгоруковъ—и расхищенная Ссудная Казна! Н. Н. Львовъ—и скупщики чужого серебра! Люди, готовые на все—и прикрывающіе ихъ своими безупречными именами общественные дѣятели! Неужели же заслуженные и безукоризненнѣйшіе политическіе дѣятели не понимаютъ, что вмѣсто „моральной“—ихъ подводятъ подъ отвѣтственность уголовную“?

Это имущество оплачено кровью. Это больше, чѣмъ находка; это—цѣна крови.

Теперь, когда спасеніе людей зависитъ отъ реализаціи этого имущества, Главнокомандующій не только имѣетъ право, но и обязанъ продать цѣнности, оплаченныя кровью, и на вырученныя деньги обезпечить Армію.

Было бы морально недопустимымъ, если бы изъ соображеній скорѣе формальнаго характера, Армія была бы обречена на лишенія и голодъ, а вещи были бы въ неприкосновенности сохранены въ мѣстахъ ихъ храненія, впредь до появленія извѣстныхъ владѣльцевъ заложеннаго имущества. Человѣческое чувство не можетъ не возмущаться этимъ, и я увѣренъ, что большинство закладчиковъ сами были бы глубоко возмущены такимъ способомъ охраненія ихъ формальныхъ правъ.

Сомнѣнія, которыя возникаютъ нынѣ относительно права продажи цѣнностей Ссудной Казны, напоминаютъ мнѣ недавнее прошлое. Точно такія же сомнѣнія возникали въ Новочеркасскѣ при атаманѣ Калединѣ. Казалось бы, полки оставались безъ теплой одежды и обуви, у атамана Каледина не было средствъ на ихъ содержаніе, а Управляющій Государственнымъ Банкомъ въ Ростовѣ сомнѣвался, можетъ ли онъ выдать 30 милліоновъ рублей, только что внесеннаго въ Казначейство акциза табачными фабрикантами?

Генералъ Алексѣевъ принужденъ былъ писать письма частнымъ благотворителямъ Ростова, прося ихъ дать что-нибудь для юнкеровъ, пріютившихся въ лазаретѣ на Барочной улицѣ, а ростовскіе банки не рѣшались сдѣлать отчисленія на нужды добровольцевъ. Мнѣ самому приходилось хлопотать о полученіи хотя бы небольшихъ суммъ отъ банковъ, и послѣ долгихъ стараній банки рѣшились выдать подъ векселя частныхъ лицъ 300.000 рублей; когда же пришли большевики, тѣ же банки выдали имъ 18 милліоновъ контрибуціи. Вотъ къ чему приводятъ сомнѣнія. Въ бояхъ подъ Кизетеринкой офицеры и юнкера мерзли отъ стужи, раненые оставались безъ перевязокъ и ухода, а банки охраняли свое имущество, одна десятая кото-

раго, выданная во время, могла бы совершенно измѣнить исходъ борьбы съ большевиками.

Колебанія невозможны. Власть, которая колеблется и сомнѣвается,—уже не власть. Когда несешь тяжесть отвѣтственности за исходъ борьбы, колебаться нельзя. Нужна рѣшимость. Борьба не закончилась послѣ ухода изъ Крыма, она продолжается, все та же героическая борьба. Исходъ ея зависитъ прежде всего отъ увѣренности въ самихъ себѣ и рѣшимости.

Нареканія, сомнѣнія, клевета посыпятся со всѣхъ сторонъ. Русскій Совѣтъ смѣло можетъ принять ихъ на себя въ полномъ сознаніи своей правоты и оградить имя Главнокомандующаго Русской Арміи отъ какихъ-либо нападокъ".

Русскій Совѣтъ, къ сожалѣнію, не всталъ всецѣло на сторону Н. Н. Львова. Петроградская Ссудная Казна не была ликвидирована цѣликомъ (что въ то время можно было сдѣлать). Русскій Совѣтъ оставилъ вклады неприкосновенными и постановилъ произвести реализацію только закладовъ, представляющихъ собою просроченные залоги, „съ соблюденіемъ законныхъ интересовъ вкладчиковъ, насколько это представляется возможнымъ по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ переживаемаго времени" *).

* * *

Несомнѣнно, что и въ этихъ исключительныхъ условіяхъ, несмотря на объективную трудность при современной разрухѣ русской власти и русскаго права дать безупречную юридическую конструкцію катаррской операціи, она не лишена была извѣстнаго правового обоснованія.

Прежде всего, конечно, надлежитъ установить ту совокупность правовыхъ нормъ, отъ которыхъ слѣдуетъ отправляться при юридическомъ анализѣ; исходной точкой должна служить совокупность правовыхъ нормъ Временнаго Правительства, дополненная измѣненіями, внесенными властью Главнаго Командованія. Что такая

*) Протоколъ засѣданія подписали: предсѣдательствующій проф. И. Алексинскій, графъ В. Мусинъ Пушкинъ, Н. Савицкій, И. Чумаковъ, В. Лашкевичъ, кн. Павелъ Долгоруковъ, Н. Львовъ, Н. Ростовцевъ и В. Знаменскій.

точка зрѣнія была не только теоретической, но имѣла практическое значеніе, показываетъ примѣръ Консульскаго Суда и Кассаціонной Инстанціи при Россійской Дипломатической Миссіи въ Константинополѣ, дѣйствовавшихъ на основаніи этой предпосылки и выносившихъ рѣшенія, законность которыхъ не оспаривалась и которыя приводились въ исполненіе органами союзной полиціи въ Константинополѣ.

Всякій положительный правопорядокъ обязательно предполагаетъ наличіе нѣкотораго высшаго авторитета, способнаго устанавливать и гарантировать нормы права: при отсутствіи такого авторитета повисла бы въ воздухѣ вся совокупность соотвѣтствующихъ правоотношеній и стало бы просто немыслимымъ сколько нибудь удовлетворительное разрѣшеніе юридическихъ споровъ. Если даже вполнѣ игнорировать „преемственное“ право Главнокомандующаго на власть, то нельзя не признать, что осуществленіе функцій высшей власти иногда навязывалось Главному Командованію силою обстоятельствъ. Такъ, настоятельная необходимость обезпечить отправленіе уголовнаго и гражданскаго правосудія для русскихъ подданныхъ въ Турціи, вынудило Главное Командованіе учредить въ Константинополѣ указанные выше институты, Положеніе о которыхъ было утверждено генераломъ Врангелемъ уже п о с лѣ Крымской эвакуаціи. Кромѣ того Главное Командованіе силою вещей вынуждено было выступать въ роли адресата для извѣстныхъ претензій и распорядителя извѣстныхъ средствъ — и эта роль признавалась за нимъ и иностранными правительствами.

Петроградская Ссудная Казна, попавъ на территорію Крыма, подпадала подъ дѣйствіе существовавшихъ въ Крыму законовъ; вопросы, касающіеся Ссудной Казны и требующіе законодательнаго разрѣшенія, разрѣшались въ Крыму властью Главнокомандующаго, и если вообще мыслимо было послѣ Крымской эвакуаціи юридически квалифицировать положеніе Петроградской Ссудной Казны, то квалификація эта возможна только въ рамкахъ „бѣлаго движенія“ *).

*) Могла быть еще другая точка зрѣнія: дожидаться пришествія „законной русской власти“, которой надлежало „отдать

Выводы эти, казалось бы безспорные, очень осложнялись тѣмъ, что россійской власти, всѣми признанной, не существовало, и что самый актъ продажи имѣлъ мѣсто на чужой территоріи. По общему правилу, государственная территорія почитается „непроницаемой“ для „чужой“ власти. Власть „чужого“ государства можетъ дѣйствовать на данной территоріи лишь съ разрѣшенія власти мѣстной; въ данномъ случаѣ такого „разрѣшенія“ не могло быть уже потому, что Королевство С.Х.С. не признавало власти Главнаго Командованія, какъ власти государственной.

Тутъ приходится базироваться на фактической сторонѣ дѣла.

Ссудная Казна прибыла въ Катарро съ разрѣшенія Королевскаго Правительства, причемъ правительство было освѣдомлено, что эвакуація изъ Крыма производится по приказанію генерала Врангеля и находится въ завѣдываніи его Управленія Финансовъ. Несмотря на отсутствіе слѣдовъ формальнаго и общаго разрѣшенія на размѣщеніе Казны въ Катарро и на возобновленіе ея операцій, было указано мѣсто ея выгрузки и отведено помѣщеніе для храненія цѣнностей. Въ вербальной нотѣ отъ 26 марта 1921 г. Россійская Миссія просила Министерство Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомить Министерство Финансовъ, что компетентныя власти дали свое согласіе на возобновленіе операцій. Наконецъ, вслѣдствіе сношенія финансоваго агента при Россійской Миссіи, Экономическо-Финансовый Комитетъ Министерства Финансовъ вынесъ 16 іюня 1921 г. рѣшеніе, по которому цѣнности Ссудной Казны трактовались, какъ „транзитный товаръ“, т. е. власти усвоили на нихъ взглядъ,

---

отчетъ“; въ предвидѣніи же этого „отчета“ за счетъ казны могъ бы существовать небольшой кадръ лицъ, ее обслуживающихъ. Такая тенденція проводилась, какъ мы знаемъ, многими учрежденіями, была удобна для лицъ „обслуживающихъ“ и не требовала сложныхъ юридическихъ обоснованій.

Была ли такая позиція морально обоснована — другой вопросъ; практически же случалось — какъ это было съ рядомъ нашихъ посольствъ — что „законнымъ правительствомъ“, котораго такъ терпѣливо дожидались, неожиданно являлась совѣтская власть.

какъ на находящіяся за предѣлами таможенной границы Королевства.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Петроградская Ссудная Казна находилась на территоріи Королевства С. Х. С. съ его вѣдома и согласія, что она была фактически и юридически въ распоряженіи Главнаго Командованія и органовъ его управленія, и что производство ею операцій подчинялось не сербскому, но русскому праву. Это давало Главнокомандующему право на частичное измѣненіе Положенія о Ссудной Казнѣ, въ связи со сложившейся обстановкой, и на принятіе мѣръ къ продажѣ просроченныхъ ссудъ.

По положенію о Ссудной Казнѣ былъ установленъ двѣнадцатимѣсячный срокъ неуплаты процентовъ, послѣ чего залогъ продавался. Въ связи съ вывозомъ Казны изъ Петрограда, Времевное Правительство объявило мораторіумъ; но уже въ 1920 г. въ Катарро дѣйствіе мораторіума было прекращено приказомъ Главнокомандующаго и операціи были возобновлены. Въ теченіе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ ликвидація просроченныхъ залоговъ не производилась, и Петроградская Ссудная Казна выдавала вклады и заклады своимъ кліентамъ, пожелавшимъ ихъ выкупить. О возобновленіи операцій было широко оповѣщено во всеобщее свѣдѣніе, и сообшеніе объ этомъ не только было извѣстно внѣ предѣловъ Россіи, но имѣлись доказательства о проникновеніи его и въ совѣтскую Россію. Такимъ образомъ, кліенты Петроградской Казны могли предполагаться освѣдомленными о мѣстѣ ея пребыванія, о возобновленіи ея операцій и о возможныхъ послѣдствіяхъ невыкупа залоговъ.

Помимо юридическихъ соображеній, въ оправданіе продажи просроченныхъ закладовъ Ссудной Казны говорили и соображенія финансоваго порядка.

Петроградская Ссудная Казна по закону должна была покрывать свои расходы изъ своихъ прибылей. Однако, за время своего пребыванія заграницей, считая возвратъ ссудъ, проценты, плату за храненіе и другіе сборы, въ кассу Петроградской Ссудной Казны поступило 250.000 динаръ; расходы же ея съ момента эвакуаціи изъ Новороссійска выразились въ 231.000 ди-

наръ и 6.000 англійскихъ фунтовъ. Такимъ образомъ, Петроградская Ссудная Казна уже давно жила на средства Главнаго Командованія.

Кромѣ этого, задолженность кліентовъ Петроградской Ссудной Казны превысила уже оцѣночную стоимость заложенныхъ вещей. По оцѣнкѣ заклады стоили 2.015.000 руб.; подъ нихъ было выдано ссудъ 1.610.000 рублей и въ серединѣ 1922 г. проценты за ссуды достигли 600.000 рублей. Послѣ производства операцій продажи (продажная стоимость, какъ извѣстно, значительно выше оцѣночной), Главное Командованіе гарантировало возвратъ разницы между продажной цѣной заклада и выданной ссудой съ процентами по день продажи.

Такимъ образомъ, съ Главнаго Командованія снимался тяжелый грузъ содержанія учрежденія, которое становилось какимъ то благотворительнымъ. Съ другой стороны, кліенты Казны, спасенной отъ большевиковъ доблестью русскихъ воиновъ, могли получить деньги, при другихъ условіяхъ потерянныя для нихъ навсегда.

Цѣлый рядъ лицъ оцѣнили такое положеніе. Въ цѣлой серіи благодарственныхъ писемъ, кліенты выражаютъ „глубочайшую признательность за присылку денегъ, выручившую изъ затрудненій“, желаютъ „Арміи барона Врангеля счастливо вернуться на родину“, благодарятъ за „точный разсчетъ за серебро, которое считалось потеряннымъ“.

Одинъ изъ врачей Петрограда, на открытѣ съ совѣтской почтовой маркой и штемпелемъ „Ленинград“ пишетъ, что не находитъ словъ для выраженія своей благодарности. Эти люди, фамиліи которыхъ къ сожалѣнію не могутъ быть оглашены, вслѣдствіе связи ихъ или ихъ родственниковъ съ совѣтской Россіей, оцѣнили въ полной мѣрѣ фактъ спасенія ихъ имущества.

Отъ продажи Катаррскаго серебра было выручено 41.564.831,50 динаръ и въ первую очередь выдѣленъ фондъ для уплаты владѣльцамъ закладовъ. Стоимость заклада, выданная ссуда и причитающаяся разница опредѣлялась въ фунтахъ стерлинговъ и при выдачѣ суммъ обращалось вниманіе на то, чтобы эти суммы

выплачивались дѣйствительнымъ владѣльцамъ закладовъ или ихъ законнымъ правопреемникамъ, но отнюдь не тѣмъ, кто пріобрѣлъ квитанціи на заложенныя вещи при націонализаціи банковъ, сейфовъ и частныхъ квартиръ.

Оставшаяся послѣ этого сумма, вмѣстѣ съ процентами и другими случайными поступленіями, составила „военный фондъ“ въ 36.745.223,65 динаръ, который пошелъ исключительно на нужды Русской Арміи. Прилагаемая таблица даетъ детальную картину распредѣленія этихъ расходовъ:

НАИМЕНОВАНІЕ РАСХОДОВЪ	Расходъ въ динарахъ	%
Содержаніе кадровъ воинскихъ частей:		
а) Личный составъ . .	5.027.727,44	13,7
б) Хозяйств., канцелярск. и командировочн. . .	3.201.736,57	7,6
Пріисканіе работъ, постановка частей на работы и организація собственныхъ работъ	1.689.447,11	4,6
Учебно-воспитат. часть . . .	5.134.993,89	14,1
Духовно-религіозн. нужды .	348.559,25	1,2
Культурно-просвѣт. нужды .	616.474,80	1,9
Санитарная часть	4.688.778,88	12,7
Улучшеніе быта	1.059.822,05	3,0
Выдача пособій семейнымъ, безработнымъ, заболѣвшимъ и пр.	9.517.787,46	25,8
Помощь лагерямъ	1.637.711,00	4,7
Помощь высланнымъ изъ Болгаріи	696.083,20	1,9
Помощь организац.	2.857.845,00	8,0
Финансово-Контр. К-тъ . .	268.257,00	0,8
	36.745.223,65	100,0

Слова Н. Н. Львова о томъ, что „нареканія, сомнѣнія, клевета посыпятся со всѣхъ сторонъ“, блестяще оправдались.

Общественныя организаціи, даже дружественныя Арміи старались сохранять „благожелательный нейтралитетъ“. Справедливость требуетъ признать, что только въ кругахъ Высшаго Монархическаго Совѣта, отношенія котораго къ генералу Врангелю въ это время оста-

вляли желать многаго, операція эта была признана правильной и цѣлесообразной, и въ этомъ отношевіи Н. Е. Марковъ занялъ опредѣленную и твердую позицію.

Въ обывательскихъ же кругахъ началась безсовѣстная агитація. Въ предвидѣніи ея, особенно имѣя въ виду, что вся операція совершается на чужой территоріи, хотя и съ вѣдома центральной власти *), необходимо было соблюдать величайшую осторожность —и то, что могло и должно было быть сдѣлано открыто, обстоятельствами момента вынуждалось заволакиваться покровомъ тайны. Мы знаемъ, претендентовъ на россійское наслѣдство оказалось очень много. Несомнѣнно также, что большевики употребляли все вліяніе для того, чтобы помѣшать операціи. Сербское общественное мнѣніе, легко поддающееся впечатлѣніямъ, могло заставить доброжелательно настроенное правительство къ принятію мѣръ—взять подъ свою опеку „брошенное“ имущество.

Сами агенты Петроградской Казны находились въ колебаніи. Кромѣ генерала Врангеля, существовалъ, вѣдь, еще „центръ“ россійской власти—Совѣщаніе Пословъ, болѣе спокойный и болѣе подходящій къ обстановкѣ. Пока рѣшался вопросъ, къ какому центру примкнуть, создалось психологическое состояніе „въ двойномъ подданствѣ“. Это не содѣйствовало быстротѣ и успѣшности операціи. Къ тому же усвоенный многими взглядъ на вывозенныя государственныя цѣнности, что „сохраненіе“ ихъ на чужбинѣ должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ существованія „охраняющихъ“, — заставлялъ кое-кого задуматься надъ „цѣлесообразностью“ и „законностью“ этой мѣры.

Въ мѣстную колонію проникли слухи и толки. Не лишенъ интереса фактъ, что кое кѣмъ изъ мѣстныхъ бѣженцевъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что если продажа совершится, то въ первую очередь должны быть удовлетворены „катаррскіе“ бѣженцы. Разгорѣлись чисто мѣстные „локальные“ аппетиты. Видъ увозимыхъ цѣнностей былъ настолько нестерпимъ, что

---

*) Первое предложеніе купить серебро было сдѣлано самому сербскому правительству.

даже не имѣвшіе ни вкладовъ, ни закладовъ въ Ссудной Казнѣ чувствовали, что увозятъ ихъ личное достояніе. Въ „конфиденціальной и экстренно срочной“ запискѣ Русскому Комитету въ Бѣлградѣ, посланной — чтобы не перехватили іудеи по пяти адресамъ — нѣкто г. Ножинъ, который вслѣдствіе „недомоганія нервно-переутомленнаго сердца“ не могъ прибыть въ Бѣлградъ и ограничился только упомянутой запиской, рисуетъ таинственную и страшную картину того, что происходитъ въ Катарро. Авторъ пишетъ, что онъ уже неоднократно обращалъ вниманіе видныхъ русскихъ и сербскихъ дѣятелей на то, что Ссудная Казна — это „еврейское гнѣздышко“ — является „совѣтскимъ передаточнымъ пунктомъ“. „Надо командировать полицейскаго съ надежными наручниками“. Факты, указываемые въ запискѣ, всѣ сводятся къ обвиненію въ „скрытомъ іудействѣ“. Самый неоспоримый фактъ преступленій, по заявленію автора, о которомъ онъ говоритъ со священнымъ трепетомъ (который, кажется, никакъ нельзя связать съ „еврействомъ“), состоялъ въ томъ, что къ „возглавляющему Ссудную Казну г-ну Гензелю, позднимъ вечеромъ, когда уже стемнѣло, прибылъ изъ Дубровника на автомобилѣ милостивѣйшій государь, полковникъ Военно-Судебнаго Вѣдомства, хорошо извѣстный одному изъ нашихъ г.г. сенаторовъ, производившему въ Крыму дознаніе по дѣлу г. Батюшина, — военный юристъ Рѣ- или Рязановъ. Прибывшій о чемъ то долго и весьма секретно совѣщался съ Гензелемъ и умчался на автомобилѣ обратно въ Дубровникъ. Рейсъ автомобиля туда и обратно — не менѣе 2000 динаръ“.

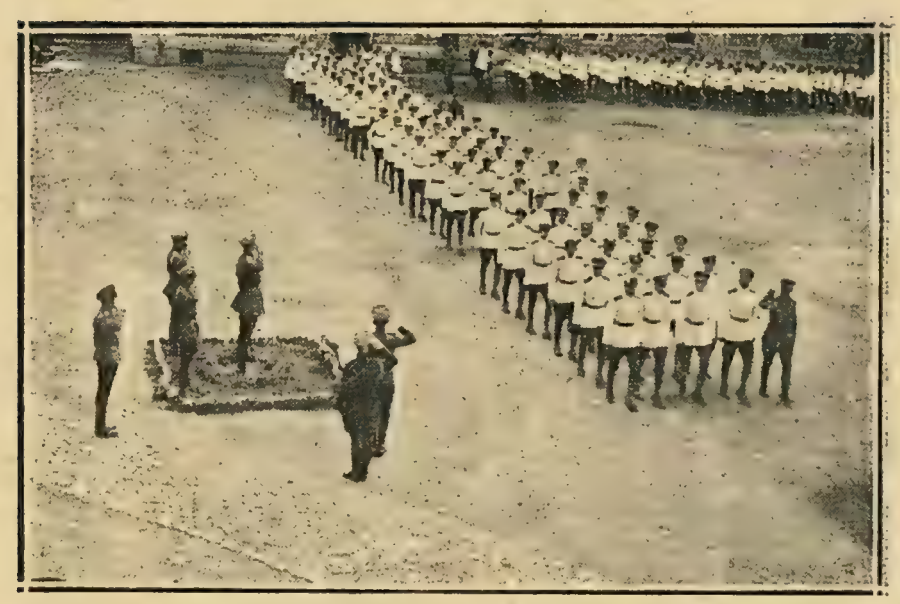
Такъ росли фантастическіе слухи и сплетни.

* * *

Конечно, такое дѣло не могло укрыться отъ зоркихъ глазъ враговъ Арміи.

Въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ отъ 22 іюля 1922 г. подъ крупнымъ заголовкомъ „По примѣру красныхъ“ сообщалось, что „чиновники генерала Врангеля распродаютъ казну“. „Мѣстная русская колонія, — сообщалось далѣе, — чрезвычайно взволнована распродажей

КАДЕТСКІЕ КОРПУСА.



Русскій корпусъ въ Сараево (Югославія).

Морской корпусъ въ Бизертѣ (Тунисъ).

частной собственности. Утверждаютъ, что часть серебра, большое количество серебряной монеты и процентныя бумаги на сотни милліоновъ рублей уже распроданы. Указываютъ, что 5 іюля отправлены 20 большихъ ящиковъ съ содержимымъ Ссудной Казны".

Большевистская смѣновѣховская газета „Накануне" встала на защиту „буржуевъ". Въ статьѣ „Священная собственность" 28 іюля 1922 г. она писала: „Упакована часть имущества, ценностью в несколько десятков миллионов золотых рублей, в двадцать ящиков, увезли их и... продали голландцам, американцам и французам. А деньги — пошли, конечно, „в распоряжение главнокомандующаго". Местная русская колония, среди которых было не мало собственников увозимых ценностей, протестовала, возмущалась, слала телеграммы, но ей сказали: „Цыц! А не то — сами знаете... Здесь вам — не Россия". Так зарабатывают генералы деньги при помощи такого же беззастенчиваго грабежа обывателей, к которому они привыкли во время гражданской войны".

Подъ вліяніемъ агитаціи и жалобъ, сербское правительство взяло катаррскій складъ подъ свою охрану и отвѣтственность; все же задуманная операція была проведена — и въ Казнѣ оставались только вклады и на храненіе, не подлежащіе продажѣ по постановленію Русскаго Совѣта. Но злобная клевета не переставала сопутствовать этому имуществу, купленному „цѣной крови". Передавали о колоссальныхъ суммахъ, вырученныхъ за серебро. Считали, что эти милліарды должны быть розданы „бѣженцамъ".

А въ моменты политическихъ схватокъ вынимали изъ своего арсенала уже забытое „катаррское серебро". Представитель „Блюстителя Престола" Великаго Князя Кирилла Владиміровича, А. Столыпинъ, въ рѣзкой и оскорбительной статьѣ, направленной противъ генерала Врангеля на столбцахъ кирилловской газеты „Вѣра и Вѣрность" вспомнилъ о катаррскомъ серебрѣ уже 1 го октября 1923 г. Въ этой статьѣ онъ писалъ: „...потомъ разыгралась исторія съ серебромъ Ссудной Казны въ Катарро, вызвавшая мѣры пресѣченія со стороны сербскаго правительства и толкуемая различно. Одни одобряютъ поступокъ Врангеля, иные рѣзко осуждаютъ, но

достаточно хотя бы упомянуть тотъ фактъ, что одна крупная политическая организація, принужденная переписываться условными названіями, замѣнила фамилію Врангеля наименованіемъ „Сереброва“ въ своей корреспонденціи, чтобы уяснить, насколько иныя дѣйствія колеблютъ репутацію государственныхъ людей“.

Но больше всего нападали не открыто, а потихоньку, выступая всякій разъ, когда исчерпывались разумные доводы. Доводъ о „катаррскомъ серебрѣ“ билъ на воображеніе, будилъ низкіе инстинкты и казался удобнымъ для политической борьбы.

Такъ „цѣна крови“ котировалась на обывательской биржѣ.

ГЛАВА VIII.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

Первый періодъ жизни Русской Арміи. Союзныя правительства и Русская Армія. Неудачныя попытки французскаго вмѣшательства. Галлиполи и Лемносъ. Мѣры къ разселенію. Попытки распыленія Арміи. Князь Кастаньето въ роли большевистскаго заступника. Переговоры съ Сербіей и Болгаріей. Отъѣздъ Главнокомандующаго изъ Константинополя. „Послѣдніе галлиполійцы".

Едва ли часто создавалось въ міровой исторіи такое сложное положеніе, которое испытывала Русская Армія, очутившись на корабляхъ у Золотого Рога. Та буря, которая выбросила на эти берега Русскую Армію, обрушивалась на нее своимъ девятымъ валомъ.

Тѣ затрудненія, внутренняго характера, которыя описаны въ предыдущихъ главахъ, съ большимъ напряженіемъ силъ преодолѣвались въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. У воротъ Стамбула Армія встрѣтилась съ болѣе сложными, внѣшними затрудненіями; причемъ съ такими затрудненіями, которыя должны были разрѣшиться во что бы то ни стало и разрѣшиться въ самый кратчайшій срокъ.

Положеніе неимовѣрно усложнялось полной непримиримостью взглядовъ союзныхъ правительствъ и Главнаго Командованія Арміи.

Съ паденіемъ Крыма союзныя правительства усвоили взглядъ на окончательную ликвидацію „вооружен-

ной борьбы съ большевиками". Англія восприняла его уже ранѣе, послѣ Новороссійска; Франція дѣлала послѣднюю ставку на Польшу и ради Польши помогала Крымскому Правительству: теперь необходимости въ этомъ не было. Въ сознаніи европейскихъ правительствъ не возникало мысли, что во многомъ происшедшія неудачи объясняются ихъ собственной политикой полумѣръ, а иногда—какъ это было съ арміей Юденича и съ эвакуаціей Одессы—было связано съ прямымъ предательствомъ общему дѣлу. Причину искали то въ „стихійности" большевизма, то въ недостаточности „демократичности" антибольшевистской коалиціи. До сознанія европейскихъ правительствъ не доходила мысль, что, отступивъ разъ передъ „стихійностью", они должны будутъ рано или поздно столкнуться съ этой „стихійностью" у себя дома. О будущемъ не хотѣлось думать. Каждое правительство было озабочено своимъ долголѣтіемъ и не думало о томъ тяжеломъ наслѣдіи, которое могло передаться послѣдующимъ кабинетамъ. Моментъ настоящаго заслонялъ собою перспективы будущаго, и каждый изъ государственныхъ дѣятелей могъ сказать про себя: „Après nous — le déluge"...*)

Конечно, изъ такого міровоззрѣнія вытекало желаніе какъ можно скорѣе развязаться съ воспоминаніями о противобольшевистской борьбѣ. А тѣ, которые немного думали о грядущетъ „déluge" **), стали строить уже новыя перспективы пріобщенія этой „стихійной" силы къ семьѣ европейскихъ націй и обузданія ея обычными методами европейской культуры: прежняя непримиримость психологически отпадала.

Русская Армія оказывалась ненужной — не только для настоящаго, но даже для отдаленнаго будущаго. И не только ненужной, но, пожалуй, вредной. Изъ различныхъ предпосылокъ, руководители иностранной политики приходили къ одному и тому же выводу, что и наши русскіе соціалисты въ компаніи съ г. Милюковымъ: Русскую Армію надо распылить.

---

*) „Послѣ насъ—хоть потопъ".
**) „Потопъ".

Главное Командованіе считало своей обязанностью не только сохраненіе въ полной неприкосновенности Крымскихъ частей, но объединеніе всего зарубежнаго русскаго воинства для одной ясной и опредѣленной цѣли: борьбы съ большевиками. Но для этого въ первую очередь надо было не только сохранить, но еще больше спаять основное ядро, размѣщенное въ лагеряхъ Константинополя, Галлиполи и Лемноса. Въ шифрованной телеграммѣ генерала Врангеля, посланной 10 декабря 1920 г. въ Парижъ на имя П. Б. Струве, Главнокомандующій даетъ инструкцію о направленіи переговоровъ о судьбѣ Арміи. Въ этой телеграммѣ настаивается: 1) чтобы было улучшено ея крайне тяжелое матеріальное положеніе; 2) чтобы былъ сохраненъ фактическій строй Арміи и воинская дисциплина и 3) чтобы Армія и ея Командованіе не были поставлены въ зависимость отъ какой бы то ни было политической или общественной организаціи. „Между Новороссійскомъ и Севастополемъ та разница, — заканчивалась телеграмма, — что намъ удалось вмѣсто безславнаго конца спасти честь Арміи и того дѣла, за которое она дралась. Мы не можемъ и не должны допустить, чтобы насъ теперь не только лишили надежды на будущее, но и развѣнчали наше дѣло и понесенныя Арміей кровавыя жертвы".

Эта разница между Новороссійскомъ и Севастополемъ чувствовалась всѣми. Но тѣмъ не менѣе, потрясенія, перенесенныя во время эвакуаціи, были такъ сильны, неизвѣстность — такъ ужасна, лишенія — такъ непереносимы, — что передъ Командованіемъ ставилась задача не только сохранить физическую жизнь людей, не только спасти воинскую организацію,— но въ этихъ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, въ условіяхъ изгнанія, противодѣйствія великихъ державъ, попустительства и предательства русскихъ людей, — возродить ядро Русской Арміи.

* * *

Тотчасъ же по прибытіи транспортовъ въ Константинополь, 18 ноября 1920 г., начальникъ штаба французскаго Оккупаціоннаго Корпуса, полковникъ Депре,

издалъ приказъ, коимъ предписывалось отправить 10.000 человѣкъ на островъ Лемносъ и 20.000 человѣкъ въ Галлиполи. Исполненіе приказа, минуя Главнокомандующаго, возлагалось на нашего военнаго представителя генерала Черткова, которому предлагалось организовать въ лагеряхъ „русское командованіе" съ подчиненіемъ его французскимъ комендантамъ.

Въ тотъ же день генералъ Врангель сообщилъ командиру французскаго Оккупаціоннаго Корпуса, генералу Шарпи, что вся организація Русской Арміи уже проведена. „Ввиду изложеннаго прошу Васъ приказъ въ части, касающейся организаціи Русской Арміи отмѣнить и предписать вашимъ представителямъ въ вопросахъ организаціи Русской Арміи руководствоваться моимъ приказомъ, обращаясь за выясненіемъ всѣхъ вопросовъ къ назначеннымъ мною начальникамъ, коимъ предоставить всѣ полномочія по организаціи и внутренней жизни войскъ.

Въ противномъ случаѣ я и назначенные мною генералы не можемъ нести отвѣтственности за могущія произойти нежелательныя явленія въ русскихъ войскахъ".

Письмо заканчивалось лаконически и твердо:

„Изъ указанныхъ въ моемъ приказѣ корпусовъ— I-й направляется въ Галлиполи, а Кубанскій — на островъ Лемносъ".

Первая попытка самостоятельно распоряжаться „русскими бѣженцами" потерпѣла неудачу — и распредѣленіе между Галлиполи и Лемносомъ было совершено согласно приказа Главнокомандующаго.

Вторая попытка такого же рода была сдѣлана вскорѣ послѣ этого, 23 декабря 1920 г., новымъ приказомъ полковника Депре. Въ приказѣ этомъ указывалось, что „въ согласіи съ русскимъ командованіемъ (!?)" въ каждомъ лагерѣ учреждается должность „командующаго лагеремъ", каковая обязанность возлагается на французскаго офицера. При этомъ офицерѣ будетъ состоять русскій комендантъ лагеря, который будетъ ему во всѣхъ случаяхъ подчиненъ, каковы бы ни были ихъ чины". Далѣе излагался планъ организаціи „русскихъ лагерей". Русскому коменданту вмѣнялось въ

обязанность организовать отдѣлы: 1) личнаго состава; 2) артиллерійскій (собираніе и содержаніе оружія всякаго рода); 3) инженерный (постройки въ лагерѣ); 4) интендантскій и 5) санитарный.

Такимъ образомъ, не только въ вопросѣ подчиненія, но въ вопросѣ всей организаціи—была сдѣлана новая попытка французовъ—взять иниціативу въ свои руки.

При личномъ свиданіи Главнокомандующаго съ генераломъ Шарпи, послѣдній назвалъ приказъ своего начальника штаба „недоразумѣніемъ" и обѣщалъ, что онъ не будетъ проведенъ въ жизнь.

Между тѣмъ, въ декабрѣ 1920 года командиръ французскаго отряда въ Галлиполи, подполковникъ Томассенъ, обратился съ требованіемъ къ генералу Витковскому, вр. командующему 1-мъ Корпусомъ за болѣзнью генерала Кутепова, сдать оружіе и мотивировалъ это приказомъ Депре о „подчиненіи русскаго коменданта во всѣхъ отношеніяхъ". Генералъ Витковскій, конечно, отказался выполнить это требованіе—и рапортомъ Главнокомандующему просилъ разъяснить: 1) дѣйствительно ли 1-й Корпусъ подчиненъ французскому коменданту и въ какихъ именно отношеніяхъ и 2) надлежитъ ли сдать французамъ оружіе, согласно ихъ требованія.

О характерѣ разъясненія видно изъ дальнѣйшей переписки между начальникомъ штаба Русской Арміи генераломъ Шатиловымъ и полковникомъ Депре. Указавъ, что новый комендантъ Галлиполи, подполковникъ Томасенъ, предъявилъ требованіе безусловнаго ему подчиненія Командира 1-го Корпуса, генералъ Шатиловъ писалъ: „Главнокомандующій приказалъ мнѣ поставить Васъ въ извѣстность, что имъ вмѣстѣ съ симъ посылается разъясненіе вр. Командующему 1-мъ Армейскимъ Корпусомъ генералу Витковскому, а также и прочимъ командирамъ корпусовъ, что въ рѣшеніи принципіальныхъ вопросовъ распоряженіе должно исходить исключительно отъ Главнокомандующаго, почему требованіе подполковника Томасена о сдачѣ оружія въ исполненіе приводиться не должно" *).

*) Два описанныхъ эпизода, насколько мнѣ извѣстно, не отмѣчены въ галлиполійской литературѣ. Между тѣмъ они имѣютъ большое значеніе для пониманія событій.

* * *

Перечитывая эти документы недавняго прошлаго, трудно повѣрить, какъ при всей совокупности тяжелыхъ обстоятельствъ уцѣлѣла Русская Армія. Одинъ неправильный тонъ, одно чуть замѣтное колебаніе могли испортить все дѣло—и закончить эпопею славной борьбы—позоромъ новаго разложенія и дезорганизаціи.

Но тонъ былъ данъ сверху—и этотъ тонъ оказался правильнымъ. Онъ былъ понятенъ—и онъ единственно былъ пріемлемъ; потому что всѣ, дѣйствительно, ощущали, что между „Новороссійскомъ и Севастополемъ"—громадная разница.

Вмѣсто развала и упадка, корпуса Галлиполи и Лемноса не только не разлагались, но духовно расли и укрѣплялись.

Я не буду говорить здѣсь о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытывали лемносцы и о тѣхъ духовныхъ достиженіяхъ, которыми по праву гордятся галлиполійцы; эта эпоха имѣетъ свою, уже достаточно обширную, литературу *). Осторожный и скрытный генералъ Абрамовъ, и желѣзный, волевой „творецъ Галлиполи" генералъ Кутеповъ войдутъ въ исторію этихъ лѣтъ, съ ихъ яркой индивидуальностью, а порою—и съ красивыми легендами, окружающими эти имена.

Моя задача—дать въ этой книгѣ только нѣкоторые штрихи, можетъ быть, доселѣ неизвѣстные, и—потушивъ въ себѣ невольное пристрастіе къ дорогимъ воспоминаніямъ и дорогимъ именамъ,—посмотрѣть на Галлиполи и Лемносъ съ того птичьяго полета, когда

---

*) И. Лукашъ. „Голое поле", Софія, 1922.

М. Критскій. „Сказаніе о галлиполійскомъ сидѣніи", Бѣлградъ, 1922.

„Галлиполи" газета, Бѣлградъ, 1923.

„Живымъ и гордымъ", Бѣлградъ, 1923.

„Русскіе въ Галлиполи" сборникъ, Берлинъ, 1923.

В. Даватцъ и Н. Львовъ. „Русская Армія на чужбинѣ", Бѣлградъ, 1923.

„Вѣстникъ Главнаго Правленія Общества Галлиполійцевъ", Бѣлградъ, 1924—1925.

„Казаки на Лемносѣ" сборникъ, Бѣлградъ, 1924.

А. Ренниковъ. „Галлиполи" пьеса, Софія, 1925.

W. Davatz und N. Lwoff „Russlands letzte Helden", überzetzt von Herzog von Leuchtenberg, München, 1925.

даже высокіе храмы кажутся небольшими хижинами. Но съ этой высоты теряется лабиринтъ улицъ, вырисовывается общій планъ, видны дороги, которыя загораживались строеніями, видны строенія, которыя загораживались деревьями. Съ этой высоты—каждое зданіе получаетъ свое мѣсто, свой смыслъ, свою роль въ общемъ планѣ.

Въ Галлиполи и Лемносъ попалъ голосъ Главнокомандующаго не напрасно. Какъ въ хорошемъ резонаторѣ, отразился онъ въ тысячахъ людей, возбудилъ ихъ духъ, ихъ самодѣятельность, заставилъ повѣрить въ себя, осознать свои силы, обрѣсти великую радость человѣческаго единенія.

И это новое, что зарождалось на Дарданелльскихъ берегахъ, шло обратно, въ Константинополь, къ сердцу Русской Арміи,—и давало Главнокомандующему новыя силы для борьбы.

А борьба была каждый день и каждый часъ.

* * *

Сохраняя всѣми способами Русскую Армію отъ распыленія, протестуя противъ перевозки отдѣльныхъ людей, безъ плана и подготовки, на неизвѣстныя условія жизни въ Бразиліи, оберегая противъ агитаціи „возвращенцевъ“,—Главнокомандующій уже въ декабрѣ 1920 г. ясно видѣлъ необходимость разселенія Арміи по различнымъ странамъ и началъ соотвѣтственные переговоры.

Въ первую очередь стояли, конечно, славянскія страны: Королевство С. Х. С. и Царство Болгарское. Но было совершенно несомнѣнно, что разселеніе по этимъ странамъ встрѣтитъ очень большія препятствія. И въ Болгаріи и, главнымъ образомъ, въ Сербіи, было разселено уже достаточное число гражданскихъ бѣженцевъ, предшествовавшихъ эвакуаціи. Поэтому переговоры о размѣщеніи частей велись также съ Чехословакіей, Греціей, Венгріей — и даже самыя незначительныя возможности не были упущены изъ вида. Съ японскимъ военнымъ представителемъ, маіоромъ Такахаси-Санъ, велись переговоры объ отправкѣ уроженцевъ Сибири на Дальній Востокъ въ распоря-

женіе Дальневосточнаго Правительства. Съ согласія старшинъ кумыковъ, кабардинцевъ и осетинъ (которыхъ насчитывалось въ нашихъ лагеряхъ до 500 человѣкъ) было возбуждено въ декабрѣ 1920 г. ходатайство передъ Правительствомъ Грузіи о возвращеніи ихъ на родину. Были попытки устроить нѣкоторое количество инвалидовъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Но всѣ эти переговоры не противорѣчили главной цѣли—сохраненію Арміи.

Переговоры съ Греціей и Чехословакіей не дали должныхъ результатовъ. Россійскій посланникъ въ Аѳинахъ г. Демидовъ телеграфировалъ, что несмотря на сочувствіе Короля Эллиновъ, едва ли можно разсчитывать на удовлетворительные результаты, вслѣдствіе начавшейся войны съ кемалистами. Въ Чехословакіи, несмотря на благопріятное общественное мнѣніе и горячую поддержку вѣрнаго друга русскихъ К. П. Крамаржа, вопросъ — какъ, впрочемъ, и повсюду — встрѣтилъ большія осложненія вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующихъ кредитовъ. Отправка на Дальній Востокъ отпадала, такъ какъ Японія, въ принципѣ отнесясь благопріятно, дала понять, что это можетъ быть осуществлено только общими усиліями великихъ державъ, а 17 іюня 1921 г. верховный комиссаръ Японіи Ушида уже оффиціально, въ любезныхъ дипломатическихъ выраженіяхъ, сообщалъ объ отказѣ отъ транспортированія намѣченной партіи въ 4.000 человѣкъ.

Оставалась одна надежда – на Сербію, Болгарію и Венгрію.

Между тѣмъ положеніе русскихъ частей становилось трагическимъ.

* * *

Въ началѣ 1921 г. премьеръ-министръ Франціи заявилъ о прекращеніи финансовой и матеріальной помощи Арміи съ 1 февраля 1921 г.

Послѣ цѣлаго ряда принятыхъ мѣръ со стороны Главнаго Командованія, командующій Оккупаціоннымъ Корпусомъ генералъ Шарпи увѣдомилъ оффиціально, что „французское правительство не намѣрено оставлять на произволъ судьбы русскихъ бѣженцевъ“.

Но въ серединѣ марта верховный комиссаръ Франціи генералъ Пелле сообщилъ Главнокомандующему, что согласно полученнымъ изъ Парижа распоряженіямъ, довольствіе Арміи прекращается съ 1 апрѣля; поэтому чинамъ Арміи необходимо притти къ одному изъ трехъ рѣшеній: 1) выѣхать въ совѣтскую Россію; 2) эмигрировать въ Бразилію; 3) искать себѣ частнаго заработка.

Главнокомандующій отвѣтилъ, что онъ не можетъ рекомендовать ѣхать въ совѣтскую Россію на вѣрную смерть, или въ Бразилію—на полную неизвѣстность.

Тогда началась та постыдная страница франко-русскихъ отношеній, когда—изъ желанія снять лишнихъ людей съ отпускаемаго пайка—мѣстные агенты французской власти повели открытую агитацію противъ русскаго командованія и уговорами и угрозами пробовали привести приказъ въ исполненіе.

Въ Галлиполи, переживавшее въ это время расцвѣтъ своихъ духовныхъ силъ, приказъ этотъ не отразился совсѣмъ: его просто игнорировали. На Лемносѣ это привело къ цѣлому ряду трагическихъ сценъ, вплоть до насильственной отправки группы казаковъ въ совѣтскую Россію *).

Въ негодующемъ письмѣ по этому поводу на имя генерала Пелле, генералъ Врангель говорилъ: „Не только для солдатъ, но даже для рядового офицерства истинная роль Франціи въ истекшей великой борьбѣ не будетъ столь ясной, какъ жгучее чувство негодованія и обиды при видѣ жестокой расправы послѣднихъ дней".

Обращаясь къ маршаламъ Франціи, генералъ Врангель указывалъ, что имъ дѣлается все возможное, чтобы снять съ Франціи финансовое бремя содержанія Рус-

*) Среди множества доказательствъ печальной участи казаковъ, отправленныхъ въ совѣтскую Россію, приведемъ надпись, обнаруженную на пароходѣ „Решидъ-Паша" при перевозкѣ частей изъ Галлиполи въ Болгарію. Надпись эта. вырѣзанная въ нижнемъ трюмѣ, гласила:

„Товарищи Мы приехали в Одес 3500 казаков и своих было 500 растрелено Аснальных по тюрьмам и по военым лагер И на принудительн работы Я козак Мороз ст 11 Гнутов со мною не знаю что будет".

ской Арміи. „Усилія наши далеко не безплодны. Изъ 150.000 ртовъ, прибывшихъ изъ Крыма, уже теперь осталось меньше половины — около 60.000 человѣкъ". Но мѣропріятія послѣднихъ дней оскорбительны для чувства русскаго солдата; агенты французской власти пренебрегли „узами крови, коими скрѣплены народныя арміи двухъ великихъ націй, начиная съ Марны и Восточной Пруссіи, продолжая Соммой и Брусиловскимъ наступленіемъ и кончая самоотверженной гибелью русскихъ офицеровъ, почти однихъ отважившихся на „революціонное" выступленіе 1917 г.".

Широкая волна негодованія, отразившаяся даже во французской печати, спасла на этотъ разъ Армію отъ уничтоженія. Россійскій посолъ въ Парижѣ В. А. Маклаковъ, въ полномъ согласіи съ Совѣщаніемъ Пословъ, предпринялъ энергичные шаги въ Парижѣ. Г. Перретти, вѣдающій русскими дѣлами въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, заявилъ, что примѣненіе мѣръ къ распыленію не требуетъ немедленнаго и буквальнаго исполненія. Но каждую минуту острота положенія могла вновь усилиться. Упрекая генерала Врангеля въ томъ, что онъ противодѣйствуетъ разселенію войскъ, генералъ Пелле писалъ 1 апрѣля 1921 г.: „Въ послѣдній разъ, генералъ, я обращаюсь къ Вашему уму и испытанному характеру, чтобы Вы выяснили для тѣхъ, кто послѣдовалъ за Вами, всю печальную дѣйствительность въ ея настоящемъ видѣ. Безъ этой помощи, мнѣ кажется, невозможно предотвратить отъ катастрофы 60.000 солдатъ, остающихся въ Галлиполи и на Лемносѣ, которая имъ угрожаетъ со дня на день и отвѣтственность за которую они впослѣдствіи могутъ поставить Вамъ въ вину".

Вслѣдъ за угрозой начался новый походъ на Армію. Французское правительство не остановилось передъ дальнѣйшимъ ея разложеніемъ. Агентство Гаваса опубликовало 17 апрѣля 1921 г. сообщеніе, въ которомъ обвиняло генерала Врангеля въ томъ, что „онъ противится всѣмъ мѣрамъ, которыя принимаютъ французскія военныя власти, чтобы положить предѣлъ расходамъ, взятымъ на себя Правительствомъ Республики изъ чувства гуманности", для чего „производитъ постоянное

давленіе на своихъ бывшихъ солдатъ". „Французское Правительство твердо рѣшило въ согласіи съ державами, что эти эвакуированные болѣе не представляютъ арміи". „Ввиду образа дѣйствій, принятаго генераломъ Врангелемъ и его штабомъ, наши международныя взаимоотношенія заставляютъ насъ вывести эвакуированныхъ изъ Крыма изъ подчиненія его власти, не одобряемой, впрочемъ, всѣми серьезными и здравомыслящими русскими кругами" *). „Необходимо прекратить его общеніе съ солдатами".

Препровождая это communiqué **), верховный комиссаръ Франціи писалъ: „Позвольте мнѣ прибавить, что телеграмма эта въ точности отражаетъ мысли и намѣренія Правительства Республики, касающіяся рѣшенія въ ближайшее время уничтожить существующую организацію бѣженцевъ, разселенныхъ въ окрестностяхъ Константинополя".

Были получены тревожныя свѣдѣнія о рѣшеніи ареста Главнокомандующаго. Опасаясь быть арестованнымъ на яхтѣ „Лукуллъ", генералъ Врангель съ дивизіономъ своего конвоя спѣшно переѣхалъ въ зданіе Россійскаго Посольства въ Константинополѣ.

Передъ рискомъ вызвать кровопролитіе, которое сейчасъ же отразилось бы на выступленіи 1-го Корпуса въ Галлиполи, французы остановились въ нерѣшительности.

Создавалось тревожное состояніе неустойчиваго равновѣсія.

* * *

Въ то время, какъ французское правительство почти оффиціально обвиняло Главное Командованіе въ сопротивленіи мѣрамъ, чтобы „положить предѣлъ расходамъ", русскій военный представитель въ Венгріи велъ энергичные переговоры съ венгерскимъ правительствомъ. Послѣ длительной трехмѣсячной подготовки, полковникъ фонъ-Лампе обратился 1 апрѣля 1921 г.

---

*) Мы уже упоминали, что на это рѣшеніе французскаго правительства оказалъ вліяніе П. Н. Милюковъ въ качествѣ представителя этихъ „серьезныхъ и здравомыслящихъ круговъ".

**) Оффиціальное сообщеніе.

съ оффиціальной просьбой принять часть военныхъ контингентовъ.

Учитывая значеніе голоса представителей Антанты, полковникъ фонъ-Лампе частнымъ образомъ бесѣдовалъ съ верховными комиссарами въ Будапештѣ. Верховный Комиссаръ Франціи, г. Фуше, обѣщалъ сохранять въ этомъ дѣлѣ „нейтралитетъ“. Въ томъ же смыслѣ,— что это вопросъ исключительно венгерскаго правительства,— высказался верховный комиссаръ Англіи, г. Джонсонъ. Верховный комиссаръ Италіи, князь Кастаньето, отвѣтилъ, что вопросъ этотъ — сложный, что самъ онъ рѣшить его не можетъ, и что донесетъ своему правительству.

На просьбу о размѣщеніи нашихъ контингентовъ, Королевскій Венгерскій Министръ Государственной Обороны, г. Беличка, запросилъ 9 апрѣля Междусоюзническую Военную Миссію, которая только 19 апрѣля сообщила, что „дѣло это касается вопросовъ общей политики“, „не можетъ быть рѣшено компетенціей военныхъ миссій“ и должно быть передано Конференціи Дипломатическихъ Представителей Союзныхъ Державъ.

Конференція не торопилась съ отвѣтомъ.

Министръ Обороны г. Беличка, видимо самъ съ нетерпѣніемъ ожидавшій отвѣта, сообщилъ полковнику Лампе 6 іюля 1921 г., что „unbeschadet der Sympatien, die wir, ein kaum von der bolschewistischen Gefahr befreites Volk, den Mitgliedern der Armée des Gen. Wrangel entgegenbringen“*), рѣшить этотъ вопросъ, „вслѣдствіе Тріанонскаго мирнаго договора“, возможно только послѣ ознакомленія со взглядомъ союзныхъ державъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ венгерскаго правительства, по примѣру Министра Государственной Обороны, подтвердилъ о полной готовности Венгріи принять часть Арміи. Все зависѣло теперь отъ согласія представителей Антанты.

Конференція представителей Антанты вынесла по этому дѣлу рѣшеніе 21 іюня; но постановленіе это было сообщено венгерскому Министру Государственной Обо-

*) „Не взирая на симпатіи, съ которыми мы, какъ едва освободившійся отъ большевистской опасности народъ, идемъ навстрѣчу чинамъ Арміи генерала Врангеля“.

роны почти черезъ мѣсяцъ — 19 іюля. Постановленіе это подписано верховнымъ комиссаромъ Италіи, княземъ Кастаньето, и настолько чудовищно по своему содержанію, что я считаю необходимымъ привести его текстуально.

Бумага эта гласитъ: *)

Conférence des Représentants
Diplomatiques
Des Principales Puissances Alliées
à Budapest.

La Conférence des Représentants Diplomatiques vient de recevoir communication par voie de la Mission Militaire Interalliée d'une note en date du 9. Avril 1921. dans laquelle le Ministre Hongrois de la Défe se Nationale lui a transmis copie d'une lettre du Colonel Von der Lampe qui demande une asile en Hongrie pour 36 000 hommes et 12.000 officiers refugiés de l'Armée Wrangel. Les Haut-Commissa res des Principales Puissances Alliées se bornent à faire remarquer au Gouvernem nt Hongrois que malgré la grande désirabilité qui existe à ce que les effectifs indiqués soient dissipés dans le plus bref délai possible ils croient bien d'indiquer au Gouvernement Hongrois que l'infiltration sur territoire hongrois de ces élements et l'acceptation complète de la demande du Colonel Von der Lampe pourrait précipiter des esordres et faciliter des intrigues antibolchewistes contraires aux vrais intérêts de la Hongrie et du monde civilisé.

CASTAGNETO
president.

Budapest
le 21 juin 1921.

---

*) Конференція Дипломатическихъ
Представителей
Главнѣйшихъ Союзныхъ Державъ
въ Будапештѣ.

Конференція Дипломатическихъ Представителей получила черезъ Междусоюзную Миссію ноту отъ 9 апрѣля 1921 г., въ которой Венгерскій Министръ Государственной Обороны передалъ ей копію отношенія полковника фонъ-Лампе, въ которомъ онъ испрашиваетъ въ Венгріи убѣжища для 36.000 солдатъ и 12.000 офицеровъ бѣженцевъ арміи Врангеля. Верховные Комиссары Главнѣйшихъ Союзныхъ Державъ ограничиваются тѣмъ, что обращаютъ вниманіе Венгерскаго

Отвѣтъ князя Кастаньето, какъ мы видимъ, не только почти парализовалъ ту помощь, которую мы могли получить отъ Венгріи; въ трагическихъ условіяхъ чуть ли не голодной смерти для недавнихъ союзниковъ, онъ не только прозвучалъ величайшимъ равнодушіемъ и неблагодарностью; въ мотивировкѣ его, препровожденной министру страны, только что пережившей звѣрства Бела Куна, представитель Антанты счелъ возможнымъ цинично говорить объ „антибольшевистскихъ интригахъ, противныхъ истиннымъ интересамъ Венгріи и всего цивилизованнаго міра“...

* * *

Послѣдняя надежда была, конечно, на славянскія страны на Балканахъ. Генералъ Шатиловъ, А. С. Хрипуновъ и Н. Н. Львовъ спѣшно выѣхали въ столицы Сербіи и Болгаріи хлопотать о срочной помощи. Прибывъ въ Бѣлградъ, генералъ Шатиловъ представился 13 апрѣля Н. Пашичу и вручилъ ему письмо генерала Врангеля для Престолонаслѣдника Александра, Регента Королевства. Королевичъ Александръ принялъ генерала Шатилова въ милостивой аудіенціи. Но передъ правительствомъ самимъ стоялъ вопросъ: что реальное оно можетъ оказать?

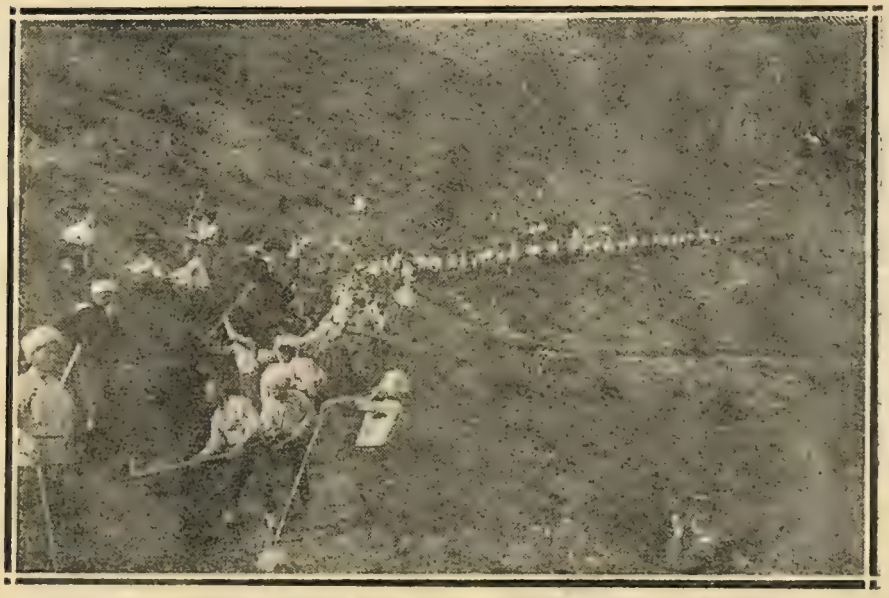
Моментъ былъ чрезвычайно тяжелый. Экономическія раны отъ Великой Войны были еще свѣжи. Финансы были разстроены. Бѣлградъ еще былъ въ развалинахъ. Вокзалы стояли обугленными—и подвижного состава, съ выбитыми дверями и стеклами, не хватало для самыхъ минимальныхъ потребностей. Къ тому же

Правительства, что несмотря на большую желательность, чтобы указанные контингенты были разсосредоточены въ кратчайшее по возможности время, они считаютъ безусловно необходимымъ указать Венгерскому Правительству, что внѣдреніе этихъ элементовъ на венгерской территоріи и принятіе въ полной мѣрѣ ходатайства фонъ Лампе могло бы ускорить безопрдяки и облегчить антибольшевистскія интриги, противныя истиннымъ интересамъ Венгріи и всего цивилизованнаго міра.

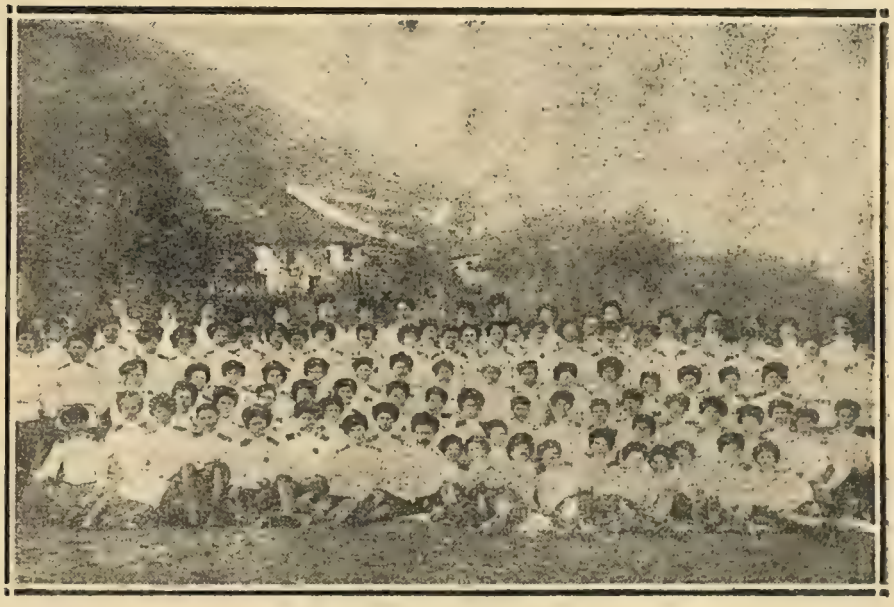
КАСТАНЬЕТО, предсѣдатель.

Будапештъ, 21 іюня 1921 г.

КУБАНСКАЯ ДИВИЗІЯ
НА ПОСТРОЙКѢ „РУССКАГО ПУТИ"
(Югославія 1923 г.)



На работѣ.



На отдыхѣ.

Сербія была уже наводнена русскими бѣженцами — и удвоить ихъ число было почти не подъ силу.

Внѣшнее политическое положеніе было тоже неблагопріятнымъ для постановки вопроса о принятіи Арміи. Правда, Сербія была доблестнымъ членомъ союза державъ-побѣдительницъ; но Адріатическое море — это яблоко раздора между Сербіей и Италіей — заставляло итальянцевъ чутко прислушиваться ко всѣмъ деталямъ размѣщенія нашихъ контингентовъ. Возможность размѣщенія ихъ на Далматинскомъ побережьѣ уже вызвала у итальянскаго посланника нѣкоторое безпокойство.

Внутреннее положеніе тоже было неблагопріятно. Пріѣздъ генерала Шатилова въ Бѣлградъ совпалъ съ окончаніемъ разработки основныхъ законовъ и началомъ засѣданій Учредительнаго Собранія. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предстояло отвѣчать передъ парламентомъ на запросъ коммунистовъ по поводу принятыхъ правительствомъ энергичныхъ мѣръ, не предусмотрѣнныхъ закономъ: отъ результата голосованія зависѣла участь кабинета. Смерть Военнаго Министра Іовановича и покушеніе на жизнь замѣстителя его, Министра Внутреннихъ Дѣлъ Драшковича — отодвигали на второй планъ вопросъ о спѣшной переброскѣ частей.

Къ самому вопросу о принятіи войскъ для разселенія въ Сербіи существовало нѣкоторое недовѣріе. Во первыхъ, правительство Королевства могло принять ихъ не на свое иждивеніе, но какъ рабочую и — отчасти — военную силу: на постройки дорогъ и на пограничную стражу. Надо было получить гарантіи, что хотя на первое время, части Арміи будутъ обезпечены собственными рессурсами: денежный вопросъ всталъ во всей своей полнотѣ. Во вторыхъ, — способность русскихъ контингентовъ, въ которыхъ прежде всего видѣли „аристократовъ“ и „бѣлоручекъ“, была для сербскихъ властей подъ большимъ сомнѣніемъ. Министръ Путей Сообщенія не довѣрялъ искусству нашихъ солдатъ и казаковъ и почему-то сомнѣвался въ способности даже военно-техническихъ спеціалистовъ. Военный Министръ колебался въ рѣшеніи принять наши части на пограничную стражу: его смущала мысль о возможности

проникновенія черезъ ея ряды большевистскихъ агентовъ.

Можно смѣло сказать, что благопріятному рѣшенію вопроса мы обязаны исключительно доброй волѣ и желанію Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. Пашича. Но все изложенное выше показываетъ, съ какимъ трудомъ разрѣшался этотъ жизненный для Арміи вопросъ.

Очень крупную роль въ дѣлѣ переговоровъ сыгралъ россійскій посланникъ въ Бѣлградѣ В. Н. Штрандтманъ.Въ самыя тяжелыя минуты для сербскаго Королевства, въ моментъ наступленія австро-германской арміи, онъ являлся представителемъ Россійской Имперіи: конечно, онъ долженъ былъ пользоваться большимъ вліяніемъ. Теперь, когда трагическія минуты жизни Арміи какъ-то стерли противорѣчія между Главнымъ Командованіемъ и Совѣщаніемъ Пословъ,—В. Н. Штрандтманъ могъ оказывать дѣйствительную помощь, не вступая въ коллизію съ Парижемъ.

Общими усиліями,— обращеніемъ Русскаго Совѣта, Главнокомандующаго, общественныхъ организацій, телеграммами россійскаго посла въ Константинополѣ А. А. Нератова, оказавшаго неоцѣнимыя услуги Русской Арміи, — были получены необходимыя средства отъ Совѣщанія Пословъ. Съ полученіемъ ихъ создавалась нѣкоторая база для переговоровъ.

Тѣмъ не менѣе, они шли туго. Въ самомъ началѣ, 13 апрѣля, говорилось о 5.000 человѣкъ на шоссейныя работы, 5.000 человѣкъ на пограничную стражу и, предположительно, о 2.000 человѣкъ на службу на желѣзныхъ дорогахъ; къ 26 апрѣля—былъ вопросъ всего о 4.000 рабочихъ въ районъ Скоплье. На слѣдующій день Министерство Общественныхъ Работъ гарантировало всего пріемъ 3.500 человѣкъ, и только въ серединѣ мая была установлена возможность поставить на работы до 5.000 человѣкъ. Вопросъ о пограничной стражѣ сперва былъ рѣшенъ отрицательно, и только 21 іюня В. Н. Штрандтманъ телеграфировалъ о благополучномъ его разрѣшеніи.

Между тѣмъ событія требовали спѣшнаго выѣзда, или хотя бы начала его. Греческое правительство дало пропускъ и безплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ

отъ Салоникъ до пограничной станціи Гевгели. Россійскій посланникъ телеграфировалъ о настоятельной необходимости везти съ собой палатки и кухни, ибо никакихъ способовъ размѣстить людей въ Македоніи на первыхъ порахъ не было. Спѣшныя приготовленія были сдѣланы. Оставалось привести разработанный планъ въ исполненіе.

* * *

Въ самый послѣдній моментъ возникъ новый и совершенно непредвидѣнный конфликтъ съ французскимъ командованіемъ изъ-за плана реэвакуаціи и его общаго характера.

Главнокомандующій считалъ необходимымъ въ первую очередь разгрузить Лемносъ. Помимо того, что казаки на Лемносѣ терпѣли особенно острыя лишенія, и скорѣе вывезти ихъ изъ этой „водяной тюрьмы" представлялось наиболѣе справедливымъ, Главнокомандующій учитывалъ тѣ возраженія и колебанія, которыя высказывали сербскіе министры, давая согласіе на постановку людей на работы: казаки, по самому складу ихъ жизни и быта, казались болѣе подходящимъ элементомъ для тяжелыхъ физическихъ работъ, тѣмъ болѣе, что въ казачьихъ частяхъ былъ ничтожный процентъ офицеровъ въ сравненіи съ процентомъ офицеровъ въ 1-мъ Армейскомъ Корпусѣ.

Французы, наоборотъ, требовали въ первую очередь разгрузки Галлиполи. Несомнѣнно, въ этомъ лежала глубокая политическая и стратегическая причина. Какъ только 1-й Корпусъ, совершенно возстановившій старую дисциплину и традиціи Арміи, безконечно преданный своему командиру генералу Кутепову, уходилъ съ Галлиполійскаго полуострова, — въ тотъ моментъ Главное Командованіе теряло могучую физическую поддержку: штабъ Арміи въ Константинополѣ оставался предоставленнымъ самому себѣ.

По вопросу о характерѣ самой эвакуаціи возникла вновь рѣзкая переписка между верховнымъ комиссаромъ Франціи и Главнокомандующимъ Русской Арміей. Напомнивъ, что „всѣ русскіе, еще живущіе въ лагеряхъ, должны знать, что армія генерала Врангеля боль-

ше не существуетъ и что ихъ бывшіе начальники не имѣютъ больше права отдавать имъ какія-либо приказанія", генералъ Пелле писалъ генералу Врангелю: „Я заключаю изъ Вашихъ словъ, что контингенты должны перевозиться въ Сербію съ палатками, походными кухнями, госпитальнымъ и хозяйственнымъ имуществомъ. Я позволю себѣ напомнить, что сербское правительство до сихъ поръ всегда подчеркивало свое намѣреніе оказать пріютъ бѣженцамъ, а не арміи. Важность этого различія съ международной точки зрѣнія не можетъ отъ Васъ ускользнуть. Поэтому я считалъ бы недопустимымъ, чтобы имущество, которое возьмутъ бѣженцы, носило характеръ военнаго груза".

Генералъ Врангель отвѣтилъ письмомъ 16 мая 1921 г.: „Желаніе французскаго правительства, чтобы „арміи генерала Врангеля" не существовало и чтобы „русскіе въ лагеряхъ" не выполняли приказаній своихъ начальниковъ, несомнѣнно раздѣляемое Вашимъ Превосходительствомъ, отнюдь не можетъ быть обязательнымъ для „русскихъ въ лагеряхъ", и пока „лагери" существуютъ, русскіе офицеры и солдаты едва ли согласятся въ угоду французскому правительству измѣнить своимъ знаменамъ и своимъ начальникамъ".

Указавъ на мѣры, предпринятыя имъ по разсосредоточенію Арміи, генералъ Врангель писалъ:

„Что касается принятія мною самостоятельныхъ рѣшеній, чему, по Вашему заявленію, Вы намѣрены воспротивиться, то я, къ глубокому сожалѣнію, вынужденъ право это все же оставить за собою.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться на вопросѣ о снабженіи отправляемыхъ въ Сербію людей. Вполнѣ раздѣляя Ваши соображенія о необходимости избѣгать всякаго намека на военный характеръ матеріальной части отправляемыхъ партій, я все же полагаю, что кровь и пища одинаково необходимы и солдату, и рабочему".

Рѣзкій обмѣнъ письмами и цѣлый рядъ дипломатическихъ шаговъ и на этотъ разъ заставили французовъ уступить. Армія начала грузиться по плану, разработанному штабомъ Главнокомандующаго, со своимъ

необходимымъ имуществомъ — и въ первую очередь былъ разгруженъ Лемносъ.

* * *

Въ самый разгаръ французскаго давленія, цѣлый рядъ русскихъ общественныхъ организацій во главѣ съ предсѣдателемъ Совѣта Общества Единенія Русскихъ въ Болгаріи г. Молловымъ, обратился къ Министру Предсѣдателю Болгарскаго Правительства г. Стамболійскому съ горячимъ воззваніемъ.

Изложивъ то безвыходное положеніе, въ какое попала Армія, авторы воззванія писали:

„Нижепоименованныя русскія общественныя организаціи въ Болгаріи не освѣдомлены въ точности о намѣреніяхъ генерала Врангеля. Но они знаютъ объ истинномъ отношеніи болгарскаго народа къ русскимъ. Организаціи эти твердо вѣрятъ, что русскій воинъ — не чужеземецъ для болгарскаго крестьянина, а свой братъ—славянинъ. Онѣ убѣждены, что нѣтъ дома болгарскаго селянина, гдѣ не нашлось бы мѣста русскому солдату". „Русскія общественныя организаціи почитаютъ себя вправѣ ожидать, что болгары, чтущіе прошлое, протянутъ руку помощи оказавшимся въ тягостнѣйшихъ условіяхъ русскимъ". На основаніи этого, русскія организаціи просили срочно поставить въ Совѣтѣ Министровъ вопросъ „о пріемѣ и размѣщеніи въ сельскихъ мѣстностяхъ Болгаріи части Арміи генерала Врангеля".

Генералъ Шатиловъ, послѣ своихъ переговоровъ въ Бѣлградѣ, направился въ Софію, гдѣ ему было оказано горячее содѣйствіе россійскимъ посланникомъ въ Болгаріи А. М. Петряевымъ. Въ запискѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, поданной 21 апрѣля, генералъ Шатиловъ, ссылаясь на благопріятные результаты въ Сербіи, просилъ г. Стамболійскаго „отъ имени Русской Арміи, отцы которой обагрили своей кровью поля Болгаріи за освобожденіе отъ ея поработителей", принять сейчасъ же 7.000 казаковъ, томящихся на Лемносѣ.

Какъ и въ Венгріи, вопросъ этотъ въ Болгаріи зависѣлъ отъ взгляда державъ-побѣдительницъ. Но въ

Софіи, вмѣсто противодѣйствія, онъ встрѣтилъ горячее содѣйствіе французскаго посланника г. Пико. Затрудненія были главнымъ образомъ финансоваго свойства. Интересно, что характеризуя общее положеніе въ Софіи, г. Петряевъ писалъ: „Ассигновать особые кредиты на это дѣло болгарское правительство не можетъ безъ согласія Союзной Финансово-Контрольной Комиссіи, со стороны которой, ввиду присутствія въ ней англичанъ, несомнѣнно встрѣтятся затрудненія".

Вопросъ объ использованіи для этой цѣли болгарскаго государственнаго долга Россіи былъ явно безнадежнымъ. Министерство финансовъ было склонно считать его совершенно исчерпаннымъ расходами на содержаніе нашихъ военно-плѣнныхъ и отправку матеріаловъ на Югъ Россіи*). Передъ Командованіемъ всталъ снова вопросъ объ изысканіи денежныхъ средствъ.

Тѣмъ не менѣе, 2 мая Болгрsuperское правительство дало разрѣшеніе на пріемъ 1.000 человѣкъ и 10 мая увеличило это количество до 2.000 человѣкъ, которые принимались на работы. Однако, несмотря на это, французское командованіе тормозило дѣло отправки, какъ въ Болгарію, такъ и въ Сербію. „Всѣ бывшія препятствія къ перевозкѣ первыхъ партій казаковъ въ Сербію и Болгарію нынѣ устранены", — телеграфировалъ 14 мая генералъ Шатиловъ военному представителю въ Парижѣ генералу Миллеру. „Тѣмъ не менѣе, французское командованіе все же тормозитъ перевозку. Главнокомандующій усматриваетъ опредѣленное нежеланіе мѣстнаго командованія итти на разселеніе контингентовъ въ условіяхъ, намъ благопріятныхъ, такъ какъ перевозка въ Совдепію или Бразилію совершалась мгновенно. Главнокомандующій проситъ Васъ при содѣйствіи г. Гирса побудить французское правительство принять энергичныя мѣры и заставить Пелле и Шарпи немедленно приступить къ перевозкѣ".

Пассивное противодѣйствіе французовъ вскорѣ вылилось въ активныя дѣйствія. Вопреки выработанному

---

*) Въ такомъ же положеніи очутился вопросъ объ использованіи долга Греціи.

плану, французы потребовали снова разгружать сперва Галлиполи.

Вечеромъ, 21 мая, французское командованіе сообщило генералу Кутепову, что утромъ 23 мая въ Галлиполи прибудетъ пароходъ, который погрузитъ 50 офицеровъ и 950 солдатъ для отправки на работы въ Болгарію. Два дня шла соотвѣтствующая агитація. Генералъ Кутеповъ немедленно отдалъ приказъ по корпусу, воспрещающій самовольныя отправленія. Указавъ, что отправленіе должно производиться цѣлыми частями, ибо только въ такомъ порядкѣ перевозки не будетъ распыленія, генералъ Кутеповъ писалъ: „Всѣхъ, кто пожелаетъ исполнить предложеніе французскаго командованія и тѣмъ прикрывать свои личные шкурные интересы въ тяжелые дни Арміи, — перевести на бѣженское положеніе и предоставить имъ затѣмъ полную свободу отъѣзда". Пароходъ все-таки набралъ 1011 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ нестроевыхъ частей.

Генералъ Врангель заявилъ рѣшительный протестъ и сообщилъ болгарскому правительству, что онъ не беретъ на себя никакой отвѣтственности за прибывшихъ. Французскій посланникъ въ Софіи г. Пико въ свою очередь телеграфировалъ генералу Пелле, что допущеніе въ Болгарію элементовъ, за надежность которыхъ Главное Командованіе не можетъ поручиться, было бы крайне нежелательно и могло бы заставитъ болгаръ взять обратно съ такимъ трудомъ полученное согласіе. Изъ Парижа были посланы тоже соотвѣтствующія инструкціи — и дальнѣйшаго вмѣшательства въ планъ переселенія больше не происходило.

Но весь этотъ инцидентъ служитъ яркимъ доказательствомъ того недоброжелательства, которымъ были пропитаны всѣ дѣйствія французскихъ представителей въ Константинополѣ. Кромѣ главной цѣли — избавиться отъ бѣженцевъ,— ими руководила и побочная: добить Армію. Можетъ быть и они руководились той мыслью, которую такъ ярко выразилъ князь Кастаньето, и боялись укрѣплять „противобольшевистскія интриги", „противныя интересамъ всего цивилизованнаго міра"?

* * *

Вопросъ о дальнѣйшемъ разселеніи въ Болгаріи затруднялся и матеріальными, и политическими причинами.

Подобно тому, какъ Тріанонскій договоръ лишалъ Венгрію свободнаго рѣшенія о принятіи нашихъ контингентовъ, въ Болгаріи дѣйствовалъ другой — Нейльскій договоръ. И тамъ, и здѣсь такой шагъ не могъ быть совершенъ безъ контроля и согласія союзниковъ.

Уже одно возбужденіе вопроса о размѣщеніи войскъ въ Венгріи, или Болгаріи, могло неблагопріятно отразиться на ходѣ переговоровъ съ Сербіей; но, съ другой стороны, эти же переговоры могли побудить обѣ группы державъ къ увеличенію пріема частей для сохраненія извѣстнаго равновѣсія.

Для самой Болгаріи принятіе русскихъ войскъ могло имѣть и нѣкоторыя заманчивыя стороны. Въ то время земледѣльческая партія Стамболійскаго рѣзко отмежевывалась отъ коммунистовъ — и усилить антибольшевистскій элементъ въ странѣ было выгодно. Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ кругахъ мелькала даже мысль — составить изъ чиновъ Арміи добровольческіе кадры — единственный видъ военной организаціи, разрѣшенный въ Болгаріи Нейльскимъ договоромъ. Но самая отдаленная возможность такого исхода должна была особевно обострить вниманіе къ этому вопросу со стороны сосѣдей — Югославіи, Греціи и Румыніи, и сами болгары боялись принятіемъ контингентовъ создать поводъ для вмѣшательства во внутреннія болгарскія дѣла. Однимъ словомъ, завязывался клубокъ очень сложныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ, который заставлялъ быть особенно осторожнымъ въ этихъ переговорахъ.

Къ счастью для насъ, г. Пико былъ всецѣло на сторонѣ Арміи и не только не мѣшалъ, но существенно помогалъ г. Петряеву въ его дѣятельныхъ переговорахъ. Въ серединѣ іюля обнаружилось, что въ случаѣ обезпеченія взносомъ въ 300.000 долларовъ, можно разсчитывать на пріемъ 6-7 тысячъ. Благодаря усиленнымъ хлопотамъ, соотвѣтствующія ассигнованія отъ Совѣщанія Пословъ было обезпечено и было приступ-

лено къ самому договору. Въ августѣ мѣсяцѣ было сдѣлано письменное соглашеніе между россійскимъ посланникомъ г. Петряевымъ и Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ г. Даскаловымъ и параллельно съ этимъ подписано соглашеніе между русскимъ военнымъ представителемъ генераломъ Вязьмитиновымъ и начальникомъ штаба Болгарской Арміи полковникомъ Топалджиковымъ.

Постановленіемъ Совѣта Министровъ одобрялся пріемъ 6.000 русскихъ „бывшихъ солдатъ, нынѣ бѣженцевъ въ Константинополѣ, при условіи внесенія по 100.000 долларовъ за каждую группу въ 2.000 человѣкъ", а въ соглашеніи между генераломъ Вязьмитиновымъ и полковникомъ Топалджиковымъ детализировались условія пріема, опредѣлялся внутреній распорядокъ, причемъ вся группа принятыхъ трактовалась въ подчиненіи Главнокомандующаго, отвѣтственнаго за своихъ чиновъ, предоставлялось право дисциплинарнаго воздѣйствія назначеннымъ Главнокомандующимъ начальникамъ, сохранялась военная форма и даже устанавливалось взаимное воинское привѣтствіе между русскими и болгарскими чинами.

Сумма, депонированная въ обезпеченіе пріема, должна была покрываться частичными взносами, по израсходованіи двухъ третей внесеннаго аванса. Надѣяться на новый притокъ средствъ отъ Совѣщанія Пословъ было невозможно. Надлежало принять всѣ мѣры къ увеличенію числа принимаемыхъ въ славянскія страны — и подумать объ изысканіи новыхъ средствъ.

Для первой цѣли были употреблены всѣ дипломатическія усилія; для второй — Русскій Совѣтъ поднялъ вопросъ о ликвидаціи Петроградской Ссудной Казны.

* * *

Въ то время, какъ почти были закончены работы по разселенію Арміи судьбѣ (или людямъ?) захотѣлось сдѣлать еще одну попытку разомъ разрушить все строившееся зданіе и ударомъ въ голову совершить то, что не удавалось, несмотря на упорныя усилія. Въ 5 ч. вечера 15 октября 1921 года, пришедшій изъ Батума

итальянскій пароходъ „Адрія“ протаранилъ стоящую на рейдѣ Босфора яхту Главнокомандующаго „Лукуллъ“.

Получивъ громадную пробоину, яхта продержалась на водѣ послѣ удара около двухъ минутъ — и пошла ко дну.

Подробности катастрофы, какъ онѣ вырисовываются со словъ очевидцевъ, слѣдующія:

Около 4 ч. 30 м. дня на яхтѣ обратили вниманіе на шедшій отъ Леандровой башни большой пароходъ подъ итальянскимъ флагомъ. Повернувъ отъ Леандровой башни, онъ сталъ брать направленіе на „Лукуллъ“ и съ большой скоростью, необычной для маневрирующихъ судовъ, приближался къ „Лукуллу“. На „Лукуллѣ“ возникла даже мысль — не испортилась-ли у него рулевая тяга, т. к. при той скорости и громадной инерціи, которую онъ имѣлъ, онъ едва ли могъ свернуть, даже положивъ руль круто на бортъ; однако тревожныхъ гудковъ пароходъ не давалъ. Шаговъ около 300 отъ яхты, отдали якорь — и стало ясно, что удара не миновать. Дежурный офицеръ, мичманъ Сапуновъ, крикнулъ, чтобы давали кранцы и побѣжалъ на бакъ вызывать команду. На „Адріи“ отдали второй якорь, но она продолжала надвигаться и черезъ 10 секундъ раздался оглушительный ударъ отъ столкновенія. Во всѣ стороны брызнули щепки и обломки отъ поломаннаго фальшборта, привальнаго бруса и верхней палубы. „Лукуллъ“ сильно наклонился на правый бортъ и поддался въ сторону движенія парохода, удерживаясь кормовымъ и швартовымъ якорнымъ канатомъ на бочкахъ, на которыхъ онъ стоялъ. Ударъ пришелся въ лѣвый бортъ, надъ помѣщеніемъ Главнокомандующаго и форшевень парохода застрялъ въ борту „Лукулла“. Пароходъ сталъ отходить заднимъ ходомъ; въ широкую пробоину, пришедшуюся непосредственно въ каюту Главнокомандующаго съ шумомъ врывалась вода, и черезъ нѣсколько секундъ „Лукулла“ не стало.

По счастливой случайности, Главнокомандующій за часъ до столкновенія сошелъ на берегъ и избѣжалъ неминуемой смерти. Но вся эта картина потопленія русскаго судна пароходомъ, только что прибывшимъ изъ

Совѣтской Россіи, у всѣхъ на глазахъ, при условіяхъ, какъ-бы исключающихъ несчастныя возможности, наводитъ на мысль о томъ, какимъ опаснымъ „случайностямъ“ подвергалось русское дѣло...

* * *

Къ концу 1921 г. нечеловѣческія усилія по вывозу войскъ изъ Галлиполи и Лемноса были закончены.

Въ грубыхъ цифрахъ—къ іюню 1921 г. въ Галлиполи было 20.000, а на Лемносѣ—9.000 чел. Лемносъ былъ теперь разгруженъ. Въ Галлиполи оставался небольшой отрядъ около 2.000 человѣкъ въ ожиданіи посадки.

Работа разселенія Арміи была сдѣлана—и Главнокомандующій могъ покинуть Константинополь.

По пути въ Сербію Главнокомандующій остановился въ Галлиполи 26 февраля 1922 г.

Обращаясь къ выстроенному отряду, генералъ Врангель сказалъ:

„Годъ тому назадъ я обѣщалъ вамъ, что не уѣду изъ Константинополя до тѣхъ поръ, пока послѣдній солдатъ не будетъ отправленъ отсюда.

Теперь я могу выполнить свое обѣщаніе. Родныя славянскія страны широко открыли двери своихъ государствъ и пріютили у себя нашу Армію до тѣхъ поръ, пока она снова сможетъ возобновить борьбу съ врагомъ отчизны.

Сербы только что сообщили мнѣ, что они согласны принять оставшіяся въ Галлиполи части и перевести ихъ въ концѣ марта на присоединеніе къ роднымъ частямъ. Со спокойной душой я отправляюсь далѣе.

Цѣлый годъ я пробылъ узникомъ въ Константинополѣ и всегда смѣло и громко поднималъ свой голосъ въ защиту правды, потому что я зналъ, что за мной стоитъ 20.000 людей, готовыхъ въ любой моментъ поддержать меня.

Спасибо вамъ за вашу службу, преданность, твердость, непоколебимость.

Спасибо вамъ—и низкій поклонъ“.

* * *

„Послѣдніе галлиполійцы"—въ числѣ около 2.000 человѣкъ оставшіеся въ ожиданіи посадки — пробыли послѣ отъѣзда Главнокомандующаго полтора года на пустынномъ полуостровѣ.

Для того, чтобы понять весь трагизмъ послѣдняго оставшагося отряда, надо принять во вниманіе ту увѣренность и твердость, которыя чувствовали галлиполійцы отъ одного сознанія, что въ ихъ средѣ находится генералъ Кутеповъ.

Генералъ Кутеповъ въ сознаніи 1-го Армейскаго Корпуса былъ живымъ воплощеніемъ Главнокомандующаго, принужденнаго жить гдѣ-то далеко, въ Константинополѣ.

Даже кратковременныя отлучки генерала Кутепова по дѣламъ службы создавали нѣкоторое уныніе и внутреннюю растерянность. Съ его пріѣздомъ вновь приливала бодрость и удесятерялись силы къ сопротивленію.

Въ декабрѣ 1921 г. большая часть Корпуса уѣхала въ Болгарію. Съ нимъ вмѣстѣ убылъ и генералъ Кутеповъ. Вмѣстѣ съ восторженно провожавшимъ его населеніемъ, хмуро стоялъ на берегу небольшой отрядъ, которому не хватало мѣста, который оставался сейчасъ какъ бы предоставленнымъ самому себѣ.

Чувство остающихся было не только тоскливое, но жуткое...

Вѣрный своему слову, генералъ Врангель покинулъ Константинополь только тогда, когда изъ Сербіи получилось принципіальное согласіе на принятіе „послѣднихъ галлиполійцевъ". Но между принципіальнымъ согласіемъ и фактическимъ осуществленіемъ оказалась громадная разница.

Англійское правительство, давно уже желавшее освободиться отъ „гостей англійскаго короля", вело переговоры къ Королевствомъ С. Х. С. о вывозѣ послѣднихъ русскихъ бѣженцевъ изъ Египта и съ острова Крита. Перспектива принятія новой партіи въ 2.000 человѣкъ создавала непредвидѣнную конкурренцію,— и вопросъ о пріемѣ галлиполійцевъ, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, сталъ тормозиться.

Главнокомандующій уже прибылъ въ Сербію. Прошелъ обѣщанный мартъ, наступилъ апрѣль, а „арріер-

гардъ Русской Арміи" терпѣливо ждалъ своей очереди. Въ концѣ апрѣля замѣститель премьеръ-министра Королевства извѣстилъ оффиціально, что „правительство затрудняется дать разрѣшеніе на немедленный пріемъ контингентовъ, ввиду того, что оно лишь недавно отказало въ пріемѣ русскихъ бѣженцевъ съ Египта и Крита".

* * *

Галлиполійскій отрядъ подъ командой генералъ-маіора Мартынова сжался теперь весь въ нѣсколькихъ городскихъ помѣщеніяхъ. Оставленный по первоначальнымъ предположеніямъ на 2—3 недѣли, генералъ Мартыновъ долженъ былъ наскоро сколачивать управленіе отрядомъ изъ разрозненныхъ остатковъ различныхъ частей: здѣсь были и техническія части, и кавалеристы, и казаки. Однако, старыя галлиполійскія традиціи подчеркивались съ исключительной любовью.

Съ того момента, когда уѣхалъ генералъ Кутеповъ и главныя части Корпуса, изъ экономическихъ и политическихъ соображеній къ распыленію оставались только первыя и почти сошли на нѣтъ вторыя. Все это позволяло мѣстной французской власти принять болѣе достойный тонъ — и почти всѣ донесенія генерала Мартынова характеризуютъ эти отношенія, какъ „превосходныя".

Мало по малу, между русскими и французами установились взаимоотношенія двухъ расквартированныхъ гарнизоновъ.

Подходила Пасха. Подполковникъ Томассенъ по собственному почину возбудилъ ходатайство о выдачѣ на первый день Пасхи, 16 апрѣля, удвоенной порціи продуктовъ. Результатъ, однако, получился неожиданный.

Генералъ Шарпи прислалъ изъ Константинополя срочное приказаніе — прекратить совсѣмъ выдачу продуктовъ, отпустивъ ихъ въ послѣдній разъ въ Страстную Субботу, 15 апрѣля.

Генералъ Мартыновъ созвалъ начальниковъ частей — и рѣшилъ въ пѣшемъ порядкѣ направиться черезъ Ѳракію въ Болгарію на соединеніе съ нашими

частями. По разсчетамъ отрядъ могъ бы быть обезпеченъ на 10—12 дней.

Тогда французами была принята политика частичныхъ сокращеній. До 18 апрѣля (третій день Пасхи), паекъ былъ оставленъ полностью. Съ 18 апрѣля выдача уменьшалась на 25%; съ 25 апрѣля — на 30% и съ 7 мая прекратилась совершенно. Французскій бюджетъ былъ освобожденъ отъ непосильнаго расхода.

Для спасенія людей потребовались экстренные расходы Главнаго Командованія. „Львиная доля расходовъ", какъ писалъ генералъ Чертковъ, шла теперь на подкрѣпленіе отряда, котораго не выпускали съ полуострова и котораго не хотѣли кормить. Заработка не было: полевыя работы не начинались. При отсутствіи торговли, промышленности, людямъ дѣйствительно грозила голодная смерть.

Въ началѣ іюля былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго. „Послѣ полуторагодовой борьбы мнѣ удалось устроить Армію въ славянскихъ странахъ. Войска были перевезены. Вы ждали очереди. Спокойный за васъ, я оставилъ Царьградъ" — говорилось въ приказѣ. — „Нынѣ сербское правительство отказывается васъ принять... Теперь прошу Лигу Націй найти вамъ работу*). Дотолѣ изъ скудной казны буду помогать вамъ. И вы помогите мнѣ. Кто можетъ найти себѣ заработокъ — тотъ облегчитъ помощь другимъ. Держите связь со своими частями. Временно оставляя ряды Арміи, вы останетесь членами ея..."

---

*) Переговоры съ Лигой Націй въ лицѣ г. Нансена не привели ни къ какимъ результатамъ. Какъ предварительное условіе помощи, г. Нансенъ потребовалъ полученія отъ генерала Врангеля завѣренія, что съ момента поступленія галлиполійцевъ на иждивеніе Лиги Націй, онъ отказывается отъ осуществленія въ отношеніи ихъ своихъ правъ, какъ Главнокомандующаго. Хотя генералъ Врангель и выразилъ готовность „décliner toute intervention personelle" („отказаться отъ всякаго личнаго вмѣшательства") въ смыслѣ вторженія въ вопросъ ихъ устройства, тѣмъ не менѣе, это было признано недостаточнымъ. Было вновь потребовано отъ генерала Врангеля отказаться отъ своихъ правъ, именно, какъ Главнокомандующаго, что было генераломъ Врангелемъ отклонено. Для совершенія г у м а н и т а р н а г о акта, д-ръ Нансенъ, извѣстный другъ большевиковъ, потребовалъ п о л и т и ч е с к а г о акта.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ приказъ на терпѣливо переносившій страданія послѣдній галлиполійскій отрадъ. Но и это испытаніе было выдержано. Часть семей и неработоспособныхъ выѣхала въ Константинополь на попеченіе „Ара". Подоспѣло разрѣшеніе Венгріи — принять около 300 человѣкъ — и часть техническаго полка выѣхала въ Будапештъ. Оставшійся отрядъ продолжалъ сохранять свою военную спайку и сталъ готовиться къ новой трудовой жизни: съ 1 августа должна была почти прекратиться и помощь Главнаго Командованія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ была получена телеграмма о возможной отправкѣ всѣхъ остающихся чиновъ отряда. Приступлено было къ оповѣщенію всѣхъ, работающихъ на полуостровѣ, начали упаковывать вещи. Интересно отмѣтить въ донесеніяхъ генерала Мартынова трогательный эпизодъ. Генералъ Мартыновъ пишетъ: „Приступлено къ ремонту памятника на городскомъ братскомъ кладбищѣ. Мной приказано завтра всѣмъ чинамъ отряда принести къ памятнику по нѣсколько мелкихъ камней, необходимыхъ для бутовки цокольной площадки. Если отправка отряда состоится раньше окончанія ремонта памятника, то въ Галлиполи будетъ оставленъ производитель работъ съ нѣсколькими рабочими".

* * *

Случайныя обстоятельства задержали отправку отряда.

Греческія войска были разбиты Кемалемъ. По Дарданелльскому проливу крейсировалъ военный англійскій флотъ. Въ Галлиполи стали долетать слухи о катастрофѣ. Греческое населеніе укладывало свои пожитки — и наиболѣе состоятельные уѣзжали. Почувствовалась близость военныхъ операцій

Надо было возобновить прерванныя работы, ибо все время пребывать въ напряженномъ бездѣйствіи ожиданія было невозможно. Главная часть работающихъ направилась въ Килію и Майдосъ *).

---

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что завѣдующій работами въ Киліи англійск. полк. Уэльсъ сообщилъ, что изъ Константинополя ожидается партія русскихъ рабочихъ, съ которыми онъ предлагаетъ

Жизнь кое-какъ налаживалась, хотя постоянное ожиданіе отъѣзда, усиливаемое фиксированіемъ сроковъ погрузки и внезапной ея отмѣной, держало всѣхъ въ напряженно-нервномъ состояніи. Политическія событія усиливали эту нервность. Побѣдоносный Кемаль гналъ грековъ—и на Галлиполійскомъ берегу водрузился турецкій флагъ. Пришлось имѣть дѣло съ совершенно неизвѣстной властью.

Прошла зима. Наступила весна 1923 г. Подошла, наконецъ, давно жданная—и на этотъ разъ оправдавшаяся—вѣсть о вывозѣ. Пятаго мая послѣдніе остатки галлиполійскаго отряда съ генераломъ Мартыновымъ погрузились для отправленія въ Сербію.

Русскій флагъ, поднятый генераломъ Кутеповымъ и развѣвавшійся въ Галлиполи въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, былъ спущенъ при воинскихъ почестяхъ —и послѣдніе галлиполійцы тронулись въ путь.

По дорогѣ пристали къ Киліи и забрали людей. Генералъ Мартыновъ благодарилъ англійскаго коменданла полковника Элліота за его теплое отношеніе къ русскимъ. Полковникъ Элліотъ отвѣтилъ: „Я преклоняюсь передъ твердостью русскихъ людей, которые и въ тягчайшихъ условіяхъ чернорабочаго не только не теряли своего облика, но подчеркнули свой великій патріотизмъ и сохранили свое военное чисто-русское благородство и гордость. Мы учимся у васъ героическому величію духа и ставимъ васъ въ примѣръ своимъ офицерамъ".

* * *

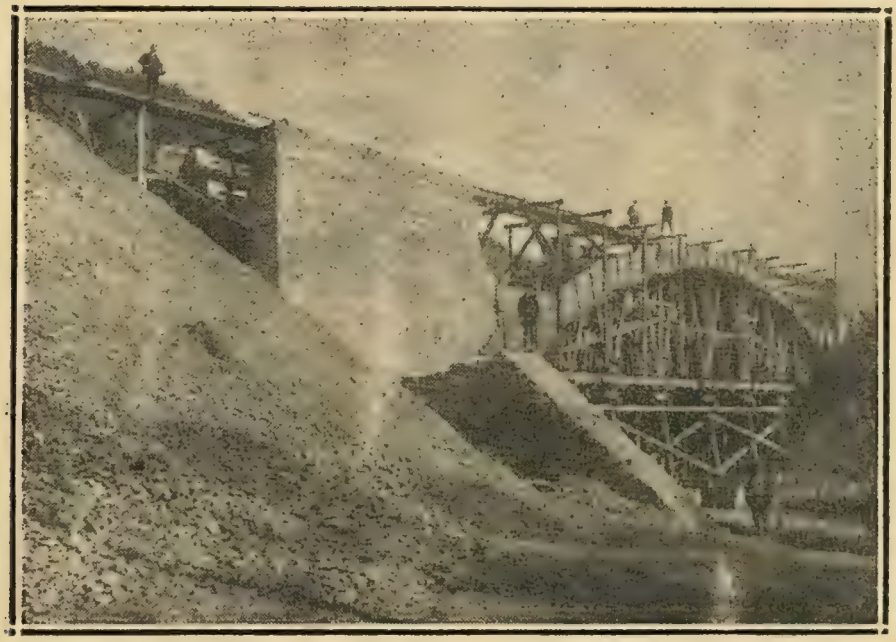
Такъ уѣхали „послѣдніе галлиполійцы".

Съ ихъ отъѣздомъ „раіонъ Константинополя" былъ совершенно очищенъ отъ русскихъ частей.

слиться въ одну артель и заключить контрактъ. Условія были очень выгодны Ген. Мартыновъ, однако, сообщилъ полк. Уэльсу, что „чины отряда ни въ коемъ случаѣ не могутъ войти въ составъ рабочаго батальона составленнаго изъ случайныхъ людей съ импровизированнымъ управленіемъ".

Галлиполійцамъ оставили ихъ воинскую организацію, и была гарантирована полная изолировка отъ константинопольскихъ бѣженцевъ. Разница въ дисциплинѣ и работоспособности тѣхъ и другихъ стала вскорѣ для англичанъ очевидной.

КУБАНЦЫ НА СООРУЖЕНІИ ПУТИ НИШЪ — КНЯЖЕВАЦЪ
(Югославія, 1923).



Сооруженіе моста.

Постройка тоннеля.

„Русскіе въ лагеряхъ“ не смущали больше верховныхъ комиссаровъ.

Другія страны ожидали ихъ. Другія испытанія стояли передъ вими. Но пошли они въ новыя страны, навстрѣчу новымъ испытаніямъ, не измѣнивъ своимъ знаменамъ въ угоду кому бы то ни было.

На берегахъ Босфора они пережили натискъ жестокой бури. Одна на другую вздымались волны — и шелъ на нихъ всепожирающій „девятый валъ“.

„Девятый валъ“ поднявшейся бури былъ побѣжденъ.

Много разъ послѣ этого враждебная стихія пробовала захлестнуть остатки Русской Арміи.

Но Армія уже окрѣпла въ этой борьбѣ и могла спокойно итти въ неизвѣстную даль, не боясь потерять своего вновь обрѣтеннаго лица...

ГЛАВА IX.

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ.

Второ періодъ жизни Русской Арміи. Частичный переходъ Арміи на самообезпеченіе. Наши части въ Сербіи. „Русскій путь". Пограничная стража. Кральево — Рашка. Запросъ Московлевича. Наши части въ Болгаріи. Первая встрѣча. Болгарское правительство и коммунисты. Первыя гоненія на Русскую Армію. Директивы Главнокомандующаго. Дѣло Самохвалова и высылка генерала Кутепова. Новая обстановка и новыя директивы. Второй натискъ на Русскую Армію. Подложные документы. Высылка старшихъ начальниковъ. Въ новыхъ формахъ жизни. Переворотъ въ Болгаріи. Нейтралитетъ русскихъ частей. Коммунистическое возстаніе и роль Русской Арміи. Успокоеніе послѣ бури.

Съ переброской главныхъ частей Арміи изъ Галлиполи и Лемноса, кончался тотъ первый періодъ жизни ея въ изгнаніи, который можно охарактеризовать, какъ стремленіе усилить воинскую спайку, расшатанную неудачами и эвакуаціей, создать могучее ядро, связанное дисциплиной, заложить тѣ начала, которыя сохранились бы при возможномъ физическомъ распыленіи ея по лицу земли.

Перспектива эта учитывалась съ самаго начала; и уже черезъ шесть мѣсяцевъ изгнанія, когда переговоры о разселеніи по Балканскимъ странамъ дали реальные результаты, вопросъ этотъ былъ поставленъ совершенно открыто.

Въ предписаніи Главнокомандующаго командирамъ корпусовъ 10 мая 1921 г. говорится:

„По переброскѣ Арміи въ Сербію и Болгарію, части Арміи, перевозимыя въ первую голову (казаки), будутъ устроены на различнаго рода работы (постройка шоссе, желѣзнодорожныя и пр.) и служба), остальныя же (1-й Армейскій Корпусъ), за отсутствіемъ пока аналогичныхъ предложеній, сохранятъ порядокъ жизни войсковыхъ организацій и будутъ расположены казарменно (лагеремъ). Однако, ограниченность денежныхъ средствъ у насъ, отсутствіе таковыхъ у сербскаго правительства, вынуждаютъ насъ принять мѣры къ тому, чтобы обезпечить оплачиваемыми работами большую часть Арміи.

Такимъ образомъ, Армія постепенно перейдетъ къ новымъ формамъ и условіямъ жизни, коренным образомъ разнящимся съ формами ея внѣшняго существованія; Армія будетъ существовать въ полускрытомъ видѣ, но Армія должна быть сохранена во что бы то ни стало".

Вслѣдствіе этого предписывалось подготовить части къ новому взгляду. „Существенно важно,—говорилось въ этомъ предписаніи, — чтобы всѣ сознательно встрѣтили формы переходнаго состоянія Арміи и усвоили себѣ необходимость и возможность въ этихъ условіяхъ сохранить въ полной мѣрѣ твердость дисциплины, многолѣтнюю боевую спайку и преданность идеѣ служенія Родинѣ, какъ Армія сохранила это здѣсь въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня эвакуаціи Крыма".

Армія вступала теперь во второй періодъ,—періодъ подготовки къ новой трудовой жизни, періодъ, можетъ быть, наиболѣе трудный, ибо приходилось приводить въ согласованіе два противоположныхъ начала: воинской дисциплины и свободнаго труда.

* * *

Къ началу января 1922 г. наши части не только были перевезены въ Сербію, но уже до нѣкоторой степени осѣли. Въ общихъ чертахъ — Кавалерійская Дивизія получила назначеніе въ пограничную стражу, причемъ старшіе начальники являлись инспекторами отдѣловъ („одсековъ"); Кубанская Казачья Дивизія получала

въ раіонѣ Вранье большую работу по сооруженію шоссейнаго пути къ границѣ Болгаріи; технический полкъ, выдѣленный изъ 1-го Армейскаго Корпуса, получилъ работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ; часть офицеровъ различныхъ частей поступила на службу въ сербскую жандармерію.

Кромѣ этого въ Бѣлой Церкви расположилось Николаевское Кавалерійское Училище, и на средства Державной Комиссіи продолжали существовать уже ранѣе открытые три кадетскихъ корпуса: Крымскій, Донской и, такъ называемый, Русскій Кадетскій Корпусъ.

Тяжела была жизнь русскихъ частей въ этихъ „новыхъ условіяхъ жизни".

Грандіозная дорога, сооруженная казаками въ окрестностяхъ Вранье, закончена только недавно,— и я имѣлъ возможность лично видѣть и оцѣнить этотъ „Русскій Путь", какъ называютъ ее сербы. Въ совершенно дикой мѣстности, среди громадныхъ горъ въ нѣсколько тысячъ метровъ, вьется капризной лентой этотъ путь — и порою кажется, что только старыя римскія дороги могутъ соперничать съ этимъ твореніемъ русскихъ изгнанниковъ. По пути, въ землянкахъ и сколоченныхъ наскоро баракахъ, на такой высотѣ, когда облака ходятъ внизу,— жили русскіе воины. Зимою на этихъ высотахъ заносило снѣгомъ на нѣсколько недѣль, — живущіе тамъ бывали отрѣзаны не только отъ міра, но и отъ своихъ же сосѣднихъ постовъ.

Въ такихъ суровыхъ условіяхъ существовала и пограничная стража, особенно въ дикихъ албанскихъ горахъ. На постахъ, куда часто доставлялась почта и провіантъ разъ въ мѣсяцъ, въ землянкахъ, сооруженныхъ собственными руками, въ постоянномъ напряженіи и ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ албанскими разбойниками — жили наши пограничники. Жалованье было самое скромное: „контрактуальный чиновникъ" получалъ 1000 динаръ, „наредникъ" — 450 динаръ, „капралъ"— 365 динаръ и рядовые 350 динаръ. Неудивительно, что въ одномъ изъ первыхъ же донесеній начальника штаба Кавалерійской Дивизіи генералъ-маіора Крейтера отъ 30 апрѣля 1922 г. указывается,

что „въ связи со все возрастающей дороговизной съ одной стороны, а съ другой вслѣдствіе совершенно недостаточно получаемаго содержанія, положеніе съ довольствіемъ катастрофическое. Если раньше получаемаго содержанія хватало одинокимъ, то теперь и этого сказать нельзя. Уже офицеръ и солдатъ не могутъ позволить себѣ мясной пищи хотя бы 2-3 раза въ недѣлю. Питаются исключительно картофельной похлебкой, фасолью и чаемъ".

Эта тяжелая служба не была замаскированной благотворительной помощью „русскимъ братьямъ". Контрабанды было задержано на 3.110.931 динаръ; кромѣ того, значительное количество валюты и цѣлыя партіи коммунистической литературы. По окончаніи годичнаго срока службы, командиръ пограничной стражи, полковникъ Ристичъ, лично выразилъ генералу Врангелю свое полное удовлетвореніе, и пять старшихъ русскихъ начальниковъ были награждены орденами Св. Саввы и восемь — медалями „за усердіе".

За время службы русскихъ въ пограничной стражѣ учитывалось значеніе нашей военной организаціи: русскіе старшіе офицеры — „контрактуальные чиновники" вездѣ занимали должности „водниковъ"; громадное число командировъ стражъ были русскіе офицеры; канцеляріи „четъ", хозяйственная часть и вся переписка, за самымъ малымъ исключеніемъ, велась русскими. Командиръ пограничной стражи, полковникъ Ристичъ, считалъ, что сами интересы службы диктуютъ сохраненіе нашей спайки и воинскихъ отношеній между русскими, что возможно при вліяніи старшихъ на младшихъ. Имъ была издана спеціальная инструкція о службѣ русскихъ, о ихъ взаимоотношеніяхъ, о размѣрѣ и характерѣ сохраненной русской организаціи.

Но неожиданно и здѣсь наши части постигло жестокое испытаніе.

* * *

Въ апрѣлѣ 1922 г. Скупщина приняла законопроектъ о ликвидаціи пограничной стражи и о замѣнѣ ея „финансовымъ контролемъ", съ подчиненіемъ Министерству Финансовъ на основаніяхъ гражданскихъ чинов-

никовъ. Съ окончаніемъ контракта, 1 сентября 1922 г., можно было ожидать постепеннаго снятія нашихъ чиновъ и замѣны ихъ новыми лицами: повышеніе оклада увеличивало интересъ къ этой службѣ у коренного населенія, не имѣвшаго ранѣе выгоды итти на нее. Министерство Финансовъ сообщило, что на службу въ финансовый контроль могутъ разсчитывать только отдѣльныя лица; въ составѣ же пограничной стражи было свыше 4.500 нашихъ офицеровъ и солдатъ.

Въ самое трудное время года, къ началу зимы, громадная часть пограничниковъ могла остаться безъ службы, пропитанія и крова.

Къ октябрю мѣсяцу 1922 г. Министерство Финансовъ согласилось принять 1.700 человѣкъ. Остальные должны были какъ нибудь быть обезпечены различными работами.

Въ маѣ 1923 г. правительству С.Х.С. понадобилось для возстановленной пограничной стражи 1.000 человѣкъ, которые были даны немедленно.

Однако, прежнее отношеніе довѣрія, которое клалъ въ основаніе нашихъ взаимоотношеній полковникъ Ристичъ, было теперь замѣнено новыми инструкціями и директивами его замѣстителя, полковника Еремича. Всѣ служащіе трактовались, какъ „отдѣльныя лица“. Старшіе офицеры были лишены возможности поддерживать связь со своими младшими офицерами и солдатами. Изъ 1.000 принятыхъ, за одинъ мѣсяцъ было уволено 210 человѣкъ, въ то время, какъ въ первый періодъ — изъ 4.500 въ теченіе 15 мѣсяцевъ было уволено всего 15.

Увольненіе грозило каждому за малѣйшую провинность и даже безъ всякой провинности, безъ объясненія причинъ.

Главное Командованіе должно было постоянно имѣть имѣть въ виду резервъ такихъ групповыхъ работъ, куда можно было бы направить внезапно потерявшаго службу: главнымъ такимъ мѣстомъ были работы по постройкѣ шоссе въ районѣ Кральево.

Осуществленіе громаднаго казеннаго подряда по переустройству шоссе Кральево—Рашка было принято техническими силами русскихъ инженеровъ, объединившихся около товарищества „Техника“, съ участіемъ

средствъ Главнаго Командованія въ суммѣ свыше 5 милліоновъ динаръ. Это былъ обширный резервуаръ для групповыхъ работъ—и его созданіе относится къ началу 1923 года и вызвано было, главнымъ образомъ, заботами объ устройствѣ на работы около 2.000 человѣкъ, которыхъ въ связи съ гоненіями, воздвигнутыми на Русскую Армію во время дружбы Стамболійскаго съ московскими коммунистами, предполагалось перебросить изъ Болгаріи въ Сербію.

На пути къ осуществленію этого проекта стали затрудненія съ полученіемъ необходимыхъ визъ; затѣмъ въ Болгаріи произошли измѣненія въ благопріятную для нашихъ контингентовъ сторону. Предполагавшая переброска 2.000 человѣкъ не состоялась. Однако, работы по переустройству шоссе Кральево — Рашка съ участіемъ средствъ Главнаго Командованія были организованы и послужили мѣстомъ, куда стекались не имѣвшія заработка части, расположенныя въ Сербіи. Здѣсь, въ разное время и на разные сроки нашли себѣ примѣненіе: нѣкоторыя части Кавалерійской Дивизіи; послѣдніе галлиполійцы; корнеты, выпущенные изъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища; неожиданно среди зимы 1923—1924 года выброшенные изъ финансовой стражи чины Кавалерійской Дивизіи; искавшіе лѣтнихъ заработковъ кадеты старшихъ классовъ Крымскаго Кадетскаго Корпуса, и много отдѣльныхъ чиновъ многострадальной Арміи. Число чиновъ Арміи, занятыхъ въ предпріятіи, постепенно увеличивалось съ 1-го марта 1923 года, къ которому относится начало нашего участія въ работахъ и достигло своего максимума (около 600 человѣкъ) къ декабрю 1923 года.

Продержавшись на этомъ уровнѣ до мая 1924 г., оно опустилось къ августу 1924 г. до 400 человѣкъ; затѣмъ, когда въ связи съ задержками въ полученіи предпріятіемъ денегъ за выполненныя работы, выяснилась невозможность для Главнаго Командованія финансировать предпріятіе, и всталъ вопросъ о выходѣ изъ него, воинскія части, работавшія въ дѣлѣ, были частью переведены на другія работы въ Сербіи, частью переброшены во Францію и въ концѣ 1924 г., когда Главное Командованіе вышло изъ дѣла, на работахъ въ

предпріятіи оставалось лишь небольшое число чиновъ Арміи.

Стоявшія на работахъ части за все время работъ получили въ видѣ заработковъ около 5-ти милліоновъ динаръ, причемъ заработная плата чинами контингентовъ исчислялась въ одинаковомъ размѣрѣ съ среднимъ заработкомъ мѣстныхъ рабочихъ соотвѣтствующихъ категорій; независимо, однако, отъ этой платы, на поддержаніе воинской организаціи работающихъ въ предпріятіи частей начислялось изъ средствъ предпріятія 6% на общую сумму заработной платы русскихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ въ Кральевѣ осуществлялась и матеріальная помощь людямъ, и сохраненіе въ возможной неприкосновенности воинскихъ кадровъ.

* * *

Необходимо отмѣтить, что затрудненія, встрѣчаемыя къ размѣщенію нашихъ войскъ въ предѣлахъ Королевства, были не только матеріальнаго характера, но—въ извѣстной мѣрѣ—и политическаго; и эти политическія причины были не только внѣшней природы, но зависѣли и отъ чисто внутреннихъ условій.

Вскорѣ послѣ прибытія генерала Врангеля въ Сербію и торжественной встрѣчи его русскимъ населеніемъ, членъ Народной Скупщины Милошъ Московлевичъ внесъ правительству интерпелляцію по поводу Русской Арміи и генерала Врангеля. „Интересно,—говорилось въ интерпелляціи,—что его армію расформировали на Галлиполи сами французы за свой счетъ, и оффиціально она болѣе не существуетъ, однако она со всѣмъ своимъ аппаратомъ возродилась у насъ, получая активную и моральную поддержку нашего правительства. Хотя бывшіе ея члены прибыли въ Югославію „какъ бѣженцы", тѣмъ не менѣе, каждая бѣженская колонія имѣетъ своего военнаго коменданта, выполняющаго приказы врангелевскаго военнаго представителя генерала Потоцкаго и его уполномоченнаго". „Мы не знаемъ,—говорилось дальше,—не находится ли Королевство С. Х. С. въ войнѣ съ Россіей, ибо не можемъ понять возможности согласованія съ суверенитетомъ державы и международными

обычаями созданіе государства въ государствѣ и гостепріимство, оказываемое иностранной военной организаціи, замышляющей военные походы изъ нашей державы противъ другой".

Интересно, что интерпеллянтъ принадлежалъ не къ коммунистической, но къ „земледѣльческой" партіи и теоретически считалъ себя, какъ демократъ, врагомъ коммунистическаго строя. Эсъ-эровская „Воля Россіи" привѣтствовала этотъ запросъ цѣлой статьей. „Земледѣльческая партія,—писала газета,—безконечно далека отъ какого бы то ни было сочувствія большевизму. Она такъ далека отъ него, что самыя личности Троцкаго и Врангеля для нея равнозначущи: и въ томъ и въ другомъ она видитъ враговъ Россіи—ея разрушителей. Запросъ этой партіи является запросомъ подлинной югославянской демократіи" *).

Интерпелляція Московлевича заканчивалась вопросомъ: „что думаетъ предпринять правительство, чтобы прекратить отравленіе нашего общества со стороны этихъ послѣднихъ остатковъ мрачнаго періода русской исторіи, какъ разъ въ то время, когда большевики переживаютъ послѣдніе дни и рождается новая демократическая Россія?"

Правительство государства, спасеннаго этимъ „мрачнымъ періодомъ русской исторіи", не дало Московлевичу удовлетворяющаго его отвѣта. Въ предѣлахъ возможнаго оно продолжало и продолжаетъ оказывать „послѣднимъ остаткамъ" свою братскую помощь. Но самая возможность такого запроса заставляла его проявлять эту помощь въ чрезвычайно осторожной формѣ.

„Рожденіе демократической Россіи", котораго ждали отъ Генуэзской конференціи, затянулось. Путь „демократизаціи" совѣтской власти черезъ пріобщеніе ея въ лоно европейскихъ державъ, доставилъ съ тѣхъ поръ много и много разочарованій. Каждое новое признаніе совѣтской Россіи совершается теперь какъ-то будничнo съ обѣихъ сторонъ и не вызываетъ преувеличенныхъ надеждъ.

---

*) „Окончательное разоблаченіе Врангелевщины". „Воля Россіи" 22 марта 1922 г. № 922.

Но въ то время такой „пересмотръ" старыхъ отношеній казался новымъ и что-то сулящимъ. Всѣмъ невидимо дирижировалъ всемогущій и еще не развѣнчанный Ллойдъ Джорджъ, сторонникъ такого взгляда. Надо было имѣть или слишкомъ рѣзкія противоположенія интересовъ, какъ въ Румыніи, или слишкомъ глубокіе корни въ народномъ чувствѣ, какъ въ Югославіи, чтобы удержаться на своемъ пути и не соблазниться демократическими напѣвами.

Запросъ Московлевича остался въ Югославіи безъ послѣдствій. Но этотъ же запросъ получилъ неожиданный отзвукъ въ событіяхъ въ сосѣдней странѣ — Болгаріи, и вызвалъ тамъ цѣлый рядъ тяжелыхъ и почти катастрофическихъ потрясеній. Вспоминая о нихъ, мы можемъ смѣло сказать, что организація, пережившая ихъ и не развалившаяся, уже этимъ однимъ доказала свое несомнѣнное право на существованіе.

* * *

Въ самомъ концѣ 1921 г. закончилась переброска нашихъ частей въ предѣлы Болгаріи.

Штабъ 1 го Корпуса съ генераломъ Кутеповымъ во главѣ расположился въ древней столицѣ Болгаріи — Великомъ Тырновѣ. Штабъ Донского Корпуса помѣстился въ Старой Загорѣ, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе генералъ Абрамовъ. Въ Софіи были объединяющія центральныя учрежденія — военный представитель, управленіе снабженія и отдѣленіе штаба Главнаго Командованія по Болгаріи. Всѣ части обоихъ корпусовъ, военныя училища, лазареты — были разбросаны по всей странѣ.

Встрѣча нашихъ частей была восторженная. На банкетѣ, устроенномъ въ Софіи въ залѣ болгарскаго офицерскаго собранія въ честь генераловъ Кутепова и Абрамова, собрались высшіе представители болгарской арміи и общественности. Въ многочисленныхъ рѣчахъ выражалась радость по поводу того, что Болгарія сподобилась великой чести — принять потомковъ героевъ Шипки и Плевны, и выражалась надежда, что воскреснетъ Россія и „какъ могучій дубъ, покроетъ своимъ зеленымъ шатромъ свою младшую сестру". Начальникъ

штаба болгарской арміи, полковникъ Топалджиковъ сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи, обращаясь къ русскимъ генераламъ: „Мы съ вами, по братски, рука объ руку, будемъ итти впередъ".

Командиры корпусовъ разъѣхались по домамъ,— и началась будничная обыкновенная жизнь.

* * *

Радостное начало стало быстро обвалакиваться тучами.

Уже 17 февраля 1922 года начальникъ Софійскаго гарнизона полковникъ Личевъ передалъ приказаніе, чтобы русскіе офицеры, находящіеся въ Болгаріи, ходили безъ оружія. Оружіе и пулеметы частей предлагалось передать на храненіе въ болгарскіе склады. Предложеніе это мотивировалось стремленіемъ „избѣжать какихъ-либо основаній для вмѣшательства со стороны находящихся здѣсь военныхъ представителей Антанты".

Вопросъ этотъ былъ временно урегулированъ сдачей нѣкоторой части имѣвшагося оружія; однако причины этого распоряженія вовсе не основывались на требованіяхъ Антанты, а лежали значительно глубже.

Готовилась Генуэзская конференція, та самая конференція, отъ которой ждали всеобщаго признанія совѣтской власти. Представители совѣтской Россіи впервые выходили изъ своего зачумленнаго района на открытый путь европейскихъ дипломатическихъ сношеній: въ этомъ одномъ уже была такая побѣда, которая не могла не импонировать. „Завтра" могло перевернуть всѣ отношенія, сложившіяся „сегодня". Надо было подготовить всѣ возможности – и въ первую очередь правящая партія должна была пересмотрѣть свое отношеніе къ коммунистамъ.

Отношенія эти были достаточно попорчены. Въ концѣ 1919 г. и въ началѣ 1920 г. болгарскіе коммунисты объявили всеобщую забастовку и хотѣли взять въ свои руки власть, чтобы объявить въ Болгаріи совѣтскую республику. Земледѣльческая партія Стамболійскаго вмѣстѣ съ народной партіей Гешева и прогрессивной партіей Данева составили коалиціонное пра-

вительство и подавили возстаніе мобилизаціей земледѣльцевъ, явившихся по вызову центральнаго комитета земледѣльческой крестьянской партіи.

Эта сравнительно легкая побѣда дала основаніе земледѣльческой партіи составить очень преувеличенное мнѣніе о своей силѣ, что какъ разъ совпадало съ тѣмъ общественнымъ предразсудкомъ, который не изжитъ до сихъ поръ и который состоитъ въ убѣжденіи, что для „демократической" партіи и „демократическаго" режима не страшенъ коммунизмъ. Въ письмѣ отъ 22 марта 1922 г. 1-й секретарь Болгарскаго посольства въ Бѣлградѣ г. Людскановъ-Цанковъ, обрисовывая генералу Врангелю внутреннее положеніе страны, повторяетъ это модное и ходячее мнѣніе. „Коммунисты въ странѣ немногочисленны,— пишетъ онъ,— хотя хорошо организованы и располагаютъ при посредствѣ Москвы матеріальными средствами. При трезвомъ характерѣ болгаръ, идеи коммунизма не могутъ найти примѣненія. Для нынѣшняго земледѣльческаго правительства въ Болгаріи коммунисты совершенно не опасны".

Такое преувеличенное мнѣніе о безопасности коммунистическаго яда привело къ мысли о возможности безопаснаго использованія ихъ для своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ цѣлей. На внутреннемъ фронтѣ—коммунисты годились для борьбы съ общимъ врагомъ—„буржуазнымъ блокомъ" (коалиція была нарушена и кабинетъ сталъ однороднымъ), который послѣ своего разгрома началъ организовываться и становился уже опаснымъ правительству. На внѣшнемъ фронтѣ—блокъ съ коммунистами могъ дать неисчислимыя выгоды въ случаѣ вступленія совѣтской власти въ концертъ великихъ державъ. Возникла та пагубная склонность къ игрѣ съ огнемъ, которая проводилась и проводится до сихъ поръ цѣлымъ рядомъ демократическихъ правительствъ.

Но то, что до поры до времени сходило и сходитъ въ демократическихъ государствахъ съ вѣковой исторіей,—было совершенно неприложимо къ Болгаріи. Чистые идеологи демократическаго флирта съ большевиками не учли существеннаго обстоятельства: полной подкупности и продажности тогдашняго болгарскаго правительства.

Послѣ паденія кабинета Стамболійскаго, о корыстныхъ дѣйствіяхъ убитаго премьеръ-министра было широко опубликовано новымъ правительствомъ; къ сожалѣнію, я не имѣю подъ рукою этихъ документовъ. Въ дознаніи же, произведенномъ по порученію новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ спеціальной Комиссіей „о злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ земледѣльческаго правительства въ отношеніи контингентовъ Русской Арміи въ 1922 г.“, подъ предсѣдательствомъ г. Добриновича, установлено, что „русское совѣтское правительство...*) подкупило: Райко Даскалова (Министра Внутреннихъ Дѣлъ), Георгія Косовскаго (главнаго секретаря Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), Димитрія Мустанова (Начальника Жандармеріи и Общественной Безопасности) и Станчо Трифонова (Помощника Софійскаго Градоначальника) съ тѣмъ, чтобы они совершали въ Болгарскомъ Царствѣ противозаконныя дѣянія, съ корыстной цѣлью, въ пользу русскаго совѣтскаго правительства, т. е. совершили преступленіе, наказуемыя по ст. 146, 428, 431 Закона о наказаніяхъ“.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ г. Стамболійскій уѣхалъ въ Геную и имѣлъ тѣсное общеніе съ пріѣхавшимъ изъ Москвы Чичеринымъ. Флиртъ съ большевиками переходилъ скорымъ темпомъ въ блокъ, а блокъ—въ прямое подчиненіе: у всѣхъ на глазахъ совершалась „совѣтизація“ Болгаріи, причемъ совершалась она безъ переворота и возстанія, а мирной сдачей позицій, и не при помощи штыковъ и пулеметовъ, а при помощи одного московскаго золота.

„Границы Болгаріи,— пишетъ г. Добриновичъ въ своемъ обвинительномъ актѣ,— открываюся для большевистскихъ агентовъ, которые прибываютъ съ цѣлями шпіонажа, пропаганды, разрушенія и провокаціи. Первыми прибываетъ генералъ Комиссаровъ — всѣмъ извѣстный мошенникъ-провокаторъ... немедленно послѣ него прибываетъ морякъ Сергѣй Чайкинъ. Оба образуютъ шпіонскую, конспиративную и провокаторскую группу, становясь открытыми совѣтниками Даскалова. Комиссаровъ дѣлается одновременно интимнымъ другомъ на-

*) Перечисляются подкупившія лица.

чальника жандермеріи, полковника Мустанова; каждый день оба совѣщаются въ канцеляріи начальника жандармеріи. Чайкинъ — становится интимнымъ другомъ помощника софійскаго градоначальника Станчо Трифонова, постоянно сидитъ въ градоначальствѣ, какъ свой человѣкъ". Къ этой группѣ „присоединяются еще: Иванъ Дмитріевичъ Анисимовъ (полковникъ и членъ большевистскаго военнаго совѣта въ Москвѣ), начальникъ сѣти шпіонажа на Балканахъ, Борисъ Николаевичъ Краснославскій (Шапошниковъ), Робертъ Петровичъ Озоль*), по прозвищу Баронъ, подписывающійся Ловягинымъ (убійца незабвеннаго болгарскаго генерала Радко Дмитріева), Семенъ Фиринъ (Гольдштейнъ), родственникъ Троцкаго, Александръ Грузенбергъ, Булацель, юнкеръ Володя — художникъ каллиграфъ, гардемаринъ Шурка, Филька, Юрій Грузинъ и Германъ — всѣ русскіе большевики". Къ этой почтенной группѣ присоединился „болгарскій коммунистъ Александръ Димитровъ, присланный изъ управленія болгарскихъ коммунистовъ" и „русскій большевикъ, французской народности, графъ дю-Шайля". Имѣются доказательства, что съ графомъ дю-Шайля неоднократно совѣщался самъ министръ-предсѣдатель Стамболійскій.

При такихъ условіяхъ вовсе не требовалось вмѣшательства Антанты для ущемленія Русской Арміи. Все совершалось по указкѣ интернаціональной Москвы руками того правительства, которое объявляло себя „крестьянскимъ" и „національнымъ".

* * *

Каждый день, начиная съ марта 1922 г., приносилъ все новыя и новыя требованія — о снятіи вывѣсокъ съ казармъ русскихъ частей, о сдачѣ оружія и пр., и каждый разъ эти требованія повторялись все въ болѣе и болѣе оскорбительномъ тонѣ. Въ постановленіяхъ „Верховнаго Административнаго Совѣта" 23 марта 1922 г., наряду съ подобными требованіями, про-

*) Озоль, Комиссаровъ, Чайкинъ и дю-Шайля образовали русскую большевистскую чрезвычайку, по приговору которой былъ убитъ Агѣевъ (за измѣну большевикамъ) и — какъ опасный противникъ—генералъ Покровскій.

звучала еще одна характерная нота; въ п. 4 постановлено, что „правительство неотложно должно приложить усилія къ тому, чтобы воинскимъ частямъ можно было поскорѣе возвратиться на свои родныя мѣста, для чего войти въ сношенія съ правительствомъ совѣтской Россіи, чтобы отъ него имъ не было никакихъ утѣсненій".

Положеніе русскихъ частей становилось нестерпимымъ.

Я не знаю другого народа, болѣе склоннаго къ страстнымъ дебатамъ на политическія темы и болѣе впечатлительнаго къ кричащимъ лозунгамъ партійной прессы и партійныхъ плакатовъ, чѣмъ болгарскаго. Вся Болгарія заговорила о „возмутительныхъ случаяхъ непристойнаго поведенія частей врангелевской арміи, расквартированныхъ въ странѣ, каковые случаи вызываютъ возмущеніе въ средѣ населенія и въ общественномъ мнѣніи",— какъ начиналось сообщеніе о засѣданіи Административнаго Совѣта. Дѣйствуя на извѣстный болгарскій патріотизмъ, то пробовали представить русскія части, какъ соглядатаевъ Антанты, то стремились внушить убѣжденіе, что настоящая Россія и настоящіе потомки плевненскихъ героевъ — это Р.С.Ф.С.Р. и красная армія. Подъ вліяніемъ коммунистической агитаціи и образовавшагося изъ поддонковъ эмиграціи „Союза возвращенія на родину" — былъ запрещенъ пріѣздъ генерала Врангеля въ Болгарію и создалась обстановка, напоминающая пребываніе во враждебной странѣ.

Для 1-го Армейскаго Корпуса положеніе было особенно нестерпимо. Генералъ Кутеповъ и все Галлиполи воспитали особо обостренное чувство воинской чести и особое отвращеніе ко всякимъ компромиссамъ. Весь Корпусъ готовъ былъ силой отстаивать права, предоставленныя ему договоромъ съ болгарами. Генералъ Кутеповъ дѣлалъ болгарамъ небольшія уступки, не задѣвающія принципіальныхъ вопросовъ. Штабомъ Главнокомандующаго было указано итти въ этихъ уступкахъ возможно далѣе; но если требованія болгаръ будутъ непріемлемы — внезапно, по выработанному плану, сниматься съ мѣстъ и итти черезъ границу Сербіи на соединеніе съ русскими частями, въ разсчетѣ, что безвыходность положенія откроетъ нашимъ частямъ серб-

скую границу. При всемъ этомъ русскимъ частямъ вмѣнялось соблюдать строжайшій нейтралитетъ во внутренней борьбѣ болгарскихъ политическихъ партій.

Оцѣнивая обстановку, начальникъ штаба Главнокомандующаго генералъ Шатиловъ писалъ генералу Врангелю 25 апрѣля 1922 г.: „Положеніе Русской Арміи въ Болгаріи, къ случаѣ вооруженнаго выступленія земледѣльцевъ, будетъ чрезвычайно затруднительнымъ. Въ этомъ случаѣ намъ необходимо соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ, дабы не вызвать къ себѣ новаго взрыва вражды со стороны болгарскаго народа и иностранныхъ державъ; этого же требуетъ нашъ долгъ въ отношеніи гостепріимно принявшей насъ страны. При этомъ положеніе наше будетъ значительно облегчено, если болгарская армія въ этомъ вооруженномъ выступленіи окажется на сторонѣ новаго правительства, а, слѣдовательно, и на сторонѣ Короны. Если же она расколется и въ большей своей части окажется на сторонѣ земледѣльцевъ, то обстановка для насъ сложится значительно тяжелѣе, но и въ этомъ случаѣ я не вижу основаній отказаться отъ нашего нейтралитета, такъ какъ конецъ борьбы будетъ знаменовать возвращеніе къ существующему нынѣ политическому положенію. Только въ одномъ случаѣ обстановка можетъ заставить насъ выйти изъ положенія нейтральныхъ зрителей, именно, если это выступленіе будетъ организовано земледѣльцами совмѣстно съ коммунистами, такъ какъ успѣхъ въ борьбѣ, одержанный лѣвыми партіями при этой группировкѣ силъ, имѣлъ бы первымъ послѣдствіемъ расправу съ нами".

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и были отданы директивы Главнокомандующимъ.

* * *

Событія развивались быстро — и 4 мая былъ арестованъ въ Софіи полковникъ Самохваловъ, работавшій съ вѣдома болгарскаго правительства

1-ый АРМЕЙСКІЙ КОРПУСЪ
на Перникѣ (Болгарія).

Въ шахтѣ.

На отдыхѣ.

по организаціи охраны генерала Врангеля на случай его пріѣзда въ Болгарію*). При обыскѣ были подкинуты подложные документы, якобы исходящіе отъ Главнокомандующаго и изобличающіе его въ подготовкѣ государственнаго переворота въ пользу буржуазныхъ партій.

Въ томъ же обвинительномъ актѣ г. Добриновича описывается обстановка обыска у полковника Самохвалова слѣдующимъ образомъ:

„Чтобы плохо настроить болгарское общественное мнѣніе противъ врангелевскихъ войсковыхъ частей въ Болгаріи и вообще противъ русскихъ бѣженцевъ, пользуются самыми низкими гнусными мошенническими средствами. Комиссаровъ, Чайкинъ и Трифоновъ пишутъ нѣсколько подложныхъ писемъ, будто бы исходящихъ отъ полковника Самохвалова генералу Врангелю и его штабу въ Сербіи, съ доносами, непріятнымъ для Болгаріи содержаніемъ, особенно для дружбашскаго правительства, и одинъ приказъ, будто бы исходящій отъ генерала Врангеля, какъ Главнокомандующаго, будто бы отданный имъ въ г. Дубровникѣ, въ которомъ онъ отдалъ распоряженіе, чтобы съ помощью его войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Болгаріи, и одной его арміи изъ Сербіи, а другой изъ Галлиполи, оккупировать и захватить Болгарію и установить свое русское управленіе. Отмычкой открываются двери въ комнатѣ Самохвалова въ отелѣ „Континенталь“; когда его не было тамъ, эти подложные документы кладутся между его бумагами, комната опять запирается. Немного спустя, Трифоновъ, какъ помощникъ градоначальника, который принялъ участіе во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, поощряемый своимъ министромъ Даскаловымъ, идетъ со своими агентами и беретъ эти подложные документы“.

Апокрифическій приказъ этотъ былъ датированъ 9 апр. 1922 г., изданъ въ г. Дубровникѣ и якобы скрѣпленъ начальникомъ штаба генераломъ Шатиловымъ. Въ письмѣ отъ 8 мая 1922 г. на имя полковника Топалджикова, генералъ Шатиловъ, доказывая его под-

---

*) Какъ извѣстно, коммунисты заявили открыто, что они „не ручаются за его безопасность“.

ложность, писалъ: „Ни генералъ Врангель, ни я, никогда въ Дубровникѣ не были, что можетъ быть Вами во всякое время провѣрено черезъ Вашу дипломатическую миссію въ Бѣлградѣ. Кромѣ того, до 10 апрѣля я былъ въ Софіи, что также легко провѣрить по книгамъ „Сплендидъ-Отеля", гдѣ я въ то время квартировалъ".

Однако, даже такія неопровержимыя данныя не остановили послѣдствій гнусной провокаціи.

Днемъ, 11 мая, въ отсутствіе генерала Кутепова, болгары произвели обыскъ у него на квартирѣ и избили дежурнаго офицера. Возбужденныя русскія части, стоявшія въ Тырново, выступили съ винтовками и пулеметомъ для охраны дачи Командира Корпуса. Прибывшій вмѣстѣ съ начальникомъ болгарскаго гарнизона генералъ Кутеповъ остановилъ готовое произойти столкновеніе. Оружіе пришлось отдать болгарамъ.

Вечеромъ, 12 мая, полковникъ Топалджиковъ пригласилъ генерала Кутепова по телефону прибыть въ Софію, давъ честное слово офицера, что ему гарантировано возвращеніе назадъ, въ Тырново, къ своимъ частямъ. Генералъ Кутеповъ повѣрилъ офицерскому слову—и былъ 13 мая арестованъ въ Софіи и, вмѣстѣ съ генераломъ Шатиловымъ и генераломъ Вязьмитиновымъ, высланъ изъ предѣловъ Болгаріи.

* * *

Положеніе русскихъ войскъ, морально потрясенныхъ арестомъ Командира Корпуса, было трагическое. Началась въ полномъ смыслѣ слова травля. Въ Тырново прибылъ Командующій Корпусомъ генералъ-лейтенантъ Витковскій. Центръ въ Софіи былъ разрушенъ, связи съ Главнокомандующимъ и съ Сербіей не было никакой. Изъ газетъ узнали о телеграммѣ Главнокомандующаго Предсѣдателю Совѣта Министровъ Стамболійскому.

Указавъ на измѣну болгарскаго правительства Россіи, спасшей народъ отъ турецкаго ига, измѣну, выразившуюся въ участіи въ войнѣ на сторонѣ ея противниковъ, генералъ Врангель телеграфировалъ:

„Радушно встрѣченные населеніемъ, русскіе люди воочію убѣдились, сколь чуждъ былъ болгарскій народъ предательству правительства страны.

Теперь болгарское правительство вторично толкаетъ народъ въ объятія смертельныхъ враговъ національной Россіи".

Указавъ далѣе, что „болгарское правительство въ сознаніи своего безсилія ищетъ опоры у тирановъ Россіи", онъ заканчивалъ телеграмму слѣдующими словами:

„Въ жертву имъ оно готово принести Русскую Армію.

Преслѣдуемые клеветой и злобой, русскіе воины могутъ быть вынуждены сомкнуть ряды вокругъ своихъ знаменъ.

Встанетъ вновь жуткій призракъ братоубійства — Богъ свидѣтель, что не мы вызвали его".

Телеграмма генерала Врангеля въ точности оправдалась: братская кровь пролилась ровно черезъ годъ, и русскимъ воинамъ пришлось „сомкнуть свои ряды". Но тогда телеграмма эта, конечно, не могла быть признана сигналомъ къ немедленному выступленію. Оставалась въ силѣ директива, что выступленіе возможно только тогда, когда будетъ совмѣстное дѣйствіе земледѣльцевъ и коммунистовъ; теперь этого не было — и коммунисты являлись только закулисными подстрекателями.

Связь прервалась не только съ центромъ, но даже съ отдѣльными частями. На поѣздахъ ловили и арестовывали русскихъ офицеровъ. Неожиданный арестъ генерала Кутепова создалъ задержку въ принятіи на мѣстѣ какого либо отвѣтственнаго рѣшенія, которая всякое дѣйствіе дѣлала теперь уже невозможнымъ.

Генералу Витковскому пришлось самостоятельно принимать мѣры къ выходу изъ создавшагося положенія, пока, съ большими трудностями, не прибыла новая директива Главнокомандующаго: при сложившихся обстоятельствахъ надлежало попытаться, не уходя изъ Болгаріи, возстановить положеніе, хотя бы цѣною полускрытаго существованія Арміи. Явный провалъ Генуэзской конференціи долженъ былъ заставить болгаръ быть болѣе уступчивыми; съ другой стороны, уходъ изъ Болгаріи, возможный только въ случаѣ его внезапности, теперь не могъ встрѣтить поддержки ни одного

изъ европейскихъ государствъ. Генералу Витковскому было предписано организовать въ возможно широкой мѣрѣ групповыя работы, чтобы перевести Армію на самообезпеченіе. Такая организація, напоминающая „рабочія артели", съ одной стороны сохраняла на болѣе долгій срокъ имѣющіяся средства, а съ другой — была наиболѣе удобной формой для полулегальнаго существованія Арміи. При этомъ было подчеркнуто, что „взаимоотношенія между чинами Арміи остаются старыя", и „временно оставивъ родные ряды, они остаются русскими воинами, чинами Русской Арміи". Сохранялась и внѣшняя эмблема Русской Арміи — военная форма.

* * *

Въ самый разгаръ успѣшно начатыхъ усилій по устройству русскихъ частей на работы (главнымъ образомъ, на минѣ Перникъ), послѣдовали, послѣ нѣкотораго перерыва, новыя гоненія.

Въ іюлѣ 1922 г. Верховнымъ Административнымъ Совѣтомъ было вынесено постановленіе: 1) о принудительномъ распыленіи русскихъ небольшими рабочими группами по 15—50 человѣкъ, съ подчиненіемъ этихъ группъ особымъ поставленнымъ лицамъ изъ болгаръ; 2) о высылкѣ изъ Болгаріи всѣхъ начальствующихъ лицъ; 3) объ уничтоженіи штабовъ и военной организаціи и 4) о полномъ разоруженіи „врангелистовъ".

Назначенный незадолго до этого начальникомъ штаба Главнокомандующаго генералъ Миллеръ былъ командированъ въ Болгарію и цѣною невѣроятныхъ усилій и исключительнаго такта ему удалось достигнуть компромисса, при которомъ постановленіе не приводилось въ дѣйствіе; но постановленіе не было отмѣнено — и висѣло надъ нами Дамокловымъ мечемъ.

Для его примѣненія болгарское правительство искало только повода и начало цѣлый рядъ провокацій.

Производились обыски „съ цѣлью отысканія оружія"; цѣлыя части изгонялись изъ казармъ; въ ночь на 16 августа въ В. Тырновѣ безъ всякаго повода былъ убитъ болгарскимъ солдатомъ юнкеръ Сергіевскаго

Артиллерійскаго Училища Лобода; въ воздухѣ носилась возможность террора.

Всего этого оказалось мало: Русская Армія не поддавалась на провокацію. Тогда былъ примѣненъ старый способъ — подложные документы, тѣмъ болѣе, что въ Тырновѣ собирался „Великій Соборъ" буржуазнаго блока, и правительство хотѣло, связавъ этими подложными документами Русскую Армію и буржуазныя партіи, однимъ взмахомъ распылить Русскую Армію и уничтожить ненавистный блокъ.

Какъ были составлены эти документы и какого они были содержанія — объ этомъ съ эпическимъ спокойствіемъ разсказываетъ обвинительный актъ комиссіи Добриновича:

„Къ концу мѣсяца іюля 1922 г. Чайкинъ и его товарищи нанимаютъ пишущую машину Леонида Джунковскаго, улица Аспарухъ номеръ 55, переписываютъ на ней подложные документы, будто бы исходящіе отъ генерала Врангеля и скрѣпленные начальникомъ штаба генераломъ Шатиловымъ, — генералу Миллеру и другимъ; подписи на нихъ (Врангеля, Шатилова и др.) поддѣланы юнкеромъ художникомъ каллиграфомъ Володей, который имѣлъ передъ собою настоящія ихъ подписи на другихъ бумагахъ.

Документы слѣдующіе: 1) Отъ 17 августа 1922 г. секретно, въ собственныя руки, Командующему 1-мъ Армейскимъ Корпусомъ (въ то время командующимъ этимъ корпусомъ былъ генералъ-лейтенантъ Витковскій, со своимъ штабомъ въ г. Тырново). Приказомъ производятся только распредѣленія должностей въ корпусѣ и замѣна однихъ начальствующихъ лицъ другими; цѣль его составителей была, чтобы повѣрили, что онъ не конспиративный. 2) Отъ того же числа за № 2642, г. Бѣлградъ, совершенно секретно, въ собственныя руки, адресованный генералъ-лейтенанту Миллеру, подписанный генераломъ Врангелемъ, какъ Главнокомандующимъ и начальникомъ штаба генералъ-маіоромъ Шатиловымъ (послѣдній — генералъ отъ-кавалеріи и въ то время не былъ начальникомъ штаба); имъ предписывается начальникамъ русскихъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Болгаріи, вступить въ переговоры

съ болгарскими буржуазными и военными партіями по вопросу о сформированіи новаго министерства, о переворотѣ и занятіи большихъ центровъ въ Болгаріи русской врангелевской арміей для того, чтобы Болгарія стала исходнымъ пунктомъ для войны съ совѣтской Россіей; въ новомъ министерствѣ (правительствѣ) военнымъ министромъ долженъ быть русскій генералъ, назначенный Врангелемъ; совмѣстно съ представителями болгарскихъ буржуазныхъ партій долженъ выработаться списокъ начальствующихъ лицъ въ Болгаріи, которые должны быть арестованы и преданы военно-полевому суду, составленному изъ русскихъ офицеровъ; немедленно представить генералу Врангелю планъ мѣстонахожденія важныхъ пунктовъ въ Софіи, какъ телеграфа, арсенала и др., которые должны быть заняты войсковыми частями при переворотѣ; представить ему же мобилизаціонный планъ всѣхъ русскихъ до 50 лѣтъ. 3) Отъ Начальника Штаба генерала Шатилова отъ 16 августа 1922 г. за № 2641, г. Сремски Карловцы, Командиру 1-го Корпуса (тогда былъ генералъ-лейтенантъ Витковскій, со штабомъ въ г. Тырново), совершенно секретно, въ собственныя руки, которымъ ему сообщается, что начальнику отряда русскихъ войскъ въ Галлиполи, генералъ-маіору Мартынову, Главнокомандующимъ былъ отправленъ слѣдующій приказъ: немедленно приготовиться къ походу, войти въ переговоры съ главнымъ французскимъ начальникомъ въ Галлиполи и съ начальникомъ Адріанопольской греческой дивизіи, по вопросу о безпрепятственномъ походѣ черезъ грекоболгарскую границу, пройти Свиленградъ и Хебибчево и соединиться съ Николаевскимъ Инженернымъ Училищемъ и кубанскими войсками изъ училища имени генерала Алексѣева и тронуться въ походъ черезъ Адріанополь, какъ только получится телеграмма — въ добрый путь — чтобы овладѣть Болгаріей. Примѣчаніе: генералъ Шатиловъ пересталъ быть начальникомъ штаба еще 27 марта 1922 г. по поданной имъ отставкѣ, которая принята того же числа приказомъ генерала Врангеля за № 242, который въ подлинникѣ прилагается при настоящемъ докладѣ; видно, что фальсификаторы не знали объ этомъ приказѣ. 4) Отъ Начальника Штаба

1-го Армейскаго Корпуса, полковника Бредова, отъ 24 августа 1922 г., безъ №, г. Тырново, начальнику контръ-развѣдывательнаго отдѣленія, совершенно секретно, въ собственныя руки, — которымъ ему предписывается, по приказанію Командира Корпуса, представить, самое позднѣе до 13 сентября этого же года, списокъ болгарскихъ военныхъ начальниковъ, которые относятся враждебно къ русской арміи, чтобы они были поставлены подъ постоянный надзоръ и, въ случаѣ необходимости, арестованы и преданы военно-полевому суду изъ офицеровъ русской арміи. 5) Отъ этого же Начальника Штаба, этого же числа, г. Тырново, вмѣсто № — раз., начальнику контрразвѣдывательнаго пункта Штаба 1-го Армейскаго Корпуса, совершенно секретно, въ собственныя руки, — предписывается ему, чтобы не позже 15 сентября этого же года представить ему для доклада Командиру Корпуса планъ важныхъ пунктовъ въ Софіи, какъ вокзалъ, арсеналъ, радіостанція, почта и телеграфъ, водопроводъ, казармы, станція электрическаго освѣщенія, министерства и другія учрежденія, между которыми жандармскія и полицейскія, которыя могли бы безболѣзненно перейти въ русскія руки; для этой цѣли — плана — начальникъ немедленно долженъ назначить своихъ сотрудниковъ".

Документы были поддѣланы, какъ видно изъ предыдущаго, грубо (полк. Бредовъ, напримѣръ, съ іюля мѣсяца находился въ г. Свищовѣ и не могъ 24 августа подписывать бумаги въ Тырновѣ); но подписи были сфабрикованы такъ хорошо, что нашъ военный представитель, генералъ Ронжинъ, не зная о содержаніи документа, склоненъ былъ признать ихъ за подлинныя.

Фотографическіе снимки съ этихъ документовъ тотчасъ появились въ печати. Произошло невиданное еще возмущеніе противъ Русской Арміи. При самомъ дѣятельномъ участіи большевистскаго агента, исключеннаго по суду бывшаго капитана Щеглова, производились по всей Болгаріи обыски и аресты. Всѣ старшіе начальники были арестованы и препровождены въ Софію, гдѣ провокаторъ Щегловъ позволилъ себѣ предложить генералу Витковскому отдать по корпусу приказъ о признаніи Совѣтовъ и переходѣ къ нимъ на

службу *). При участіи помощника градоначальника Трифонова, для возбужденія общественнаго мнѣнія, во дворъ Русскаго Посольства было подброшено „найденное" затѣмъ оружіе.

Главное Командованіе настаивало передъ болгарскимъ правительствомъ о производствѣ разслѣдованія и назначеніи суда надъ всѣми якобы скомпрометтированными генералами, въ увѣренности, что такимъ путемъ удастся доказать подложность документовъ.

Какъ тогда, когда французы пытались уничтожить Русскую Армію въ Галлиполи и на Лемносѣ, такъ и теперь пронеслась могучая волна протеста противъ „болгарскихъ звѣрствъ", какъ окрестило эту полосу гоненій русское офицерство**). Въ рѣзкомъ письмѣ на имя министра-предсѣдателя Стамболійскаго, подписанномъ рядомъ русскимъ организацій Парижа, выражался „категорическій протестъ противъ возмутительныхъ дѣйствій болгарскаго правительства въ отношеніи разселенныхъ по его же приглашенію въ Болгаріи сыновъ русскаго народа, который своею кровью добылъ свободу болгарскому народу". „Мы обращаемъ Ваше вниманіе,— говорилось въ письмѣ,— что коммунисты, тол-

*) Въ „весьма секретной" сводкѣ (корреспонденція чрезвычайнаго значенія 5584) „Заведывающего восточным отделом" коммунистической организаціи, товарища Пастухова, на имя политическаго отдѣла Р. С Ф. С. Р. въ Австріи и политическаго отдѣла Р. С. Ф. С. Р. въ Германіи, дѣятельность Щеглова не встрѣтила одобренія. „Деятельность Щеглова,—говорится въ сводкѣ,—за последнее время стала чрезвычайно развязной. В своих разговорах с Витковским он далеко превзошел те полномочия, какие ему были даны. Поэтому было бы желательным поспешить подыскать ему соответствующего заместителя по возможности изъ числа служащих берлинскаго отдела Г. П. У., как например, товарища Белозарева или Курдиченко, которые бывали в Болгарии и кроме того имеют связи в среде добровольческих офицеров. Излишняя болтливость Щеглова дала возможность врангелевскому штабу заранее предпринять шаги против мер воздействия, предположенных Болгарией по отношению к интернированным частям. В силу этого Даскалов в настоящий момент лишен возможности исполнить свои обещания по отношению к тырновскому району без осложнений с французской военной миссией, которая по настоянию Врангеля уже вошла с соответствующими представлениями к болгарскому правительству".

**) Подробное изложеніе событій можно найти въ монографіи: A. B. Off. „Memoire sur le mouvement communiste en Bulgarie, durant les années 1921 et 1922".

кающіе Васъ на эти преступныя по отношенію къ русскимъ дѣйствія, не вѣчны въ Россіи; близокъ ихъ конецъ. И тогда освобожденная Россія потребуетъ Васъ къ отвѣту, на который Вамъ уже не придется отмалчиваться"*). Россійскій посланникъ въ Софіи А. М. Петряевъ въ полномъ согласіи съ французскимъ посланникомъ г. Пико, принявшемъ самое ближайшее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ, оказалъ большое давленіе на Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Дипломатическій корпусъ категорически заявилъ, что ни о какой „высылкѣ въ совѣтскую Россію", какъ угрожали болгары, не можетъ быть и рѣчи.

Правительство должно было умѣрить свою коммунистическую услужливость. Однако, вмѣсто назначенія гласнаго суда, правительство выслало всѣхъ начальствующихъ лицъ и большое число русскихъ офицеровъ изъ предѣловъ Болгаріи.

Высланные нашли себѣ пріютъ въ Сербіи.

* * *

Насиліе, учиненное болгарскимъ правительствомъ надъ Русской Арміей, не погубило все же военной организаціи.

Были сняты погоны — эта внѣшняя эмблема, — но подъ бѣженскимъ платьемъ еще сильнѣе забилось сердце и еще острѣе почувствовалась необходимость — моральная и практическая — держаться вмѣстѣ, сохранять свою спайку и свой воинскій духъ. На мѣсто высланныхъ начальниковъ, въ тотъ же мигъ встали новые, ихъ замѣстители, чисто автоматически, согласно воинскаго устава. Всѣ знали, что если и они будутъ вы-

---

*) Протестъ подписали: отъ Русскаго Національнаго Комитета — М. Федоровъ и Ю. Даниловъ. Отъ Финансово-Промышленнаго Союза: С. Третьяковъ и Т. Бѣлозерскій. Отъ Комитета Представителей Русскихъ Банковъ въ Парижѣ — графъ В. Коковцевъ и Я. Савичъ, Отъ Союза Русскихъ Инженеровъ заграницей — П. Финисовъ и Н. Зурабовъ. Отъ Союза Русскихъ Офицеровъ Участниковъ Войны — К. Сычевъ. Отъ Союза Офицеровъ Генеральнаго Штаба — М. Суворовъ Отъ Русскаго Отдѣла Лиги Комбаттантовъ — П. Половцовъ. Отъ Юридическаго Общества — П. Старынкевичъ. Отъ Союза Русскихъ Адвокатовъ Заграницей — Мандельштамъ. Отъ Русскаго Парламент. К-та В. Гурко.

сланы,—ихъ мѣсто автоматически займется слѣдующими. Организація оставалась прежней; произошло только своеобразное „омоложеніе“ командnаго состава.

Весь этотъ командный составъ глубоко законспирировался. Корреспонденція направлялась по частнымъ адресамъ, въ формѣ личныхъ писемъ, приказанія передавались часто въ видѣ условнаго кода,—но организація жила и выполняла свою отвѣтственную задачу даннаго момента—устроить на работахъ тысячи людей, брошенныхъ судьбою въ самую мрачную обстановку.

Кромѣ нестерпимаго политическаго положенія, передъ всѣми частями была чисто матеріальная угроза. Остатокъ депонированнаго фонда въ 11.000.000 лева былъ болгарами арестованъ; большое количество принадлежащаго Арміи имущества было конфисковано; многія предпріятія боялись брать на работу русскихъ, изъ опасенія всякихъ осложненій. Ко всему этому — надвигалась зима.

Однако, и въ этихъ условіяхъ, воинская спайка не распалась. Въ распоряженіи начальниковъ частей оставался такъ-называемый „запасный паекъ“, дававшій возможность нетрудоспособнымъ и больнымъ кое-какъ перебиваться. Зарекомендовавшіе себя прекрасными работниками, русскіе, несмотря ни на что, получали работу.

Политическая обстановка тоже нѣсколько разсѣялась. На Лозаннской конференціи Стамболійскому дали понять, что игра болгарскаго правительства съ коммунистами не встрѣчаетъ сочувствія. Попытки представителя большевистскаго Краснаго Креста смущать наши части возвращеніемъ на родину окончательно провалились.

Наступалъ 1923 г.

* * *

Въ этотъ годъ „дружбашское правительство“ понесло наказаніе за свои многочисленныя преступленія.

Дѣйствующій въ полной конспираціи „Народный Сговоръ“—блокъ буржуазныхъ политическихъ партій—въ ночь съ 8 на 9 іюня арестовалъ все правительство. Болгарская армія оказалась на сторонѣ возставшихъ.

Стамболійскій и рядъ видныхъ земледѣльческихъ дѣятелей были убиты.

Единственный изъ остававшихся въ Болгаріи высшихъ чиновъ Русской Арміи, генералъ Ронжинъ, по приказанію Главнокомандующаго, подалъ 25 іюня 1923 г. новому Военному Министру Царства Болгарскаго докладную записку о положеніи русскихъ частей. Изложивъ исторію принятія Русской Арміи Болгаріей и нарисовавъ всю картину гоненій, ген. Ронжинъ писалъ:

„Привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ, господинъ Министръ, и въ лицѣ членовъ нынѣшняго Совѣта Министровъ Болгаріи новую власть, являющуюся символомъ законности и порядка, я имѣю честь покорнѣйше просить:

1) Реабилитировать всѣхъ чиновъ Русской Арміи въ формѣ особой декларації отъ имени правительства о томъ, что чины этой Арміи всегда были лойяльны по отношенію къ болгарской власти, никогда не вмѣшивались во внутреннія дѣла Болгаріи и ни въ какомъ заговорѣ въ ниспроверженіи бывшаго земледѣльческаго правительства съ блокомъ не участвовали.

2) Разрѣшить вернуться всѣмъ высланнымъ изъ Болгаріи, какъ невинно пострадавшимъ; списокъ ихъ при семъ прилагается *).

---

*) Въ спискѣ значатся: 1) генералъ-отъ-инфантеріи Кутеповъ, 2) генералъ-отъ-кавалеріи Шатиловъ, 3) ген.-лейт. Вязьмитиновъ, 4) Полковникъ Алатырцевъ, 5) ген.-м. Георгіевичъ, 6) ген.-м. Федоровъ, 7) полк. Гордіенко, 8) ген.-м. Икишевъ, 9) ген.-м. Штейфонъ, 10) ген.-л. Миллеръ, 11) ген.-л. Витковскій, 12) ген.-л. Репьевъ, 13) ген.-м. Кельнеръ, 14) ген.-м. Сниткинъ, 15) ген.-м. Бредовъ, 16) полк. Лукошковъ, 17) ген.-м. Пешня, 18) ген.-м. Туркулъ, 19) ген.-м. Манштейнъ, 20) полк. Хабаровъ, 21) ген.-м. Зинкевичъ, 22) ген.-м. Шведовъ, 23) ген.-м. Фокъ, 24) ген.-м. Ерогинъ, 25) ген.-м. Илляшевичъ, 26) ген.-м. Ползиковъ, 27) ген.-м. Эрдманъ, 28) полк. Осиповъ, 29) ген.-м. Буровъ, 30) ген.-м. Казьминъ, 31) ген.-м. Градовъ, 32) Полк. Марковъ, 33) ген.-м. Власенко, 34) ген.-л. Абрамовъ, 35) полк. Ясевичъ, 36) ген.-л. Татаркинъ, 37) полк. Зиминъ, 38) ген.-м. Лобовъ, 39) полк. Афанасьевъ, 40) ген.-м. Максимовъ, 41) полк. Чарвиновъ, 42) ген.-м. Поповъ, 43) полк. Сорокинъ, 44) корнетъ Аксеновъ, 45) поручикъ Думбадзе, 46) подпор. Даватцъ, 47) шт.-кап. Рыбинскій, 48) шт.-кап. Бровковичъ, 49) полк. Краснописцевъ, 50) подполк. Федоровскій, 51) ген.-м. Россійскій, 52) полк. Сергѣевскій, 53) полк. Антоновъ, 54) полк. фонъ Эссенъ, 55) полк. Ивановъ, 56) полк. Рейсъ, 57) подполк. Котляръ, 58) подполк. Щепинъ.

3) Возвратить всѣ принятые при различныхъ обыскахъ бумаги и документы, какъ не содержащіе въ себѣ ничего преступнаго и въ то же время имѣющіе для насъ историческое значеніе, и

4) Возстановить насъ во всѣхъ правахъ, которыми мы имѣемъ право пользоваться, согласно договору, заключенному нами при переѣздѣ въ Болгарію".

* * *

Несмотря на полное сочувствіе совершающемуся перевороту, всѣ наши части остались въ полной мѣрѣ нейтральными. Привожу цѣлый рядъ донесеній. Изъ Орханіе писали: „Несмотря на полную нашу непричастность къ случившемуся, есть свѣдѣнія, что насъ все же въ нѣкоторыхъ кругахъ считаютъ соучастниками и, если послѣдуетъ контръ-переворотъ, особенно съ участіемъ коммунистической партіи, то чувство самосохраненія, вѣроятно, заставитъ и насъ выступить, даже, если бы мы этого не хотѣли". Изъ Горно-Паничерово доносили: „Мы вездѣ руководствовались ранѣе бывшимъ приказомъ Главнокомандующаго. Во многихъ мѣстахъ большевики обвиняютъ русскихъ въ участіи въ переворотѣ, что, къ сожалѣнію, не лишено иногда основаній; но со стороны чиновъ Арміи этого замѣчено не было". Изъ Пловдива сообщаютъ: „Въ первые дни переворота были приглашенія со стороны отдѣльныхъ болгарскихъ офицеровъ и намъ взяться за оружіе для поддержанія новаго правительства, но мы на это отвѣчали, что это ихъ чисто внутреннія дѣла и что русскимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться". Въ Бургасѣ на аналогичное предложеніе генералъ Грековъ заявилъ, что „безъ разрѣшенія генерала Врангеля онъ не можетъ начать формированія дружинъ изъ русскихъ". „На прощанье, — говорилось въ донесеніи, — собесѣдникъ улыбаясь спросилъ: „Ну, а если въ городѣ выступятъ коммунисты, можемъ ли мы тогда разсчитывать на ваше содѣйствіе?" На это старшій корниловской группы ему отвѣтилъ, что коммунисты — наши исконные враги и, въ случаѣ ихъ возстанія, чины Арміи едва ли могутъ остаться безучастными зрителями".

Нужно поистинѣ удивляться выдержкѣ русскихъ войскъ при этихъ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ. Едва ли нужно говорить, какая ненависть окружала имена падающаго правительства и какъ трудно было этимъ „ландскнехтамъ", какъ любятъ выражаться наши лѣвые недоброжелатели, удержаться на нейтральной позиціи и остаться вѣрными приказу Главнокомандующаго.

Но во всѣхъ этихъ донесеніяхъ чувствуется тревога за будущее. Всѣми чувствуется ожиданіе того момента, когда оставаться нейтральными станетъ невозможно. Одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, профессоръ К. Н. Соколовъ, пишетъ генералу Шатилову 6 іюля 1923 г.: „Въ странѣ полное спокойствіе, но масса взрывчатаго матеріала, и осенніе мѣсяцы будутъ критическими. Въ случаѣ контръ-переворота насъ всѣхъ, и штатскихъ, и военныхъ, просто и безъ остатка перерѣжутъ".

* * *

Тревожный прогнозъ этотъ оправдался уже въ концѣ сентября, когда по всей Болгаріи началось выступленіе коммунистовъ, переходящее порою въ настоящіе бои; но тутъ уже былъ открытый врагъ — и имѣлась директива Главнокомандующаго.

Русскія части спѣшно организовали отряды самообороны и по заранѣе подготовленному плану стянули работавшихъ въ опредѣленные сборные пункты, вооружаясь, какъ возможно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требовали обстоятельства, русскія части уже были способны оказать сопротивленіе.

Особенно тяжелое положеніе создалось на сѣверозападѣ Болгаріи, въ районѣ Бѣлоградчика, гдѣ располагался Марковскій полкъ подъ командованіемъ генералъ-маіора Пешни. Къ вечеру 23 сентября коммунисты повсемѣстно захватили власть въ свои руки и объявили совѣтскую республику. Генералъ Пешня, въ предвидѣніи этого, подробно разработалъ планъ самообороны и намѣтилъ частные сборные пункты для работающихъ въ различныхъ районахъ: по этому плану, собравшись въ отдѣльныхъ пунктахъ, марковцы должны были итти

крупными партіями на соединеніе съ полкомъ въ г. Бѣлоградчикѣ.

Болгарскій гарнизонъ въ Бѣлоградчикѣ насчитывалъ всего 30 человѣкъ и фактически былъ безсиленъ. Генералу Пешнѣ со своими марковцами приходилось разсчитывать на собственныя силы. Городъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ возставшими коммунистами; оставалась только связь по направленію къ г. Видину. Генералъ Пешня сформировалъ отрядъ русскихъ изъ 400 человѣкъ, въ которомъ находился двухъ-орудійный гаубичный взводъ, и, оставивъ небольшую охрану въ городѣ, выступилъ изъ него на соединеніе съ прочими частями полка въ районѣ Вратцы.

Въ охваченномъ возстаніемъ районѣ генералъ Пешня собиралъ отдѣльныя группы марковцевъ, не успѣвшихъ соединиться, и направился на Видинъ.

Группа марковцевъ въ количествѣ 21 человѣка въ раіонѣ Рахово два дня защищала городъ подъ командованіемъ капитана Керна, но, уступая силѣ, погрузилась на австрійскій пароходъ и была перевезена въ Видинъ, гдѣ влилась въ организованный русскій отрядъ подъ командой генералъ-маіора Курбатова. Отрядъ этотъ двинулся по желѣзной дорогѣ и соединился на станціи Брусарцы съ ядромъ генерала Пешни.

Генералъ Пешня обладалъ теперь уже значительными силами и имѣлъ возможность не только отбить всѣ атаки коммунистовъ, но очистить весь раіонъ. Возстаніе, быстро распространившееся, было столь же быстро и энергично ликвидировано.

То же произошло въ цѣломъ рядѣ другяхъ мѣстъ, гдѣ наши части, собираясь вокругъ старшихъ офицеровъ, неизмѣнно одерживали верхъ. Правительственныя болгарскія войска, хотя и крайне ничтожныя по численности, вслѣдствіе требованія Нейльскаго договора, проявляли высокія боевыя качества и преданность новому правительству. Красному знамени не удалось развернуться надъ Болгаріей.

Злое сѣмя, посѣянное Стамболійскимъ на болгарской землѣ, и его преступная связь съ большевиками дали ядовитые плоды. Плоды эти были вырваны. Слова генерала Врангеля, что „прольется братская“ кровь и

русскія части принуждены будутъ „сомкнуть свои ряды“ —блестяще оправдались. Но, „сомкнувъ ихъ“, они также скромно разомкнули эти ряды и, по прекращеніи опасности, разошлись по своимъ работамъ.

„Счастливъ отмѣтить,—писалъ генералъ Врангель въ приказѣ 16 октября 1923 г.,—что въ эти тяжелые дни всѣ гг. офицеры, солдаты и казаки снова проявили полную выдержку и самообладаніе, въ точности выполняя указанія мои о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла пріютившей ихъ страны и въ то же время, по мѣрѣ силъ, мужественно защищая находящихся при частяхъ женщинъ, дѣтей и инвалидовъ въ часы опасности.

Горячо благодарю всѣхъ дорогихъ соратниковъ, выполнявшихъ беззавѣтно свой долгъ.

Отдѣльную благодарность приношу славнымъ марковцамъ во главѣ съ доблестнымъ генераломъ Пешней, мужественной защитѣ которыхъ многія русскія семьи обязаны жизнью“.

* * *

Послѣ подавленія коммунистическаго мятежа жизнь русскихъ частей вошла въ обычную трудовую норму.

Болгарское правительство удовлетворило просьбу генерала Ронжина. Разслѣдованіе преступленій дружбашскаго правительства, завершившееся заключеніемъ комиссіи г. Добриновича, сняло съ русскихъ несправедливое обвиненіе и закончилось преданіемъ дѣйствительныхъ виновниковъ болгарскому суду. Арестъ съ имущества и денежныхъ вкладовъ въ Болгарскій Банкъ былъ снятъ. Высланные начальники получили разрѣшеніе вернуться къ своимъ частямъ.

И всѣ эти „болгарскія звѣрства“ еще болѣе спаяли чиновъ Арміи другъ съ другомъ и дали еще новый запасъ сопротивляемости противъ ударовъ судьбы.

ГЛАВА X.

ПО ЛИЦУ ЗЕМЛИ.

Третій періодъ жизни Русской Арміи. Переходъ на самообезпеченіе. Русскій Обще-Воинскій Союзъ. Работа по организаціи Русской Арміи. Разселеніе по различнымъ странамъ. Финансовыя основы. Организація связи. Бытъ русскихъ частей. Русскій Флотъ. Легенда о Делосѣ. „Человѣческій документъ".

Второй періодъ жизни Русской Арміи — періодъ подготовки къ переходу на трудовое положеніе — можно считать законченнымъ послѣ наступленія спокойствія въ Болгаріи. Для Сербіи онъ начался еще раньше; но болгарскія событія не давали возможности закрѣпиться новымъ формамъ и начать третій періодъ — переходъ Арміи на самообезпеченіе.

„Самообезпеченіе" Арміи вовсе не знаменуетъ собою такого состоянія, когда всѣмъ отдѣльнымъ чинамъ ея обезпеченъ минимумъ средствъ къ существованію. Дать русскимъ воинамъ возможность своимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ — было одной изъ насущнѣйшихъ задачъ Главнаго Командованія; но это была главная, но не главнѣйшая задача. Армія не могла превратиться въ посредническую контору, или биржу труда; помощь отдѣльнымъ лицамъ не могла сдѣлаться самоцѣлью. Сохраняя основу каждой арміи — человѣческій матеріалъ — Главное Командованіе, разъ оно не отказалось отъ мысли о значеніи Арміи, должно было забо-

ПОСЛѢ НЕУДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКАГО ВЫСТУПЛЕНІЯ ВЪ БОЛГАРІИ (сентябрь 1923).

Молебенъ въ Бѣлградчикѣ.

Возвращеніе Марковцевъ въ Бѣлградчикъ.

титься прежде всего о сохраненіи всей организаціи.

Сама организація могла и должна была принимать новыя формы, въ зависимости отъ внѣшней обстановки. Подобно тому, какъ во время боя, походная колонна развертывается въ резервную, замѣняется линіей колоннъ, переходитъ въ развернутый строй и заканчивается разсыпнымъ строемъ, — такъ и во время этого тягчайшаго боя въ обстановкѣ изгнанія, пришелъ моментъ принять разсыпной строй.

Для посторонняго зрителя, на котораго дѣйствуетъ видъ военныхъ перестроеній, разсыпной строй можетъ показаться безпорядкомъ: но онъ тѣмъ и отличается отъ неорганизованной толпы, что предоставляя свободу личной иниціативы, онъ сохраняетъ, не менѣе походной колонны, общее управленіе надъ людьми.

То, что было заложено въ Галлиполи и на Лемносѣ, то, что было закалено въ борьбѣ съ коммунистическимъ натискомъ въ Болгаріи, наконецъ, то, что пріобрѣталось въ тяжеломъ повседневномъ трудѣ, — все это позволяло уже не безпокоиться за прочность военной спайки. Всѣ эти лица уже не нуждались больше въ казарменномъ режимѣ. Смотря по обстоятельствамъ, имъ можно было придавать различную организацію, начиная отъ чисто полковой организаціи отдѣльныхъ рабочихъ группъ въ Сербіи, переходя къ формѣ рабочихъ артелей и кончая совершенно свободными студенческими землячествами.

Но воинскими частями, прибывшими изъ Крыма, не ограничивалась Русская Армія. Кромѣ нея, по лицу земли, были разбросаны русскіе офицеры и солдаты, принимавшіе участіе въ противобольшевистской борьбѣ на другихъ фронтахъ, или совсѣмъ не принимавшіе въ ней участія,—но являющіеся такими же чинами Русской Арміи.

Они, какъ отдѣльныя лица, были брошены въ водоворотъ жизни. Они, естественно, сразу же окунулись въ эту жизнь, сразу же захлестнулись интересами окружающей среды. Каждый изъ нихъ оста-

вался попрежнему воинскимъ чиномъ; но всѣ вмѣстѣ, они не представляли изъ себя воинской организаціи.

Однако и въ этой обстановкѣ они неизмѣнно стремились другъ къ другу и образовывали слабые профессіональные военные союзы. Учитывая это и придавая значеніе возможно большему единообразію въ ихъ конструкціи, уже въ апрѣлѣ 1921 г. былъ утвержденъ Главнокомандующимъ „нормальный уставъ" и военнымъ представителямъ разныхъ странъ дано заданіе—не только содѣйствовать образованію союзовъ, но и объединять ихъ по каждой странѣ общимъ руководствомъ.

Въ письмѣ генералу Шатилову еще отъ 26 сентября 1923 г. генералъ Врангель такъ обрисовываетъ значеніе союзовъ: „...Армія, нашедшая себѣ пріютъ на Балканахъ, нынѣ стала на ноги, за участь ея мы можемъ быть спокойны. Вокругъ нея надо собрать тѣхъ воиновъ, которые разсѣяны по всему міру. Въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ того, какъ наше изгнаніе будетъ длиться и чины Арміи въ поискахъ работы будутъ постепенно оставлять ряды родныхъ частей и, прибывая въ ту или иную страну, входить въ офицерскіе союзы, это различіе между собственно Арміей и объединеннымъ въ союзы офицерствомъ будетъ сглаживаться".

Союзы мало-по-малу крѣпли—и, конечно, не могли не тянуться къ основному ядру Русской Арміи. Ядро это явилось могучимъ объединяющимъ и организующимъ центромъ. Но на пути къ этому объединенію встали значительныя препятствія.

Препятствія эти были двухъ родовъ: внутренняго и внѣшняго.

Внутреннія препятствія проистекали отъ условій самого образованія Союзовъ. Они возникли въ совершенно мирныхъ гражданскихъ условіяхъ жизни и, естественно, восприняли многое, что не укладывалось въ рамки военной организаціи, несмотря ни на какіе уставы: между формами совершенно свободной ассоціаціи и формами воинской жизни должно было быть внутреннее несогласіе.

Внѣшнее препятствіе состояло въ томъ, что военные союзы легко подпадали подъ вліяніе политической

агитаціи извнѣ: изъ воинскихъ частей они превращались въ политическіе клубы.

Передъ Главнымъ Командованіемъ встала задача: приблизить формы жизни союзовъ къ воинскому укладу и тѣмъ сдѣлать возможнымъ широкое объединеніе всѣхъ воинскихъ чиновъ заграницей.

Приказъ № 82, о которомъ шла рѣчь выше, былъ вызванъ, именно, этими обстоятельствами. Приказъ этотъ ограждалъ союзы отъ вліянія политическихъ группировокъ и впервые примѣнялъ къ независимымъ общественнымъ организаціямъ воинское приказаніе.

Мы уже видѣли, какъ послѣ нѣкоторой борьбы привычное чувство офицеровъ одержало верхъ надъ непривычнымъ чувствомъ гражданской свободы: приказъ былъ принятъ подавляющимъ числомъ союзовъ. Но съ того момента, какъ онъ былъ принятъ, уничтожалась принципіальная грань, раздѣляющая двѣ части Русской Арміи.

Оставалось углубить и закрѣпить новое положеніе, и 1 сентября 1924 г. былъ отданъ приказъ объ образованіи Русскаго Обще-Воинскаго Союза.

Въ Русскій Обще-Воинскій Союзъ включались всѣ воинскія части и воинскіе союзы и общества, принявшіе къ исполненію приказъ № 82, а также тѣ, которые въ будущемъ пожелали бы присоединиться къ объединенію.

Внутренняя жизнь, регламентируемая уставомъ отдѣльныхъ обществъ, сохранялась въ силѣ; Русскій Обще-Воинскій Союзъ, какъ бы объединялъ всѣ воинскія организаціи.

Въ своемъ административномъ управленіи Союзъ дѣлился на Отдѣлы, во главѣ котораго становились начальники Отдѣла, непосредственно подчиненные Главнокомандующему, которымъ давалось общее руководство по дѣятельности Отдѣловъ.

Такимъ образомъ устанавливалось существенно новое положеніе, которое несомнѣнно было присуще офицерскимъ организаціямъ, но которое не фигурировало ни въ одномъ изъ уставовъ. По этимъ уставамъ, выбранный предсѣдатель являлся только исполнительнымъ органомъ избравшаго его коллектива; теперь возможны

были общія указанія, и идущія не снизу, но сверху.

Такое переходное — и внутренне противорѣчивое положеніе — продолжалось до приказа Верховнаго Главнокомандующаго, приравнявшаго военные союзы къ воинскимъ частямъ. Согласно этому приказу предсѣдатели офицерскихъ союзовъ назначались властью Верховнаго Главнокомандующаго: принципъ выборности замѣнился постепенно принципомъ назначенія *).

Въ руки Великаго Князя переходила теперь военная организація, съ такимъ большимъ трудомъ, сохраненная среди всеобщаго распыленія.

* * *

Для того, чтобы завершить большое дѣло объединенія, потребовалась планомѣрная, упорная и продолжительная работа.

Случайныя средства Главнаго Командованія истощились къ осени 1922 г.; ликвидація къ этому времени Ссудной Казны давала возможность впервые составить смѣтныя предположенія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и расходную смѣту на періодъ съ 1 октября 1922 г. до 1 апрѣля 1924 г. Однако практически смѣта утверждалась только на ближайшіе четверть года — и въ каждый послѣдующій періодъ проводились новыя и новыя сокращенія.

Уже къ осени 1922 г. почти всѣ чины Арміи стали на работу, но дальнѣйшее проведеніе въ жизнь намѣченнаго плана не прекращалось, и 16 апрѣля 1923 г. начальнику штаба Главнокомандующаго генералу Миллеру было дано предписаніе „... въ срочномъ порядкѣ разработать мѣры для постепеннаго перехода работающихъ чиновъ Арміи на самообезпеченіе; намѣтить сообразно съ условіями работъ обязательныя отчисленія съ заработной платы для образованія капиталовъ больничныхъ, страховыхъ, организаціонныхъ и т. д.; разработать положеніе о кассахъ взаимопомощи, взаимнаго кредита, сберегательныхъ и т. д. Въ зависимости отъ

*) Изъ общаго числа военныхъ союзовъ исключенъ только Союзъ Военныхъ Инвалидовъ, какъ организація чисто-гуманитарная.

условій работъ и государства, гдѣ работаютъ чины Арміи, мѣры эти могутъ быть разнообразны, но въ конечномъ итогѣ должны привести къ тому, чтобы въ ближайшее время и по возможности не позже какъ къ веснѣ будущаго года, всѣ части Арміи стали бы полностью на ноги".

Во исполненіе указаннаго предписанія стали копиться суммы про черный день. Отпускаемыя Главнокомандующимъ въ распоряженіе начальниковъ войсковыхъ группъ суммы на хозяйственныя нужды частей, на помощь безработнымъ и т. д. были обращены въ „предѣльныя": неиспользованные кредиты возвращенію Главному Командованію не подлежали, оставлясь въ распоряженіи старшихъ начальниковъ и составляя такъ называемыя „хозяйственныя суммы" войсковыхъ группъ.

Эти суммы давали возможность, въ случаѣ сокращенія или прекращенія казенныхъ отпусковъ на ту или иную надобность, покрывать наиболѣе насущныя нужды.

Изъ этихъ же суммъ въ дальнѣйшемъ частично покрывался расходъ по содержанію кадроваго состава частей, такъ какъ содержаніе это за счетъ работы чиновъ части признавалось недопустимымъ, и этотъ принципъ строго проводился въ жизнь.

Одновременно накапливались капиталы и въ самихъ частяхъ. Суммы эти были двухъ родовъ.

Части, стоящія на работахъ, обязаны были дѣлать опредѣленныя отчисленія въ особый капиталъ, являющійся собственностью самихъ вкладчиковъ. Это были своего рода сберегательныя кассы; но вкладчикъ, пока онъ состоялъ въ части, лишенъ былъ возможности свободнаго пользованія этими деньгами. Командиръ части являлся до нѣкоторой степени опекуномъ надъ такимъ вкладчикомъ и, выдавая деньги въ случаѣ безработицы, болѣзни и пр., могъ отказать къ выдачѣ по первому немотивированному требованію. Деньги возвращались обязательно только лицамъ, уходящимъ изъ части совершенно *).

*) Подобные капиталы существовали и въ мирное время въ Русской Арміи, въ казачьихъ полкахъ, и носили названіе „ремонтныхъ".

Второй видъ суммъ состоялъ изъ обязательныхъ взносовъ, которые не составляли уже собственности частныхъ лицъ, а являлись собственностью части. Эти обязательные взносы въ различныхъ мѣстахъ установлены различно. Въ частяхъ 1-го Корпуса установленъ единообразный ежемѣсячный взносъ*). Въ кавалеріи и казачьихъ частяхъ взносъ этотъ опредѣляется различно, по мѣсту и доходности работъ, и измѣняется съ измѣненіемъ этихъ условій.

Накопленіе всѣхъ этихъ суммъ давало возможность въ случаѣ временнаго прекращенія работъ обезпечивать перевозку рабочихъ группъ съ одного мѣста на другое, оборудовать, гдѣ это является необходимымъ, околодки, оказывать помощь отдѣльнымъ безработнымъ, временно потерявшимъ трудоспособность, поддерживать связь, давать информацію и пр.

Странное и трогательное явленіе: чины Арміи не получающіе содержанія, но вносящіе свои взносы за великую честь состоять въ ея рядахъ!

* * *

По мѣрѣ того, какъ части переходили на трудовое положеніе, отдѣльные чины и группы разъѣзжались въ поискахъ работы въ другія страны. По условіямъ рынка труда такое дробленіе было совершенно необходимо для нахожденія работы; иногда это создавало даже возможность полученія болѣе выгодныхъ условій.

Благодаря содѣйствію Главнаго Командованія, въ различныя страны Европы, главнымъ образомъ, Францію, были перевезены на работы большія партіи, по возможности цѣлыми частями. Отдѣльныя лица, переѣзжающія благодаря личнымъ хлопотамъ и собственной иниціативѣ, попадая на новыя мѣста, съ особой радостью соединялись со своими однополчанами и входили въ ту организацію, которая охватила теперь всѣ мѣста, гдѣ работаютъ офицеры и солдаты Русской Арміи.

Изъ Польши были вывезены, наконецъ, остатки

*) По донесенію генерала Витковскаго, процентъ вносящихъ колеблется отъ 32 проц. до 77 проц. списочнаго состава. Процентъ этотъ не имѣетъ тенденціи къ пониженію.

той III Арміи, которая начала свое формированіе въ послѣдніе мѣсяцы обороны Крыма, была затѣмъ интернирована и невыносимо страдала послѣ заключенія Рижскаго мирнаго договора и паденія Крыма. Положеніе ея было нестерпимо. Многіе были заключены въ контцентраціонные лагери вмѣстѣ съ плѣнными красноармейцами и послѣ подписанія мира и обмѣна военно-плѣнными рисковали быть отправленными въ совѣтскую Россію. На положеніи „опекуна", пользующагося большими связями благодаря близости къ Главѣ Государства маршалу Пилсудскому, стоялъ Борисъ Савинковъ съ особымъ полусоціалистическимъ комитетомъ. Дисциплина падала, а жизненныя условія ухудшались. Постановка на работы этихъ частей была воспринята ими, подобно выходу изъ плѣна.

Кромѣ Франціи, групповыя работы организовались въ Бельгіи—и вездѣ устанавливалась та дисциплина, которая такъ выгодно отличала русскихъ рабочихъ даже среди предпринимателей.

Всюду налаживалась связь, ибо и въ новомъ рабочемъ видѣ, Армія должна была оставаться неизмѣнной.

* * *

Въ то время, какъ въ Болгаріи и Сербіи роль объединяющаго рабочія группы облегчалась извѣстной инерціей и старой привычкой къ установившимся отношеніямъ, въ другихъ странахъ приходилось прилагать особыя усилія, чтобы не дать затеряться отдѣльнымъ прибывшимъ лицамъ, или даже цѣлымъ небольшимъ партіямъ.

Обычно, по прибытіи въ ближайшіе пограничные города, партіи разбивались на нѣсколько группъ и направлялись по различнымъ предпріятіямъ. Если предпріятія эти не имѣли еще на своей территоріи нашихъ военныхъ организацій, то такія маленькія партіи легко могли затеряться. Типичная рабочая среда, рабочая жизнь врывались какимъ-то новымъ враждебнымъ потокомъ,— и ощущеніе оторванности, тяжелый и безпросвѣтный трудъ создавали пониженное и угнетенное настроеніе.

Приходилось „разыскивать“ такихъ, случайно затерявшихся. Дѣлалось это опросомъ различныхъ лицъ, прибывающихъ въ крупные пункты по своимъ личнымъ дѣламъ, путемъ частной переписки, путемъ спеціальной командировки начальниковъ армейскихъ рабочихъ группъ въ промышленные районы и т. д.

Нахожденіе такихъ „утерянныхъ“ и пріобщеніе ихъ къ общей организаціи сразу поднимало и бодрость и самочувствіе. Назначался начальникъ такой затерявшейся группы. Ему давались инструкціи—и новая ячейка была создана.

Кромѣ общаго идейнаго значенія такихъ организацій, сразу учитывалось и ихъ практическое значеніе. Начальники рабочихъ группъ единогласно отмѣчаютъ то исключительно сильное и благопріятное впечатлѣніе, которое производитъ на администрацію промышленныхъ предпріятій организованность и дисциплинированность русскихъ рабочихъ группъ. Является совершенно обычнымъ, что просьбы отдѣльныхъ чиновъ группы, заявленныя черезъ начальника группы, почти не встрѣчаютъ отказа, въ то время, какъ просьбы отъ своего имени часто не удовлетворяются.

Администрація предпріятій, видя организованность русскихъ рабочихъ группъ, очень часто выражаетъ готовность итти на значительныя матеріальныя траты, если только онѣ имѣютъ цѣлью улучшить обстановку всей группы. Были случаи, когда по просьбѣ начальника группы ассигновывались крупныя суммы на пополненіе библіотекъ русскими книгами, оборудовались домовыя церкви и священнику давалось отъ завода довольствіе и квартира.

Кромѣ этого, отдѣльныя организованныя группы получали информацію, помощь при созданіи своихъ библіотекъ, при желаніи перевестись на другое мѣсто на работу, при просьбахъ объ оказаніи юридическаго совѣта и т. д. Все это уже практически содѣйствовало укрѣпленію организаціи.

И такими группами покрыта вся Европа, и кажется нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ не было бы такихъ „опорныхъ пунктовъ“ Русской Арміи.

Если въ первое время, пока не окрѣпло ядро, было такъ важно сохранить части по возможности въ одномъ мѣстѣ, то теперь уже не было опасности „распыленія", котораго такъ жаждалъ г. Милюковъ. Главное Командованіе уже само стремилось разсосредоточить Армію по различнымъ странамъ въ лучшихъ условіяхъ работы.

Еще 18 іюля 1923 г. Главнокомандующій въ циркулярномъ предписаніи старшимъ начальникамъ указывалъ на необходимость „дальнѣйшаго разсосредоточенія Арміи съ цѣлью улучшенія условій жизни и работы". Въ подобномъ же предписаніи 28 марта 1924 г. вновь подтверждается, что „намъ отнюдь не слѣдуетъ опасаться дальнѣйшаго неизбѣжнаго разсосредоточенія Арміи, отъѣзда отдѣльныхъ лицъ и группъ на работы въ самыя отдаленныя государства. Физическое разрѣженіе Арміи не страшно. Духовная сплоченность ея остается недоступной для какихъ-либо внѣшнихъ ударовъ. Это положеніе необходимо внѣдрять въ сознаніе подчиненныхъ вамъ начальниковъ и младшихъ чиновъ". Наконецъ, въ предписаніи 24 марта 1925 г. указывается, что „какъ показалъ опытъ, переброшенные во Францію и Бельгію кадры частей не только не уменьшились численно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и возросли, включивъ въ себя и часть тѣхъ чиновъ, которые, не выдержавъ тяжелыхъ условій работы на Балканахъ, временно оставили ряды родныхъ частей; въ новыхъ условіяхъ работы, во много разъ болѣе легкой и лучше оплачиваемой, они получили возможность соединиться со своими соратниками", а потому начальникамъ войсковыхъ группъ на Балканахъ предлагалось „принять мѣры, способствующія переброскѣ съ Балканъ войсковыхъ частей".

Съ учрежденіемъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза, войсковыя части, рабочія группы и отдѣльныя лица, которыя состояли въ какомъ-либо офицерскомъ союзѣ, были объединены—и такимъ образомъ повсемѣстно осуществлялась связь между всѣмъ зарубежнымъ воинствомъ.

* * *

О жизни Русской Арміи въ новомъ „рабочемъ видѣ"—можно составить представленіе какъ по многочисленнымъ письмамъ, такъ и по той информаціи, изданіе которой вмѣнено въ обязанность начальникамъ частей.

Письма другъ къ другу стали большой потребностью. Устроившійся болѣе или менѣе хорошо въ большинствѣ случаевъ тянетъ за собою своихъ друзей и однополчанъ. Такимъ образомъ процессъ устройства прочными группами облегчается естественнымъ стремленіемъ сохранить прежнюю связь.

Изъ писемъ можно установить общую картину, которая съ несомнѣнностью говоритъ за то, что вездѣ сохраняется военная спайка и что вездѣ люди живутъ сознаніемъ того, что жизнь ихъ рано или поздно будетъ нужна родинѣ. Это проглядываетъ во всѣхъ безъ исключенія письмахъ, даже самыхъ пессимистичныхъ. Даже въ минуты отчаянія (вѣдь и такія бываютъ!), отчаяніе происходитъ не оттого, что тяжело жить, что тянутся дни изгнанія, а отъ страха за то, что эти годы рабочей жизни въ какихъ-нибудь шахтахъ, такой далекой отъ нормальнаго воинскаго быта, могутъ поколебать нравственные устои, столь нужные для будущей службы Россіи. Развѣ такія пессимистическія письма не должны возбуждать самый опредѣленный оптимизмъ?

Но для такихъ пессимистическихъ страховъ нѣтъ никакихъ основаній. Теперь, черезъ столько лѣтъ, можно уже смѣло сказать, что моральный обликъ Русской Арміи остался прежнимъ и духъ непоколебимымъ.

Вотъ выдержки изъ письма одного подпрапорщика, работающаго въ селѣ Кричимѣ (Болгарія). „Праздники встрѣтили группами, что доказываетъ, что не ослабѣла еще наша спайка. Всѣ находящіеся въ Кричимѣ дроздовцы и алексѣевцы объединились и провели сочельникъ и первый день праздника вмѣстѣ за общей трапезой. Встрѣча новаго года была еще многолюднѣй: присоединились нѣсколько человѣкъ, находящихся на бѣженскомъ положеніи. Пили здравицу за Многострадальную Родину Нашу, за Верховнаго Вождя и Главнокомандующаго — и всѣхъ, кому дорога Великая Россія". Студентъ-сергіевецъ изъ Праги пишетъ: „Отрадно замѣтить, что вновь прибывающіе сергіевцы сейчасъ

же получаютъ отъ своихъ однокашниковъ рѣшительно все: пріютъ, совѣты, помощь; его накормятъ, помогутъ устроиться и даже, если есть, дадутъ и денегъ. По выраженію капитана К., онъ „ѣхалъ все время отъ сергіевцевъ къ сергіевцамъ — Станимака, Пловдивъ, Софія, Ломъ, Прага, Пшибрамъ". Въ Прагѣ всѣ сергіевцы живутъ въ одномъ мѣстѣ". Изъ Франціи пишутъ: „Значительная партія корниловцевъ, во главѣ съ капитаномъ Б., продолжаетъ работать на заводѣ Жоффрекуръ, по разрядкѣ старыхъ снарядовъ. Въ общемъ работу на заводѣ легкой назвать нельзя, но нежеланіе уходить изъ своей полковой ячейки, а также постепенное улучшеніе матеріальнаго положенія, въ связи съ предоставленіемъ администраціей лучшихъ мѣстъ, привели къ тому, что партія имѣетъ тенденцію къ увеличенію. Всѣ чины корниловской партіи поддерживаютъ тѣсную связь между собой и начальникомъ партіи, который, въ свою очередь, сообщаетъ намъ полученныя информаціи и распоряженія. Всѣ чины партіи обложили себя ежемѣсячными взносами въ свою часть, на содержаніе инвалидовъ и на выдачу пособій. За послѣдній годъ партія отправила въ Болгарію на содержаніе инвалидовъ своего полка 1600 франковъ, израсходовала на содержаніе инвалидовъ, находящихся при ней — 1400 франковъ и выдала пособія нуждающимся чинамъ партіи — 1200 франковъ. Съ самаго начала работъ на заводѣ, корниловской партіи удалось установить съ администраціей завода прекрасныя отношеія, что дало возможность капитану Б. выхлопотать у директора завода до 70 сертификатовъ для вывоза изъ Болгаріи своихъ однополчанъ".

Интересно сообщеніе начальника Николаевскаго Инженернаго Училища. „По общему постановленію офицеровъ училища, каждый изъ чиновъ его ежемѣсячно вноситъ въ училище по 5 лева на библіотеку. Въ настоящее время въ библіотекѣ собрано 1000 томовъ, но она еще продолжаетъ пополняться и дальше покупкою новыхъ книгъ партіями — 2-3 раза въ годъ. Книгами пользуются не только на мѣстѣ, но онѣ высылаются для пользованія начальникамъ рабочихъ группъ въ Кричимъ, Перникъ и Пловдивъ".

А вотъ сообщеніе изъ Пловдива, отъ казаковъ. „Каледино-Назаровскій полкъ отпраздновалъ 25 мая свой полковой праздникъ. Дабы не нарушать обычныхъ работъ, празднованіе было назначено на вечерніе часы. Офицерское собраніе полка было заботливо украшено зеленью, цвѣтами и разноцвѣтной бумагой. Празднованіе началось торжественнымъ выносомъ полкового штандарта передъ выстроившимися въ собраніи г.г. офицерами и казаками. Штабъ-трубачъ сыгралъ „подъ знамя". Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ съ поминовеніемъ Государя Императора Николая Александровича и Его Августѣйшей Семьи, шефовъ полка, атамановъ Каледина и Назарова, и всѣхъ калединцевъ и назаровцевъ, на полѣ брани животъ свой положившихъ и въ смуту убіенныхъ, и съ провозглашеніемъ многолѣтія Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и всѣмъ вождямъ Русской Арміи. По окончаніи молебна, когда штандартъ былъ поставленъ въ строй, командиръ полка поздравилъ каледино-назаровцевъ съ полковымъ праздникомъ и сказалъ имъ прочувствованное слово, упомянувъ, что мы имѣли счастье, богатство, могучую и необъятную родину, но мало ее цѣнили — и потеряли, и теперь идемъ тяжелымъ путемъ изгнанія, живя лишь вѣрой и надеждой въ воскресеніе нашей дорогой родины. Единственно, что у насъ осталось — это наша Армія, полковая семья. Совмѣстно легче переносить горе и изгнаніе. Надо поэтому цѣнить нашу бѣлую подвижническую и безсмертную Армію".

И по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ работаютъ русскіе воины, они цѣнятъ и берегутъ эту „подвижническую и безсмертную Армію". Берегутъ ее, какъ бережетъ морякъ свое судно, стоящее въ порту въ ожиданіи дальняго плаванія. Любовно ремонтируетъ онъ свой корабль, сбиваетъ ржавчину, краситъ обнажившіяся части, — и знаетъ, что стоитъ онъ здѣсь для того, чтобы крѣпкимъ и могучимъ врѣзаться въ океанскія волны...

* * *

Русскій Флотъ есть частица великаго русскаго воинства.

Но роль русскаго флота неоцѣнима для всего русскаго дѣла: не будь его — великій русскій исходъ превратился бы въ великую русскую катастрофу.

Приведенныя въ Бизерту русскія суда стояли нѣсколько лѣтъ подъ русскимъ Андреевскимъ флагомъ. Ихъ личный составъ, какъ и на другихъ фронтахъ нашего изгнанія, совершалъ чудеса долготерпѣнія и рыцарской вѣрности.

Какъ и на другихъ фронтахъ, функціонировалъ Морской Корпусъ, гдѣ молодежь воспитывалась въ духѣ патріотизма и долга, и, раздѣленная отъ Арміи дальностью разстоянія, наша эскадра выявляла трогательное единство чувствъ и дѣйствій. Бережно поддерживались суда, сданныя въ „долгосрочный ремонтъ"; производились занятія; отстаивалась свобода и честь людей; охранялись суда отъ попытокъ захвата и продажи. Знакомая борьба, какъ двѣ капли воды похожая повсюду!...

Такъ же, какъ и вездѣ, благородное поведеніе русскихъ моряковъ вызывало удивленіе и преклоненіе французскихъ властей; такъ же, какъ и вездѣ, эти же власти требовали, подъ давленіемъ своего правительства, ряда тяжелыхъ уступокъ, и такъ же, какъ и вездѣ, — наступилъ день, когда оффиціально Русскій Флотъ пересталъ существовать.

И можетъ быть только нигдѣ въ другихъ мѣстахъ мы не встрѣчали благороднаго французскаго офицера, который бы, какъ командующій эскадрой адмиралъ Эксельмансъ, предпочелъ выйти въ отставку, чѣмъ исполнить приказаніе — впустить большевистскую комиссію для осмотра русскихъ судовъ, приготовленныхъ къ сдачѣ.

Русскій Флотъ и Русская Армія не забываютъ своихъ друзей, потому что нельзя забыть того, что пережито.

* * *

Флотъ стоялъ въ состояніи „долговременнаго храненія". Казалось бы, въ этихъ условіяхъ не было мѣста героическимъ подвигамъ. Но нашему флоту выпала великая честь и тутъ, когда кончились военныя дѣйствія, покрыть себя неувядаемой славой.

Тогда, когда на рейдѣ Босфора, среди другихъ кораблей съ развѣвающимися флагами, потонула маленькая яхта „Лукуллъ", подъ бѣлымъ Андреевскимъ флагомъ, дежурный офицеръ, мичманъ Сапуновъ, съ изумительнымъ спокойствіемъ отдавалъ послѣднія приказанія и, спасая честь Андреевскаго флага, не пожелалъ оставить судна и пошелъ съ нимъ ко дну...

„Лукулла" не стало. „У древнихъ грековъ, — писалъ въ „Новомъ Времени" А. Ренниковъ, — существовала легенда о плавучемъ островѣ Делосѣ. Яхта „Лукуллъ" была для насъ именно такимъ русскимъ Делосомъ, замѣнившимъ намъ государство, и эпоха „Лукулла" впослѣдствіи также станетъ легендой и потомки наши на материкѣ великой Россіи поймутъ всю красоту и печаль скитавшейся по чужимъ морямъ родной государственности".

Но не только о ней будутъ помнить русскіе люди. Они будутъ помнить о подвигѣ русскаго офицера, мичмана Сапунова, передъ флотомъ всего міра показавшаго вѣрность своему долгу...

* * *

Что пережилъ нашъ флотъ, загнанный въ далекую Бизерту?

Можно было бы много и подробно написать объ этомъ. Написать по цѣлой серіи докладовъ доблестныхъ адмираловъ Кедрова и Беренса, по газетнымъ замѣткамъ, которыя время отъ времени проникали въ печать.

Но мнѣ хочется использовать другой матеріалъ, въ полномъ смыслѣ слова „человѣческій документъ". Намъ не такъ важно, сколько судовъ стояло въ Бизертѣ, сколько пришло въ негодность, сколько было продано нашими „союзниками": гораздо важнѣе, что въ этихъ пловучихъ домахъ жили люди, такъ же остро воспринимающіе гоненія на русскій флагъ, такъ же любящіе родную эскадру, какъ и тѣ, кто—отдѣленные тысячами верстъ — въ Балканскихъ горахъ, отстаивали по силѣ своего разумѣнія русскую честь.

Передо мной переписка двухъ братьевъ*). Одинъ —

---

*) Письма эти были мною опубликованы въ одной изъ моихъ статей („Что они разрушили"—„Новое ремя", 6 декабря 1924 г. № 1084).

подпоручикомъ въ Сербіи. Другой—гардемариномъ въ Бизертѣ.

Моряку всего 20 лѣтъ.

Въ серіи писемъ—цѣлый калейдоскопъ положеній и событій. Матросъ, юнга, кадетъ, гардемаринъ... Крымъ, эвакуація, Константинополь, Бизерта... И во всѣхъ этихъ письмахъ, черезъ всѣ эти исписанные листки, тянется красной нитью одно настроеніе, общее всѣмъ намъ за всѣ эти годы.

Читаешь эти письма,—и чувствуешь, что то же ощущали мы въ Галлиполи, подъ угрозой французскаго распыленія, въ Болгаріи, подъ терроромъ „болгарскихъ звѣрствъ", во всей Европѣ — при равнодушіи и враждебности. И эти письма, эти „человѣческіе документы", ярче всего разскажутъ о томъ, что пережилъ нашъ флотъ.

* * *

Вотъ первое письмо. Фортъ Джебель-Кебиръ, 23 мая 1922 г. Молодой мальчикъ (ему тогда еще не было 19 лѣтъ) находитъ слѣды своего брата, съ которымъ видѣлся въ послѣдній разъ въ Симферополѣ въ 1920 г. Письмо полно эпизодами изъ его жизни за эти два года. Почти захлебываясь, стараясь ие опустить мелочей, пишетъ онъ, какъ сталъ „морякомъ", какъ пережилъ эвакуацію, стоялъ подъ карантиннымъ флагомъ въ Константинополѣ и попалъ въ Бизерту.

... „Все очень интересно. Много новаго, цѣннаго, крѣпкаго получилъ я. Много пришлось увидѣть, пережить и перенести тяжелаго, но ничто не сломило во мнѣ бодрости духа..."

И вотъ, съ бодрымъ духомъ поступаетъ юноша въ Морской Корпусъ и начинается упорная работа.

... „Мы страшно заняты и положительно работаемъ круглыя сутки... Лекціи 8 часовъ, рабочій трудъ самый правильный. масса нарядовъ по хозяйству, по службѣ, по ротѣ... По вторникамъ и четвергамъ репетиціи... И это такъ хорошо: забываешь наше изгнаніе, вѣчно идетъ энергичная кипучая работа. Я очень доволенъ. Сытъ, одѣтъ, о завтрашнемъ днѣ не думаю—и учусь, учусь... Мы проходимъ очень хорошій курсъ

ученія, подборъ преподавателей великолѣпный, винтовокъ хватаетъ, и мнѣ такъ нравится этотъ русскій кипучій муравейникъ съ завѣтами старины, съ традиціями, съ крѣпкимъ военнымъ морскимъ духомъ...“

Ученіе кончается.

... „Знаешь, какъ-то жалко разставаться съ корпусомъ, синимъ воротникомъ и узенькими погонами, хотя, разставшись съ ними, мы будемъ носить козырьки и широкіе погоны и будемъ свободными людьми... Не хочется покидать наше „государство въ государствѣ“, гдѣ не услышимъ ни одного слова не по-русски... Кажется, что покинувъ Бизерту, мы покидаемъ послѣдній клочекъ русской земли“...

Но время идетъ.

... „Въ моей жизни много перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писалъ. Къ 1 ноября я кончилъ корпусъ, а 19 ноября на традиціонномъ обѣдѣ по случаю дня основанія Петромъ Великимъ Навигацкой Школы произведенъ въ корабельные гардемарины.

Всѣхъ насъ перевели на эскадру, меня назначили на одинъ изъ нашихъ вооруженныхъ ледоколовъ... Французское правительство продаетъ наши корабли за долги, таковъ былъ договоръ. Они не могутъ продать только „Пылкаго“, „Дерзкаго“, „Безпокойнаго“, крейсера „Генералъ Корниловъ“ и линейнаго корабля „Генералъ Алексѣевъ“—ихъ будутъ содержать пять лѣтъ. Они увели отсюда наши лучшія въ мірѣ пловучія мастерскія, транспорты „Кронштадтъ“ и „Добычу“... Взяли „Донъ“ и нефтяникъ „Баку“... Адмиралъ сказалъ, что въ новомъ году средства совсѣмъ изсякнутъ, и если кто имѣетъ что въ виду, пусть уѣзжаетъ... Когда „Всадника“ продадутъ, мена переведутъ на „Корнилова“, а тамъ можетъ быть на всѣ четыре стороны... Какъ хотѣлось бы поѣхать въ Прагу учиться...“

Пробилъ часъ. „Всадника“ продали. Онъ на „Корниловѣ“.

... „На крейсерѣ жизнь гораздо лучше. Здѣсь сохранилось больше порядка, и жизнь идетъ правильнѣе и здоровѣе. До обѣда съ 8 час. 15 минутъ до 11 час. 30 мин. — работы по кораблю, починка, приборка, подкраска, палубныя работы, а послѣ обѣда начинается

Кубанскій Корниловскій дивизіонъ въ Штипѣ. (Югославія). (Августъ 1925).

Лейбъ-казаки въ Парижѣ. (Октябрь 1925).

моя личная жизнь. У меня байдарка и корабельная „шестерка", на которыхъ я хожу подъ парусами, гоняясь съ двумя ботами съ „Генерала Алексѣева"... Затѣмъ я занимаюсь стиркой: стирать я люблю, но съ каждой стиркой замѣчаю, что бязь становится все тоньше и рѣже... Но главное для меня — мой письменный столъ: здѣсь я читаю, учусь, пишу письма и обдумываю всѣ интересующіе меня вопросы... Есть еще часы въ моей жизни — это музыка и пѣніе въ каютъ-компаніи. У насъ есть механикъ, лейтенантъ М., удивительно хорошо поющій, а мой сожитель — прекрасный піанистъ...

О Россіи я не думаю такъ много, какъ ты. Я употребляю это время для личнаго усовершенствованія, чтобы отдать ей какъ можно больше. И вотъ я учусь, учусь — и думаю о Прагѣ"...

Черезъ нѣкоторое время юноша пишетъ:

... „Я чувствую себя прилично, здоровъ, бодръ, нагоняю мускулы работой, греблей, гимнастикой. Мы ведемъ теперь очень здоровую жизнь, весь день на палубѣ, жаримся на солнцѣ... Спимъ тоже на палубѣ, купаемся каждый день... Помнишь, какимъ я былъ узкимъ и слабогрудымъ, а теперь я считаюсь однимъ изъ первыхъ и съ удовольствіемъ вижу, какъ становлюсь все шире въ плечахъ..."

Проходитъ еще годъ.

... „Живемъ мы попрежнему. Утромъ работаемъ, сбиваемъ и закрашиваемъ ржавчину, ремонтируемъ моторные катера, приводимъ въ порядокъ шлюпки, смазываемъ судовыя машины и механизмы, ходимъ за провизіей... У насъ вторая по мореходнымъ качествамъ шлюпка: лучшій вельботъ (англійскій) у адмирала на эскадренномъ миноносцѣ „Дерзкій"... Мы все ждемъ начала движенія и жадно ловимъ каждую политическую новость. Духъ попрежнему высокъ, но мой нѣсколько упалъ, изъ за моего нервнаго нездоровья. Необходимо уѣхать, хотя бы на время, иначе заболѣю совсѣмъ. Я наблюдаю, какъ съ каждымъ днемъ мои нервы все слабѣе и слабѣе... „Нужно перемѣнить обстановку, нужно перемѣнить мѣсто и людей", — говоритъ

врачъ. Числа 25 я уѣду. Буду добиваться заработка на поѣздку въ Прагу...“

Я пропускаю мелочи, подробности.

Вотъ уже май 1924 г.

... „Сейчасъ я пишу тебѣ въ то время, когда насталъ, можетъ быть, послѣдній часъ нашей эскадры. Французское правительство съ 1 іюня будетъ возглавляться соціалистами, и уже говорятъ о пересмотрѣ русскаго вопроса, о торговыхъ сношеніяхъ съ большевиками, а затѣмъ и о признаніи совѣтской Россіи...

За признаніемъ совѣтовъ очевидно послѣдуетъ возвращеніе нашихъ кораблей...

Тѣ корабли, на которыхъ мы честно служили, на которыхъ мы такъ много и долго работали, на которые мы отдали лучшіе годы своей жизни, будутъ отданы большевикамъ... И вся наша трудная, тяжелая работа, которая всѣ эти годы велась для сохраненія кораблей, послужитъ на пользу враговъ родины...

Хочется думать, что всѣ эти мысли о будущемъ нашей эскадры не оправдаются... Господь не допуститъ до этого!...

Что слышно у васъ? Что говоритъ Великій Князь Николай Николаевичъ и генералъ Врангель? Мы все еще бодры духомъ и тѣломъ... Команды „разойдись“ подано не было...

Но страшно. Заползаетъ въ голову мысль: а не умерла ли Армія, не кончилась ли она въ сырыхъ шахтахъ Болгаріи, на пыльныхъ дорогахъ Сербіи?

Такъ немного нужно, чтобы эти сомнѣнія разсѣялись. Мы бодры духомъ. Увѣрены въ побѣдѣ Добра надъ Зломъ... Достаточно одного слова“.

И вотъ послѣднее письмо: „28 октября 1924 г. Крейсеръ „Генералъ Корниловъ“. Рейдъ Бизерта“.

...„За время между этимъ и послѣднимъ моимъ письмомъ я успѣлъ побывать въ Тунисѣ, поработалъ тамъ два мѣсяца и снова вернулся сюда.

Слава Богу, что у меня хватило силъ вернуться сюда сразу послѣ задуманной цѣли — расплатиться съ долгами. Слава Богу, что не захлестнули волны матеріальныхъ интересовъ, которыя потопили многихъ такихъ же русскихъ, какъ и я. Слава Богу, что есть еще рус-

ская эскадра, служа на которой я со счастьемъ въ сердцѣ могу исполнить мой долгъ корабельнаго гардемарина.

Если бы ты знакъ, какъ страшно и тяжело думать о той жизни, которой живутъ тамъ наши русскіе! Жизнь безъ родины, на сантимы и франки...

Когда я тамъ работалъ и думалъ, что было бы, если бы не было эскадры и я не могъ снова вернуться сюда, то у меня такъ больно сжималось сердце. Вѣдь эскадра — эта наша Россія, это кусочекъ нашей родины, кусочекъ силы ея, вѣдь надъ нашими кораблями поднятъ Андреевскій флагъ!...

15 числа этого мѣсяца къ намъ на крейсеръ назначено 15 человѣкъ кадетъ, только что произведенныхъ въ гардемарины. И если бы ты зналъ, какъ теперь у насъ хорошо! Правда, работы не меньше, а больше, и весь день проходитъ въ судовыхъ работахъ. Пока еще „молодые" не научились, ходимъ съ ними на шлюпкахъ, и я съ искреннимъ удовольствіемъ обиваю ржавчину и учу это дѣлать другихъ, учу управлять парусами, занимаюсь какой нибудь приборкой запущенныхъ помѣщеній... Ржавчина отпадаетъ, какъ листья осенью, желѣзо краснѣетъ отъ сурика, и весь корабль становится чище...

Теперь у насъ горнисты, и вся жизнь идетъ у насъ по настоящимъ сигналамъ. Каждое утро въ 8 часовъ флагъ подымается, а вечеромъ съ заходомъ солнца опускается послѣ „зори". Когда флагъ спущенъ, горнистъ снимаетъ фуражку и читаетъ „Отче Нашъ".

И если бы ты зналъ, какъ это торжественно просто, какъ радуется сердце"!..

На томъ же листкѣ нервнымъ дрожащимъ почеркомъ приписка:

„... 30 октября въ 10 часовъ утра французскій префектъ прибылъ въ нашъ штабъ на эскадренный миноносецъ „Дерзкій", куда было приказано собраться всѣмъ г.г. офицерамъ и корабельнымъ гардемаринамъ. Сегодня, 30 октября 1924 г., въ 10 часовъ наступило начало конца нашей русской эскадры: Франція признала совѣты".

И еще одна приписка:

... „Сегодня, въ 17 часовъ 24 минуты въ послѣдній разъ былъ спущенъ Андреевскій флагъ, болѣе 200 лѣтъ носимый кораблями Россійскаго Императорскаго Флота.

Сегодня въ послѣдній разъ мы сняли фуражку передъ спускаемымъ въ послѣдній разъ Андреевскимъ флагомъ"...

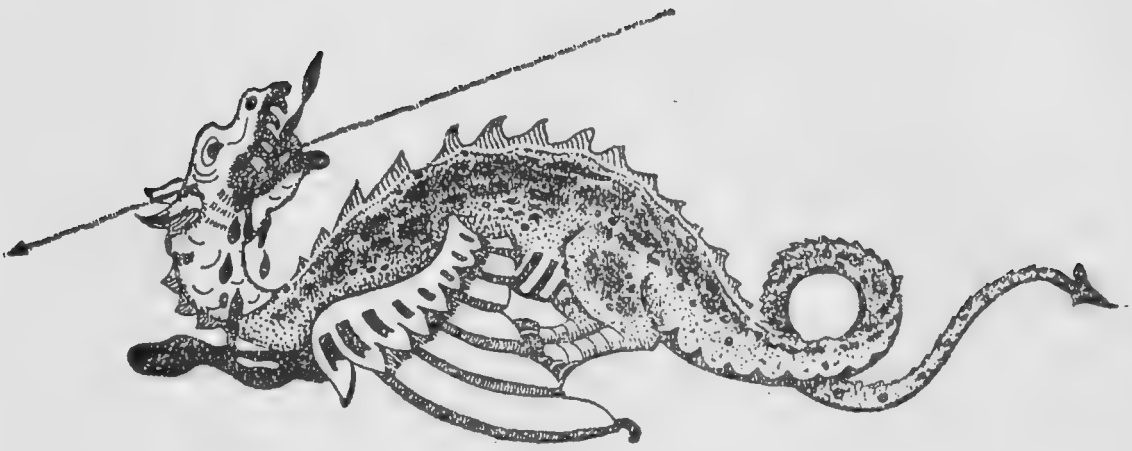
* * *

Я не знаю, гдѣ теперь этотъ юноша. Но я знаю, что онъ уже не затеряется среди человѣческой пыли. Куда бы онъ ни попалъ, онъ встрѣтитъ тотъ электрическій проводъ, который соединитъ его съ десятками тысячъ одинаково думающихъ и чувствующихъ людей.

Цѣной невѣроятнаго напряженія, выдержки, воли,— созданъ неистребимый аппаратъ Русской Арміи.

Для нея уже не страшна нужда: она привыкла къ тяжелой и черной работѣ. Для нея не страшны гоненія: она способна измѣнить внѣшнія формы и уйти въ подполье.

Для нея страшна только мысль перестать быть Русской Арміей -- и потому она неспособна только на одно: измѣнить своей сущности и отказаться отъ своего предначертанія...



ГЛАВА XI.

ПОСЛѢ ДОЛГИХЪ ЛѢТЪ.

Пять лѣтъ борьбы. Преграды и соблазны. Цѣнность страданій. Опытъ въ борьбѣ. „Зазыватели“. Конечные итоги. Армія жива, свободна, неистребима.

Пять лѣтъ упорной работы, труда, преодолѣнія чрезвычайныхъ препятствій — завершились созданіемъ единой зарубежной Русской Арміи.

Первый годъ былъ употребленъ на созданіе крѣпкаго и прочнаго ядра: безъ этого не могло бы быть и рѣчи о сохраненіи Арміи.

Когда укрѣпилось это ядро, раздѣлилась Армія на двѣ большихъ группы — въ Болгаріи и въ Сербіи, и каждая изъ нихъ выдержала свое испытаніе.

Къ этимъ центрамъ потянулись отдѣльные воинскіе союзы, укрѣплялись, соединялись и по своимъ странамъ зарождали свои особые центры.

Основная часть Русской Арміи къ этому времени выдѣляла новыя и новыя группы, которыя разлетались по міру, вступали въ связь съ воинскими союзами и усиливали общую организацію въ каждой странѣ.

Всѣ такіе центры объединены теперь однимъ Русскимъ Обще-Воинскимъ Союзомъ. Всѣми руководитъ одна идея, все проникнуто одной организаціей, но положеніе его въ каждой странѣ совершенно автономно, форма его существованія приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ,—и единству цѣлаго не грозитъ опасности.

Какъ въ большомъ океанскомъ кораблѣ его единый корпусъ перегороженъ водонепроницаемыми перегородками, и снарядъ, разбившій гдѣ-нибудь броневую сталь, не топитъ всего судна, такъ и теперь, если гдѣ-нибудь существованіе Союза стало бы невозможнымъ, то уже нельзя потопить Русской Арміи.

Но на пути къ достиженію этой цѣли стояли преграды, которыя, казалось, нельзя одолѣть, и соблазны, которыми, казалось, нельзя не обольститься.

Преграды были въ явномъ противодѣйствіи европейскихъ государствъ, въ недостаткѣ необходимыхъ средствъ, во враждебности и непониманіи.

Соблазны были въ попыткахъ вовлеченія Арміи въ политическую борьбу, какъ внутри самой эмиграціи, такъ и въ тѣхъ международныхъ конфликтахъ, которые то тутъ, то тамъ вспыхивали по лицу послѣвоенной Европы.

Твердой волей преодолѣлись преграды. И не будь ихъ, попади ядро Русской Арміи въ тихую зыбь снисходительнаго благожелательства и добродушія, — кто знаетъ, сохранилась бы ея героическая напряженность, ея жертвемная готовность, ея вѣрность своимъ принципамъ и своимъ вождямъ? Подъ ударами судьбы закалялась ея воля; подъ тяжелымъ давленіемъ извнѣ создавалось то ощущеніе „локтя“, которое такъ важно на полѣ битвы, ощущеніе, которое соединяло теперь простого солдата, рядового офицера, командира корпуса и Главнокомандующаго.

Гоненія въ Галлиполи, на Лемносѣ, въ Болгаріи дали Русской Арміи еще новое пріобрѣтеніе: дали способность той эластичности, которой такъ чужда нормальная военная организація. „Съ насъ могутъ снять внѣшніе знаки принадлежности къ Русской Арміи: скроемъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, — сказалъ генералъ-лейтенантъ Миллеръ, пріѣхавшій въ Болгарію вскорѣ послѣ

высылки генерала Кутепова,—изъ сердца нашего никто не можетъ ихъ вырвать". Закаленная въ борьбѣ, Армія могла теперь принимать тѣ формы, которыя не раздражали враговъ и не „противорѣчили международному праву". Но для того, чтобы достичь этого и не потерять своего лица, надо было провести Армію черезъ полосу активной борьбы—и постепенно, шагъ за шагомъ, переводить ее къ новымъ формамъ.

Соблазнъ „зазываній" съ разныхъ сторонъ тоже былъ отбитъ: а соблазнъ этотъ былъ великъ и опасенъ. Армія томилась въ бездѣйствіи; „зазывающіе"— они, вѣдь, сулили сдѣлать ее активной.

Сулили ей дѣйствіе тѣ, которые соблазняли ее задорными словами „Свобода", „Равенство" и „Братство". За этими словами утвержденія правъ человѣка и гражданина слышался призывъ освободиться отъ тяжелыхъ узъ подчиненія—и рисовались возможности для новой борьбы, вмѣсто прежней, какъ говорили они, — проигранной.

Сулили ей дѣйствіе тѣ, которые соблазняли ее дорогими словами „Вѣра", „Царь" и „Отечество". За красивыми буквами славянской вязи, которыми писались эти слова, какъ за узорчатой рѣшеткой, видѣлись битвы во имя новаго яркаго лозунга, который принесетъ побѣды, тогда какъ старый, — говорили они, — давалъ только пораженія.

Сулили ей дѣйствіе тѣ, кто пробовалъ положить русскихъ офицеровъ на чашку вѣсовъ въ своемъ спорѣ: турецкіе „кемалисты" противъ грековъ, греки противъ кемалистовъ, болгарскіе „блокисты" противъ земледѣльцевъ, прирейнскіе нѣмцы — противъ оккупирующихъ Руръ французовъ, французы — противъ отстаивающихъ свою родную землю нѣмцевъ. Въ смутѣ и междоусобіи хотѣли уловить отдѣльныхъ людей, нанять, какъ новыхъ „ландскнехтовъ", для которыхъ есть только нанявшій ихъ господинъ.

Армія прошла мимо этихъ соблазновъ, не связывая себя ни съ лицами, ни съ партіями, ни съ государствами. „Мы не наемники, а русскіе воины", — говорилось туркамъ и грекамъ. „Армія не вмѣшивается во внутреннія дѣла"—давался приказъ по Балканамъ. „Не долж-

но быть „нѣмецкой“ или „французской“ политики“, — шло распоряженіе тѣмъ, кто жилъ по обоимъ берегамъ Рейна. „Армія служитъ Россіи, а не партіи“,—раздавался голосъ по всѣмъ странамъ, гдѣ живутъ русскіе люди.

И пройдя черезъ всѣ эти соблазны, свободная отъ соглашеній, готовая итти со всѣми, съ кѣмъ ей по пути, строгой и незапятнанной, Армія пришла къ своему старому Верховному Вождю съ тѣмъ же простымъ знаменемъ, на которомъ было написано одно слово „Отечество“ и съ тѣмъ же благороднымъ сердцемъ, въ которомъ пылало одно слово „Россія“.

* * *

Оцѣнена ли эта активная борьба внѣшнимъ міромъ?

Пусть политики, дѣлающіе европейскую погоду на всемірныхъ конференціяхъ, не замѣчаютъ ея. Но иногда и они не могутъ пройти мимо, сохраняя молчаніе. Въ дни, когда уѣзжалъ генералъ Врангель изъ Константинополя, тѣ верховные комиссары, главнокомандующіе оккупаціонными корпусами, представители великихъ и малыхъ державъ, которые такъ недавно готовы были распылить Русскую Армію и хотѣли видѣть въ лицѣ ея вождя только „частнаго человѣка“, чествовали его теперь, какъ Главнокомандующаго Арміей, оффиціальными прощальными банкетами и раутами. Это была не только дань уваженія къ лицу; это была дань уваженія къ той идеѣ, которая возвысила это лицо. На прощальномъ банкетѣ въ россійскомъ посольствѣ нашъ посолъ А. А. Нератовъ сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи: „Цѣлые вѣка мы съ достоинствомъ держали здѣсь русскій флагъ, опираясь на могучую силу, зная, что за нами стоитъ великое государство. Вы научили насъ тому, что съ такимъ же достоинствомъ можно держать русскій флагъ и въ обстановкѣ безправія и изгнанія“.

Оцѣнена ли эта борьба русскими людьми заграницей?

Лѣвыя группы продолжаютъ то умышленно не замѣчать ее, то искажать, то съ упорствомъ повторять

о „крахѣ бѣлой идеологіи“. Но громадная часть эмиграціи, правой по существу, поняла и эту борьбу, и ея значеніе. Борьба нѣкоторыхъ правыхъ лидеровъ противъ безпартійнаго пути Русской Арміи не могла заслонить собою того чувства, которое питаетъ широкая эмиграція къ Русской Арміи. Русское бѣженство знаетъ, что это — самое могучее организованное ядро русской эмиграціи, что оно придаетъ всей эмиграціи особый смыслъ, особое государственное значеніе.

Русская эмиграція знаетъ, что только благодаря этой борьбѣ спасена честь Россійской Императорской Арміи, которая не кончилась ни позорнымъ разгромомъ при Калущѣ, ни переговорами въ Брестъ-Литовскѣ, ни судорогами отчаянія при Новороссійскѣ. Спасена честь, сохранена идея, пронесена традиція. Въ годы лихолѣтія сберегаются русскія знамена въ православной церкви, а не въ большевистскомъ музеѣ; они пахнутъ ладаномъ, а не нафталиномъ. И потому они всегда готовы, чтобы развернуться вновь и обвѣяться пороховымъ дымомъ.

* * *

Пятилѣтній періодъ борьбы кончился. Все, что было обѣщано Арміи въ Крыму — выполнено. Ей не обѣщали тогда побѣды: ей обѣщали тогда сохранить ея честь.

Теперь, черезъ пять лѣтъ, то же національное знамя, для котораго нѣтъ ни правыхъ ни лѣвыхъ, но есть русскіе и ихъ друзья и ихъ враги, — передано сейчасъ въ другія испытанныя руки.

Упорнымъ трудомъ спасены тысячи жизней, дана работа, — пусть тяжелая и безотрадная, — но создана матеріальная независимость и полностью сохранена связь и организація.

Въ эти пять лѣтъ Армія не только осталась жива: въ эти пять лѣтъ Армія стала неистребима.

Жива и неистребима Русская Армія, — и незапятнана и ярка ея честь.

Стыдно ли намъ за эти пять лѣтъ? Раскаиваемся ли мы въ томъ, что пошли прямымъ, русскимъ путемъ, что не втянулись въ партійную грызню и не захлебнулись въ политическихъ спорахъ? Проклинаемъ

ли мы широкій лагерь Галлиполи, гдѣ за синимъ проливомъ тянулись фіолетовыя горы, а въ широкой долинѣ располагался полотняный русскій городокъ? Проклинаемъ ли мы каменистый и безотрадный Лемносъ, окруженный водою, куда только горячій вѣтеръ долеталъ отъ далекой земли? Хотимъ ли мы уничтожить память обманувшихъ насъ вождей и сжечь, въ угоду нашимъ республиканцамъ, бережно спрятанные наши погоны?

Праздные вопросы.

Пусть обсуждаютъ ихъ тѣ, кто свое призваніе видитъ въ томъ, чтобы засыпать „ровъ" между эмигрантской и совѣтской Россіей. Да, наша любовь къ „вождямъ", наше странное пристрастіе къ пустымъ „побрякушкамъ", наше упорство въ нежеланіи признать себя „побѣжденными" — мѣшаютъ намъ принять участіе въ этой работѣ.

Но для насъ этотъ „ровъ" не страшенъ: намъ не нужно ни засыпать его, ни прокладывать черезъ него мостки. Намъ дорого было бы европейское признаніе; намъ дорога поддержка русскихъ людей въ изгнаніи; но еще дороже для насъ то, что черезъ этотъ ровъ, съ той стороны, мы слышимъ біеніе русскаго сердца. Мы знаемъ, какъ и они, что нѣтъ той цѣны, которая была бы велика для освобожденія Россіи отъ ея поработителей.

И этотъ ровъ не помѣшаетъ намъ въ тотъ часъ, когда наступитъ время, съ той же независимостью и свободой, съ которой мы жили эти пять лѣтъ, съ попутчиками, если они найдутся, (все равно: изъ нашихъ бывшихъ друзей, или бывшихъ враговъ), — взять штурмомъ всѣ укрѣпленія за этимъ проклятымъ рвомъ и за освобожденіе родины, если нужно, заплатить самой нашей жизнью.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ (фамилій) лицъ упоминаемыхъ

въ текстѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ (фамилій) лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Примѣчаніе: Цифры обозначаютъ страницы книги. Краткія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ лицахъ взяты по отношенію къ соотвѣтствующему мѣсту книги.

А.

Абрамовъ, ген. командиръ Донского Кор-са 128, 162, 179.
Авксентьевъ, членъ Земгора 20, 22.
Агѣевъ, лѣвый политич. дѣятель 166.
Аксеновъ, корнетъ 179.
Алатырцевъ, полк. 179.
Александръ III Императоръ Всероссійскій 52.
Александръ Престолонаслѣдникъ, Регентъ Кор. С.Х.С. 136.
Алексинскій Г., членъ Русскаго Совѣта 40.
Алексинскій И., проф. тов. предс. Русскаго Совѣта, предс. Русскаго К-та въ Турціи 35, 39, 43, 93, 113.
Алексѣевъ, ген., основатель Добровольческой Арміи 62, 112.
Алексѣевъ, членъ Земгора и Дѣлов. К-та 20, 24, 39.
Анастасій, Архіепископъ, членъ Карловацкаго Собора 50, 52, 53.
Анисимовъ, быв. полк., большевистскій агентъ 166.
Антоній, Митрополитъ, Предсѣдатель Карловацкаго Собора 50, 52.
Антоновъ, членъ Русскаго Совѣта 39.
Антоновъ, полк. 179.
Апостоловъ, ген. предсѣд. Донск. Прав-ства 28,
Ассъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Астровъ, членъ к.-д. партіи, членъ Земгора 20, 38.
Афанасьевъ, полк. 179.

Б.

Балаховичъ, антибольшев. партизанъ 75.
Барбовичъ, ген. нач. кавалер. дивизіи 87.
Батюшинъ, ген., членъ Бюро Съѣзда Бѣж. въ Кор. С.Х.С. 44, 120,
Баумгартенъ, ген. 12.
Бахметьевъ, росс. посолъ въ Вашингтонѣ 25, 26, 107, 108.
Бела-Кунъ, глава большев. возстанія въ Венгріи 136.
Беличка, министръ гос. обороны въ Венгріи 134.
Бенигсенъ, графъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Беренсъ, адм., вр. командующій флотомъ въ Бизертѣ 198.
Берлинъ, чл. Дѣлов. К-та 24.
Бермонтъ, антибольш. партизанъ 75.
Бернацкій, нач. управ. фин. въ правительст. ген. Деникина и Врангеля, предс. Дѣл. К-та 24, 25, 26.
Бобринскій, графъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Богаевскій, ген. Атаманъ Войска Донского 28, 29, 30.
Богдановъ, членъ Земгора 20.
Брайкевичъ, членъ Земгора 20.
Бредовъ, полк. (ген.-м). и. д. нач. штаба 1-го корп. 175, 179.

Бровковичъ, шт.-кап. 179.
Бубликовъ, членъ Національнаго Комитета 43.
Букановскій, предс. Терск. Прав-ства 28, 31.
Букретовъ, бывш. Кубанскій Атаманъ 31.
Булацель, больш. агентъ 166.
Буровъ, ген. 179.
Бурцевъ, членъ Нац. Ком-та, ред. „Общаго Дѣла“ 19, 35, 36, 38, 43.
Бурышкинъ, членъ Земгора и Дѣлов. К-та 20, 24.
Бѣлозаревъ, больш. агентъ, чекистъ 176,
Бѣлозерскій, членъ Дѣлов. К-та 24, 177.

В.

Варунъ-Секретъ, членъ Центр. Ком-та Нар. Монарх. Союза 71.
Вдовенко, ген. Терскій Атаманъ 28.
Веніаминъ, епископъ, членъ Русскаго Совѣта, членъ Карловацкаго Собора 39, 52, 53.
Верисоцкій, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Ветчининъ, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Вильсонъ, презид. Сѣв.-Ам. Штатовъ, 19.
Винаверъ, членъ Земгора 20.
Витковскій, ген., нач. пѣх. див., командующій 1-мъ корп. 127, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 179, 190.
Власенко, ген. 179.
Врангель, баронъ, ген., Главнокомандующій Русской Арміей 8, 9, 19, 24, 25, 28, 30, 32, 39, 41, 45, 46, 51, 53, 54, 59, 60, 61, 64, 68, 69, 72, 73, 76, 77, 79, 81, 82, 84, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 102, 103, 107, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 139, 140, 141, 143, 147, 148, 150, 157, 160, 161, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 176, 180, 182, 183, 186, 202, 208.
Всеволодъ Іоанновичъ, князь Императ. крови 52.
Вырубовъ, членъ Земгора и Дѣлов. К-та 20, 24.
Вышнеградскій, членъ Дѣл. К-та, 24.
Вязьмитиновъ, ген., воен. представитель въ Софіи 145, 170, 179.

Г.

Гавасъ, телегр. агентство 132.
Гензель, завѣд. Ссудной Казной 120.
Георгіевичъ, ген, 179.
Гешевъ, лидеръ болгар. нар. партіи 163.
Гинденбургъ, фельдмаршалъ, президентъ Германской Республики 19, 95.
Гирсъ, предс. Совѣщанія Пословъ 9, 14, 15, 16, 25, 26, 142.
Глазовъ, земскій дѣятель 39.
Голиковъ, членъ Карловац. Церковнаго Собора 50.
Голицынъ-Муравлинъ, князь, сторонникъ легитим. монарх. движенія 92.
Гольдштейнъ (Фиринъ), большев. агентъ 166.
Гордіенко, полк. 179.
Горемыкинъ, тов. предсѣд. Центр. К-та Народн. Монарх. Союза 71.
Граббе, графъ, предс. колоніи въ Турскомъ Бечеѣ 61.
Градовъ, ген. 179.
Грековъ, ген. 180.
Грузенбергъ, больш. агентъ 166.
Грузинъ, больш. агентъ 166.
Гукасовъ, членъ Дѣл. К-та 24.
Гулевичъ, ген., предсѣдатель Парижскаго Союза Офицеровъ Участниковъ Великой войны 69, 71, 82.
Гурко, членъ Парламент. К-та 36, 177.

Гучковъ, членъ Парламент. К-та 35, 36, 37, 39, 43.

Д

Даватцъ, подпор. 8, 128, 179.
Даневъ, лидеръ болгар. прогресс. партіи 163.
Даниловъ, ген., членъ Дѣлов. К-та, членъ Русск. Совѣта 24, 40, 177.
Даскаловъ, болг. министръ 145, 165, 169, 176.
Демидовъ, росс. послан. въ Аѳинахъ 130.
Деникинъ, ген., Главноком. Вооружен. Силами Юга Россіи 31, 110.
Денисовъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Депре, нач. штаба франц. оккупац. корпуса въ К-лѣ 125, 126, 127.
Джонсонъ, Верховный Комиссаръ Англіи въ Будапештѣ, 134.
Джунковскій, русск. бѣж. въ Софіи, 173.
Димитрій Павловичъ, Вел. Князь, 52.
Димитровъ, болгар. коммунистъ, 166.
Дицманъ, промышлен. въ Екатеринодарѣ, 110.
Дмитріевъ, членъ Земгора, 20.
Добриновичъ, предсѣд. болгар. комиссіи по разслѣдованію преступленій земледѣл. прав-ства 165, 169, 173, 183.
Долгоруковъ, князь, членъ Нац. К-та, членъ Русск. Совѣта 35, 36, 37, 38, 40, 111, 113.
Драгомировъ, ген. 76.
Драшковичъ, мин. Югославіи 137.
Думбадзе, поручикъ 179.

Е.

Евлогій, Архіеп., членъ Карловацкаго Собора 50.
Еремичъ, команд. сербской пограничн. стражей 158.
Ерогинъ, ген. 179.
Ефимовскій, журнал., предс. Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 67, 71, 72, 73.

Ж

Жемчужниковъ, чл. Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.

З.

Зеелеръ, членъ Земгора 20, 45, 75.
Зборовскій, ген. нач. кубан. див. 87.
Зиминъ, полк. 179.
Зинкевичъ, ген. 179.
Знаменскій, членъ Русск. Совѣта 39, 113.
Зурабовъ, членъ Союза рус. инженер. 177.

И.

Иванисъ, быв. Атаманъ Куб. Войска 28, 31.
Ивановъ, полк. 179.
Изнаръ, членъ Дѣл. К-та 24.
Икишевъ, ген. 179.
Илляшевичъ, ген. 179.
Ильинъ, нач. полит. части при Главнокоманд. Русской Арміи, членъ Русск. Совѣта, 40.

І.

Іовановичъ, министръ Югославіи 137.

К.

Казембекъ, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Казьминъ, ген. 179.
Калединъ, ген., Донск. Атаманъ 112.
Каменка, членъ Дѣл. К-та, 24.
Карташовъ, проф., предсѣд. Нац. К-та 38, 43.
Кастаньето, князь, Верхов. Комисс. Италіи въ Будапештѣ 123, 134, 135, 136, 143.
Катуаръ, членъ Земгора 20.

Кедровъ, адмиралъ, команд. русской эскадрой 24, 198,
Кельнеръ, ген. 179.
Кемаль-паша, вождь турец. націоналистовъ, президентъ Турецкой Республики 151, 152.
Кеппенъ, баронъ, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Керенскій, членъ Учредит. Собранія 21, 22.
Кернъ, кап. 182.
Кириллъ Владиміровичъ, Вел. Князь, 77, 83, 84, 86. 87 88, 90, 91, 92, 97, 100, 101, 121.
Ковалевскій, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Коварскій, членъ Земгора 20.
Коковцевъ, графъ, членъ к-та русск. банковъ въ Парижѣ 177.
Колчакъ, адмиралъ. Верховн. Правит. Россіи 11, 31, 55, 95. 105.
Комиссаровъ, бывш. ген., большев. агентъ 165, 166, 169.
Коноваловъ, членъ Земгора 20.
Корниловъ, ген., основат. Добров. движенія 16, 62, 90, 94.
Косовскій, секрет. болгар. министерства внутр. дѣлъ 165.
Котляръ, подполк. 179.
Крамаржъ, чешскій обществ. дѣятель 130.
Красновъ, ген., быв. Атаманъ Всевел. Войска Донского 61.
Краснописцевъ, полк. 179.
Краснославскій (Шапошниковъ), больш. агентъ 166.
Крейтеръ, ген. нач. штаба кавалер. дивизіи 87, 156.
Кривошеинъ, пом. Правит. Юга Россіи, членъ Дѣлов. К-та 24.
Критскій, подпор. 12, 128.
Кровопусковъ, членъ Земгора 20.
Крупенскій, предс. Съѣзда въ Рейхенгаллѣ, членъ Карловацк. Собора, 47, 50.
Курбатовъ, ген. 182.
Курдюченко, больш. агентъ, чекистъ 176.
Курловъ, присяжн. повѣр., членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Кусонскій, ген., пом. нач. штаба Главнокоманд. 87.
Кутеповъ, ген., командиръ 1-го арм. корпуса 87, 127, 128, 139, 143, 148, 149, 154, 162, 167, 170, 171, 179, 207.

Л.

Лампе фонъ, полк., воен. представ. въ Венгріи 133, 134, 135.
Лашкевичъ, членъ Русск. Совѣта 39, 113.
Лейхтенбергскій, герцогъ, публицистъ, 128.
Личевъ, болг. полк. 163.
Ллойдъ-Джорджъ, премьеръ-министръ Англіи 162.
Лобовъ, ген. 179.
Лобода, юнкеръ Серг. Арт. у-ща 173.
Ловягинъ (Озоль), большев. агентъ 166.
Локоть, проф., членъ Русск. Совѣта, 39, 60.
Лукашъ, писатель 128.
Лукошковъ, полк. 179.
Любовичъ, членъ Дѣлового К-та, 24.
Людскановъ-Цанковъ, 1-й секретарь болгар. посольства въ Бѣлградѣ 164.
Львовъ Г., князь, предсѣд. Земгора 20, 22, 26, 27, 45, 75, 108.
Львовъ, Н., членъ Рус. Сов. 7, 71, 111, 113, 118, 128, 136.

М.

Маклаковъ, росс. посолъ въ Парижѣ 25, 26, 132.
Максимовъ, ген. 179.
Макѣевъ, членъ Земгора 20.
Малининъ, членъ Рус. Совѣта, 39.

Мандельштамъ, членъ союза русск. адвокатовъ 177.
Манштейнъ, ген. 179.
Марія Ѳеодоровна, Императрица Всероссійская 49, 100, 101, 102.
Марковъ, предсѣд. Высшаго Монарх. Совѣта, членъ Карловацк. Собора 35, 36, 48, 51, 52, 54, 57, 69, 70, 73, 74, 75, 79, 119.
Марковъ, полк. 179.
Мартыновъ, ген. нач. послѣдн. отряда въ Галлиполи 67, 108, 149, 151, 152, 174.
Масленниковъ, чл Центр. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Мглинскій (псевдонимъ), авторъ статей въ „Старомъ Времени“ 82.
Мережковскій, писатель 50.
Миллеръ, ген. воен. предст. въ Парижѣ, нач. штаба Главнокоманд. 24, 69, 70, 142, 172, 173, 179, 188, 207.
Мильеранъ, презид. Франц. Республики, 82.
Милюковъ, проф. чл. Учред. Собранія, редакторъ „Посл. Новостей“ 19, 21, 22, 23, 24, 32, 37, 38, 41, 81, 111, 124, 133, 134, 193.
Миноръ, членъ Земгора 20.
Михаилъ Александровичъ, Великій Князь 86.
Молловъ, предсѣд. о-ва единенія русскихъ въ Болгаріи 141.
Морозъ, казакъ 131.
Московлевичъ, депутатъ сербской Скупщины 154, 160, 161, 162.
Мосоловъ, членъ Русск. Совѣта 39.
Мусинъ Пушкинъ, графъ, членъ Русск. Совѣта 39, 65, 71, 113.
Муссолини, диктаторъ Италіи 19.
Мустановъ, нач. болг. жандарм. 165, 166.

Н.

Набоковъ, членъ Нац. Съѣзда въ Парижѣ 38.
Назаровъ, Донск. Атам. 196.
Нансенъ, Верх. Комисс. Лиги Націй по дѣламъ русск. бѣженцевъ 22, 150.
Науменко, ген., Кубанскій Атаманъ, 28, 31.
Нератовъ, росс. посолъ въ Константинополѣ, 138, 208.
Николай II, Императоръ Всероссійскій, 23, 96.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, Верховный Главнокомандующій Русской Арміей 49, 53, 68, 69, 73, 84, 85, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 100, 101, 102, 196, 202.
Новгородцевъ, проф., членъ к.-д. партіи 37.
Новицкій, членъ Дѣл. К-та 24.
Новосильцевъ, членъ Цент. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Ножинъ, русскій бѣженецъ въ Сербіи 120.

О.

Оболенскій, князь, членъ Земгора 20.
Ознобишинъ, ген. предсѣд. Союза Русскихъ Участниковъ Великой войны въ Парижѣ 82.
Озоль (Ловягинъ), большев. агентъ 166.
Ольденбургъ, членъ Центр. К-та Народ. Монарх. Союза 71.
Орловъ, членъ Земгора 20.
Орловъ, протоіерей, членъ Карловац. Собора 50.
Осиповъ, полк. 179.
Оффъ (псевдонимъ) публицистъ 176.

П.

Палеологъ, правит. уполномочен. по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ въ Кор. С.Х.С. 44, 45, 46.

Пастуховъ, больш. агентъ 176.
Пашичъ, предс. Совѣта Министровъ въ Кор. С.Х.С. 136, 138.
Пелле, ген., Верховн. Комисс. Франціи въ Кон-полѣ 131, 132, 140, 142, 143.
Перретти-делла-Рокка, завѣд. русск. отдѣломъ въ минист. иностран. дѣлъ въ Парижѣ 132.
Перовскій-Петрово-Соловово, графъ, членъ Центр. К-та Народ. Монархич. Союза 71.
Петрункевичъ, членъ к.-д. партіи 38.
Петряевъ, росс. послан. въ Софіи 140, 142, 144, 145, 177.
Петръ I, Императоръ Всероссійскій 200.
Пешня, ген., 179, 181, 182, 183.
Пико, фран. послан. въ Софіи 142, 143, 144, 177.
Пилсудскій, маршалъ, глава Польской Республики 191.
Писарчукъ, протоіерей, членъ Карловац. Собора 50.
Покровскій, ген. 110, 166.
Ползиковъ, ген. 179.
Полнеръ, членъ Земгора 20.
Половцовъ, членъ Русск. Совѣта 39.
Половцовъ, членъ Лиги Комбаттантовъ въ Парижѣ 177.
Поповъ, ген. 179.
Потоцкій, ген. воен. представ. въ Бѣлградѣ 87, 160.

Р.

Радко-Дмитріевъ, болгар. генералъ 166.
Резановъ, полк. 120.
Рейсъ, полк. 179.
Ренниковъ, писатель 128, 198.
Репьевъ, ген. 179.
Ристичъ, командиръ сербской погранич. стражи 157, 158.
Роговскій, членъ Земгора 20.
Родзянко, членъ Карловац. Собора 52.
Родичевъ, членъ к.-д. партіи 38.
Ронжинъ, ген., воен. представ. въ Софіи 175, 179, 183.
Россійскій, ген. 179.
Ростиславлевъ, членъ Цент. К-та Нар. Монарх. Союза 71.
Ростовцевъ, членъ Русскаго Совѣта 39, 113.
Рубинштейнъ, членъ Земгора 20.
Рудневъ, членъ Земгора 20.
Рыбинскій, шт.-кап. 179.

С.

Савинковъ, литераторъ 191.
Савицкій, членъ Русск. Совѣта 39, 113.
Савичъ Н., членъ Дѣл. К-та 24.
Савичъ Я., членъ Дѣл. К-та 24, 177.
Самохваловъ, полк. 168, 169.
Сапуновъ, мичманъ 146, 198.
Свербеевъ, членъ Русскаго Совѣта 39.
Семеновъ, членъ Нац. К-та 43.
Сергѣевскій, полк. 179.
Скаржинскій, предс. Окруж. Монарх. Совѣта въ Кор. С.Х.С., членъ Бюро Съѣзда бѣженск. орган. въ Кор. С.Х.С. 40, 44, 46, 51, 59, 78.
Скобцовъ, предс. Кубанскаго правит. 28, 31.
Скоропадскій, членъ Русск. Совѣта 39.
Скрынченко, членъ Карловац. Собора 50.
Слащевъ-Крымскій, бывш. ген. 52.
Сниткинъ, ген. 179.
Соколовъ, проф., обществен. дѣятель 181.
Сологубъ, членъ Дѣл. К-та 24.
Сорокинъ, полк. 179.
Стамболійскій, предс. Совѣта Министровъ въ Болгаріи 109, 141, 144, 159, 163, 165, 166, 170, 176, 178, 179, 182

Старынкевичъ, членъ Юрид. О-ва 177.
Столыпинъ, журналистъ 121.
Струве, завѣд. отдѣл. внѣшн. сношеній въ правит-ствѣ ген. Врангеля, членъ Нац. Ком-та 43, 125.
Суворинъ М., редакторъ „Новаго Времени“ въ Бѣлградѣ 84, 99.
Суворовъ, членъ союза офиц. ген. штаба 177.
Сычевъ, членъ союза офицер. участн. Вел. войны 177.

Т.

Татаркинъ, ген. 179.
Такахаси-Санъ, предст. Японіи при Главноком. 129.
Таубе, баронъ, тов. предсѣд. Центр. К-та Народн. Монарх. Союза 71.
Тесленко, членъ к.-д. партіи 38 39.
Тикстонъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Титовъ, членъ Земгора 20.
Толстовъ, ген., членъ Русск. Совѣта 40.
Томассенъ, подполк., нач. франц, отряда въ Галлиполи 127, 149.
Топалджиковъ, полк., нач. штаба болг. арміи 145, 163, 169, 170.
Треповъ, видный монархич. дѣятель 35.
Третьяковъ, членъ Нац.К-та 43, 177.
Трифоновъ, пом. градонач. въ Софіи 165, 166, 169, 176.
Троцкій, одинъ изъ вождей коммунизма 161, 166.
Туркулъ, ген. 179.
Тюринъ, членъ Земгора, 20.

У.

Уваровъ, графъ, членъ Рус. Совѣта 39.
Ушида, Верховн. Комисс. Японіи въ К-лѣ 130.
Уэльсъ, англ. полковникъ, завѣд. работами въ Киліи 151, 152.

Ф.

Федоровскій, подполк. 179.
Федоровъ, чл. Нац. К-та 43, 177.
Федоровъ, ген. 179.
Финисовъ, членъ Нац. К-та 43, 177.
Фиринъ (Гольдштейнъ), большев. агентъ 166.
Фокъ, ген. 179.
Фостиковъ, ген., команд. Кубанск. корпуса 30.
Фуше, Верховн. Комисс. Франціи въ Будапештѣ 134.

Х.

Хабаровъ, ген. 179.
Харламовъ, членъ к.-д. партіи, казачій обществ. дѣят. 20, 30, 31, 32.
Хольмсенъ, ген., воен. представ. въ Парижѣ 69.
Хрипуновъ, предсѣдат. Вр. К-та Всер. Земск. Союза, чл. Земгора 20, 27, 42.

Ч.

Чайкинъ, большев. агентъ 165, 166, 169, 173.
Чайковскій, членъ партіи нар. соціалистовъ, чл. Земгора 20, 35, 43.
Чарвиновъ, полк. 179.
Чебышевъ, нач. Бюро рус. печати въ К-лѣ, членъ Центр. К-та Нар. Монарх. Союза, издат. еженед. „Зарницы“ 23, 71.
Чемберсъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Чертковъ, ген. воен. предст. въ К-лѣ 126, 150.
Чичеринъ, народ. комисс. иностр. дѣлъ сов. Россіи 165.
Чумаковъ, членъ Русск. Совѣта 39, 113.

Ш.

Шайля-дю графъ, журналистъ, большев. агентъ 166.
Шамшинъ, членъ Русск. Совѣта 39.
Шапошниковъ (Краснославскій), большев. агентъ 166.
Шарпи, ген., командиръ франц. оккупац. корп. въ К-лѣ 126, 127, 130, 142, 149.
Шатиловъ, ген., нач. штаба Главнокоманд. 87, 94, 127, 136, 137, 141, 142, 168, 169, 170, 173, 174, 179, 181, 186.
Шведовъ, ген. 179.
Шебеко, членъ Центр. К-та Народн. Монарх. Союза 71.
Ширинскій-Шахматовъ, князь, членъ Карловац. Собора 50.
Шлиппе, членъ Земгора 20.
Шмитъ, членъ Русск. Совѣта 40, 64.
Штейфонъ, ген. 179.
Штрандтманъ, росс. посл. въ Бѣлградѣ, 138.
Шульгинъ, писатель, членъ Русск. Совѣта 35, 36, 40.

Щ

Щегловъ, быв. кап., большев. агентъ 175, 176.
Щепинъ, подполк. 179.

Э.

Эккъ, ген., предсѣд. Совѣта Объедин. Офиц. О-въ въ Кор. С. Х. С. 87.
Эксельмансъ, франц. адмиралъ 197.
Эллiотъ, англ. полк. 152.
Эльяшевичъ, членъ Дѣлов. К-та 24.
Эрдманъ, ген. 179.
Эссенъ фонъ, полк. 179.

Ю.

Юденичъ, ген., команд. сѣвѣро-западн. противобольшев. фронтомъ 75, 124.
Юреневъ, предсѣд. Полит. Объедин. К-та въ К-лѣ, членъ Земгора 20, 35, 39, 42, 62, 63.
Юсуповъ-Сумароковъ-Эльстонъ, князь 52.

Я.

Ясевичъ, полк. 179.

Приложеніе.

СПИСОКЪ
знаменъ и регалій Русской Арміи, размѣщенныхъ въ русской церкви въ гор. Бѣлградѣ.

Списокъ

знаменъ и регалій Русской Арміи, размѣщенныхъ въ русской церкви въ гор. Бѣлградѣ.

Знамена расположены отдѣльными группами около стѣнъ и колоннъ. Часть регалій хранится въ особомъ ящикѣ.

ГРУППА I.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Севастополь въ 1854—1855 годахъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За изгнаніе турокъ изъ Абхазіи въ 1877 году“.

Знамя неизвѣстнаго полка (предположительно 164 пѣх. Закатальскаго полка. На порванномъ полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „...взятіе штурмомъ Аульги 22 августа 1839 года. За отличіе... Гуниба 25 августа 1859 года и за ... Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ.“ — „1700 — 1850“.

Знамя неизвѣстнаго полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, подтокъ). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За взятіе Ардагана 4 и 5 мая 1877 года“.

Знамя неизвѣстнаго полка (полотнище, Георгіевскія и серебряныя ленты съ кистями). На полотнищѣ вензель „А. II.“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А. II.“

ГРУППА II.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. II.“ и надпись на Георгіевской лентѣ „Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ“, на Андреевскай лентѣ „1806—1906“.

Знамя неизвѣстнаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ).

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ споротый вензель „Н. II.“ и надпись „Съ нами Богъ“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“, на Георгіевской лентѣ „А. II 1856. въ вознагражденіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ“, на Андреевской лентѣ — „1806—1906“

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „За взятіе штурмомъ... 22 августа 1839 года... за... при Гуниба... 1859. Въ Хивинскомъ походѣ 1873 г. и...“ на Андреевской лентѣ — „1700—1800—1900“.

Знамя неизвѣстнаго полка. Полотнище доставлено въ штабъ Добровольческой Арміи 10 сентября 1918 г. кіевской организаціей. На полотнищѣ вензель „Н. I“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ на мѣстѣ вензеля нашитъ кусокъ краснаго шелка, на полотнищѣ надпись — „Съ нами Богъ“ и „1809—1909“.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А III“.

Знамя неизвѣстнаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ). Доставлено кіевской организаціей въ штабъ Добровольческой Арміи 10 сентября 1918 г.

Знамя неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись на Георгіевской лентѣ — „А. II 1856. за Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ“, на Андреевской лентѣ — „1806—1906“.

ГРУППА III.

Штандартъ 10 уланскаго Одесскаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. I“ и надпись — „За отличные военные подвиги при усмиреніи мятежа въ Трансильваніи въ 1849 году“.

Знамя Уральскаго Казачьяго Войска (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями). На полотнищѣ вензель „А. III“ и надпись — „Доблестному Уральскому Казачьему Войску за отлично усердную боевыми подвигами ознаменованную службу“.

Штандартъ 10 уланскаго Одесскаго полка. На штандартѣ вензель „Н. I“.

ГРУППА IV.

Штандартъ неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ стертый вензель и надпись — „За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Стягъ неизвѣстнаго полка. Полотнище, шнурокъ съ кистями, копье, при стягѣ находилась икона Богоматери съ надписью — „Благословеніе родного храма доблестнымъ хранителямъ завѣтовъ гусаръ Ингерманландцевъ“.

Штандартъ неизвѣстнаго полка. На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись — „За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Русская церковь въ Бѣлградѣ (видъ съ юго-востока).

Русская церковь въ Бѣлградѣ (видъ съ юго-запада).

ГРУППА V.

Штандартъ 16 драгунскаго Тверского Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка (полотнище, Георгіевскій темлякъ, копье съ Георгіевскимъ крестомъ). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За подвиги при Шенграбенѣ 4 ноября 1805 года въ сраженіи 5-титысячнаго корпуса съ непріятелемъ, состоявшимъ изъ 30 тысячъ“.

Штандартъ 16 драгунскаго Тверского Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба и половина древка). На полотнищѣ надпись „За отличные подвиги при Курюкъ-Дара 24 іюля 1854 года“.

Чехолъ, Георгіевскія ленты, Георгіевскій темлякъ, копье съ Георгіевскимъ крестомъ и скоба отъ штандарта 16 драгунскаго Тверского Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка.

Штандартъ 18 драгунскаго Сѣверскаго Короля Датскаго Христіана IX полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскія ленты съ орденомъ Св. Георгія и Георгіевской звѣздой). На полотнищѣ вензель „Н. II.“, на Андреевской лентѣ „1701—1801—1901“, на Георгіевской лентѣ — „А. III. 1884. За отличіе, оказанное въ Персидскую войну 1826—1827 и 1828 гг., за отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851 г. и въ сраженіи при Курюкъ-Дара 24 іюля 1854 г.“.

Штандартъ 17 гусарскаго Черниговскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Александровича полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскій темлякъ, скоба, полъ древка). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За подвиги при Шенграбенѣ 4 ноября 1805 года въ сраженіи 5-титысячнаго корпуса съ непріятелемъ, состоявшимъ изъ 30-ти тысячъ“.

Штандартъ Текинскаго коннаго полка. На полотнищѣ вензель „Н. II“.

Штандартъ Елисаветградскаго Кавалерійскаго училища (полотнище, копье съ двуглавымъ орломъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II“.

ГРУППА VI.

Штандартъ 2 лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго Императора Александра III полка. На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За отличные подвиги въ сраженіи при Курюкъ-Дара 24 іюля 1854 г.“, „1775—1875“,

Штандартъ 7 уланскаго Ольвіопольскаго Его Величества Короля Испанскаго Альфонса XIII полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, копье съ Георгіевскимъ крестомъ). На полотнищѣ вензель „Н. II.“ и надпись „Съ нами Богъ“ — „1812 — 1912“.

Штандартъ 8 уланскаго Вознесенскаго Е. И. В. Великой Княжны Татіаны Николаевны полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II.“ и надпись на Георгіевской лентѣ „А. II 1878. За отличіе въ Турецкую войну 1877 — 1878 годахъ“, на Андреевской лентѣ „1812 — 1912“.

Штандартъ 9 драгунскаго Казанскаго Е. И. В. Великой Княжны Маріи Николаевны полка (ветхое полотнище, юбилейныя ленты, темлякъ, копье, скоба и половина древка).

Штандартъ 9 гусарскаго Кіевскаго генералъ-адъютанта князя Николая Репнина полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскія ленты съ кистями, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II." и надпись „За отличіе противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 года." — „1668 — 1868".

Штандартъ 11 уланскаго Чугуевскаго Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскія ленты, Георгіевскій темлякъ, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За отличіе въ турецкую войну въ 1877 и 1878 годовъ".

Штандартъ 11 гусарскаго Изюмскаго генерала Дорохова, нынѣ Его Королевскаго Высочества принца Генриха Прусскаго полка (юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. I" и надпись „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года"— „1651—1851".

ГРУППА VII.

Знамя 3 сапернаго баталіона (ветхое полотнище въ чехлѣ, лента съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка).

Знамя 8 сапернаго баталіона (полотнище ветхое въ чехлѣ, скоба). Доставлено кіевской организаціей въ штабъ Добровольческой Арміи 10 сентября 1918 г.

Знамя 9 сапернаго баталіона (ветхое полотнище въ чехлѣ, скоба, копье).

Знамя 11 сапернаго Императора Николая I баталіона (ветхое полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, скоба, подтокъ, половина древка). На полотнищѣ надпись „За отличіе при переходѣ черезъ Балканскій хребетъ въ 1829 году". „За походъ въ Андію и взятіе штурмомъ аула Дарго 6 іюля 1854 года".

Знамя 1 Кавказскаго сапернаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго баталіона (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За отличіе при взятіи приступомъ Ахалцыка въ 1828 г. и за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 25 октября 1877 года".

ГРУППА VIII.

Знамя 1 баталіона 160 Абхазскаго полка (порванное полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, Георгіевскій темлякъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II" и уцѣлѣвшія слова „За взятіе...".

Знамя 170 пѣхотнаго Молодечинскаго полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За оборону позицій на р. Ломѣ и переходъ черезъ Балканы 28 декабря 1877 г. за Шипку".

Знамя 188 пѣхотнаго резервнаго Красноставскаго полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II".

ГРУППА IX.

Знамя 3 баталіона 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка, (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года“.

Знамя 3 баталіона 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка (ветхое полотнище, ленты съ одной кистью, копье, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА X.

Знамя 1 баталіона 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 2 баталіона 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка (ветхое полотнище, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II.“

ГРУППА XI.

Знамя 1 баталіона 154 пѣхотнаго Дербентскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ и древко).

Знамя 2 баталіона 156 пѣхотнаго Елизаветпольскаго генерала князя Циціанова полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За сраженіе на Аладинскихъ высотахъ 3 октября 1877 года“.

Знамя 3 баталіона 156 пѣхотнаго Елизаветпольскаго генерала князя Циціанова полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За взятіе Ардагана 4 и 5 мая 1877 года“.

Знамя 4 баталіона 156 пѣхотнаго Елизаветпольскаго генерала князя Циціанова полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За взятіе Ардагана 4 и 5 мая 1877 года“.

Кормовой флагъ одного изъ кораблей русской эскадры, стоявшей въ Бизертѣ (полотнище, копье).

ГРУППА XII.

Знамя 14 гренадерскаго Грузинскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка (полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За сраженіе на Аладинскихъ высотахъ 3 октября 1877 года“.

Знамя 1 Морского полка (полотнище, Георгіевскій темлякъ, серебряная скоба, копье, подтокъ).

Знамя 36 пѣхотнаго Орловскаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка (полотнище, сшитое изъ пяти кусковъ, юбилейныя ленты, Георгіевскій темлякъ). На полотнищѣ на Георгіевской лентѣ надпись „За Севастополь 1854 и 1855 годахъ и за Шипку 1877 года“.

Знамя 83 пѣхотнаго Самурскаго полка (полотнище, Георгіевскія и серебряныя ленты, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „А. II.“ и надпись „За отличіе 20 ян-

варя 1814 года при селеніи Ла-Ротьеръ и за подавленіе возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году".

Знамя 250 пѣхотнаго Ахульгинскаго резервнаго баталіона (полотнище, скоба и половина древка). На полотнищѣ вензель „А. III".

ГРУППА XIII.

Знамя 1 баталіона 73 пѣхотнаго Крымскаго Е. И. В. Великаго Князя Александра Михайловича полка (ветхое знамя, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За взятіе Баязета 28 іюня 1877 года".

Знамя 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье съ крестомъ). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За оборону крѣпости Баязета 20 и 21 іюня и освобожденіе Баязета 28 іюня 1877 года".

Знамя 1 баталіона 75 пѣхотнаго Севастопольскаго полка (ветхое полотнище, Георгіевскій темлякъ съ кистями, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За оборону 20 и 21 іюня 1829 года и за отличія въ войну 1877 и 1878 годахъ".

ГРУППА XIV.

Знамя 3 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (ветхое полотнище, юбилейныя ленты, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 3 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За изгнаніе турокъ изъ Абхазіи въ 1877 году".

Знамя 4 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (ветхое полотнище, темлякъ, копье, скоба, половина древка).

Знамя 4 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (полотнище, Георгіевская лента, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II" и надпись „За изгнаніе турокъ изъ Абхазіи въ 1877 году".

ГРУППА XV.

Знамя 1 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, копье, скоба, половина древка).

Знамя 2 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, темлякъ, копье, подтокъ, древко).

Знамя 2 баталіона 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А II" и надпись „За изгнаніе турокъ изъ Абхазіи въ 1877 году".

ГРУППА XVI.

Знамя 3 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, Георгіевскій темлякъ, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 4 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (полотнище, юбилейныя ленты, темлякъ, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. I“.

Знамя 4 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „Въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ въ сраженіяхъ 1814 года 17 января при Бріеннъ-ле-Шато и 20 при селеніи Ла-Ротьеръ и за Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ“.

ГРУППА XVII.

Знамя 2 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (ветхое полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка). На полотнищѣ уцѣлѣвшая надпись „... Альпійскихъ“.

Знамя 2 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 2 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (полотнище съ порваными краями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка). На полотнищѣ вензель „Н. I“ и надпись „За взятіе французскаго знамени на горахъ Альпійскихъ“, „1700—1850“.

ГРУППА XVIII.

Знамя 1 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (полотнище съ порваными краями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка). На полотнищѣ вензель „Н. I“ и надпись „За взятіе французскаго знамени на горахъ Альпійскихъ“.

Знамя 1 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка).

Знамя 1 баталіона 17 пѣхотнаго Архангелогородскаго Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА XIX.

Знамя 1 баталіона 20 пѣхотнаго Галицкаго полка (полотнище съ порваными краями, Георгіевскій темлякъ, скоба, подтокъ, древко).

На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За взятіе Никополя 3 іюля 1877 года“.

Знамя 2 баталіона 20 пѣхотнаго Галицкаго полка (полотнище Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ надпись „За взятіе Никополя 3 іюля 1877 года“ и вензель „А. II“.

Знамя 3 баталіона 20 пѣхотнаго Галицкаго полка (полотнище, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За взятіе Никополя 3 іюля 1877 года“.

Знамя 4 баталіона 20 пѣхотнаго Галицкаго полка (полотнище съ порваными краями, темлякъ, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. I“.

ГРУППА XX.

Знамя 1 баталіона 69 пѣхотнаго Рязанскаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Голицына полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 2 баталіона 69 пѣхотнаго Рязанскаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Голицына полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, подтокъ, скоба, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За переправу черезъ Дунай у Галаца 10 іюля 1877 года“.

Знамя 3 баталіона 69 пѣхотнаго Рязанскаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Голицына полка (полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За переправу черезъ Дунай у Галаца 10 іюля 1877 года“.

Знамя 4 баталіона 69 пѣхотнаго Рязанскаго генералъ-фельдмаршала Князя Александра Голицына полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя ленты, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА XXI.

Знамя 233 пѣхотнаго Старобѣльскаго полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“.

Знамя 235 пѣхотнаго Белебеевскаго полка (полотнище, деревянное копье, скоба). На полотнищѣ вензель „А. III“.

ГРУППА XXII.

Знамя 221 пѣхотнаго Рославльскаго полка (полотнище, копье, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „Н. I“ и надпись „Съ нами Богъ“.

Знамя 222 пѣхотнаго Красникскаго полка (полотнище, копье, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“.

ГРУППА XXIII.

Знамя 1 баталіона 135 пѣхотнаго Керчь-Еникальскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 3 баталіона 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 142 пѣхотнаго Звенигородскаго полка (два куска полотнища, изъ коихъ второй представленъ 19 октября 1925 г).

ГРУППА XXIV.

Знамя 17 Туркестанскаго стрѣлковаго полка (полотнище, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“.

Знамя 17 Туркестанскаго стрѣлковаго полка (вѣроятно, 4 бат., ветхое полотнище въ чехлѣ, ленты съ кистями, копье, скоба, подтокъ, дре ко).

Знамя 18 Туркестанскаго стрѣлковаго полка (полотнище, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“.

Знамя 18 Туркестанскаго стрѣлковаго полка (ветхое полотнище, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 19 Туркестанскаго стрѣлковаго полка (полотнище, скоба, подтокъ. древко).

ГРУППА XXV.

Знамя 13 Стрѣлковаго баталіона (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевскія ленты съ кистями).

Знамя 14 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Гурко полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Знамя 14 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Гурко полка (предположительно). Полотнище, Георгіевскій крестъ, прибитый къ древку, Георгіевскій темлякъ, на полотнищѣ вензель „А. II“.

ГРУППА XXVI.

Знамя 13 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Вел. Князя Николая Николаевича полка (полотнище, Георгіевское копье безъ креста). На полотнищѣ вензель „А. II“.

Знамя 13 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Е. И. В. Вел. Князя Николая Николаевича полка (полотнище, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“ и уцѣлѣвшая надпись „За двукратный переходъ...“.

Знамя 13 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Е. И. В. Вел. Князя Николая Николаевича полка (полотнище, Гергіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“.

ГРУППА XXVII.

Знамя Финляндскаго стрѣлковаго полка (ветхое полотнище, подтокъ, древко).

Знамя 131 пѣхотнаго Тираспольскаго генералъ-адъютанта Ванновскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, юбилейныя и Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, полъ древка).

Знамя 4 баталіона 131 пѣхотнаго Тираспольскаго генералъ-адъютанта Ванновскаго полка (ветхое полотнище, юбилейныя ленты, копье, скоба, половина древка). На полотнищѣ вензель „А. II“.

ГРУППА XXVIII.

Знамя 2 баталіона 131 пѣхотнаго Тираспольскаго генералъ-адъютанта Ванновскаго полка (полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, Георгіевскій темлякъ, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Облову 24 августа 1877 г.“.

Знамя 2 баталіона 131 пѣхотнаго Тираспольскаго генералъ-адъютанта Ванновскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, ленты съ кистями, копье, скоба, половина древка).

Знамя 3 баталіона 131 пѣхотнаго Тираспольскаго генералъ-адъютанта Ванновскаго полка (ветхое полотнище, юбилейныя ленты, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка).

ГРУППА XXIX.

Знамя 55 пѣхотнаго Подольскаго полка (полотнище, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „За Севастополь 1854—1855 годахъ“ — „1798—1898“.

Знамя 1 баталіона 55 пѣхотнаго Подольскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 2 баталіона 55 пѣхотнаго Подольскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, скоба, подтокъ, древко).

Знамя 3 баталіона 55 пѣхотнаго Подольскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА XXX.

Знамя 54 пѣхотнаго Минскаго Его Величества Царя Болгарскаго Фердинанда полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“. „За Севастополь въ 1854—1855 годахъ“ — „1806—1906“.

Знамя 4 баталіона 54 пѣхотнаго Минскаго Его Величества Царя Болгарскаго Фердинанда полка (ветхое полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“.

Знамя 4 баталіона 54 пѣхотнаго Минскаго Его Величества Царя Болгарскаго Фердинанда полка (полотнище, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. I“.

Знамя 2 баталіона 54 пѣхотнаго Минскаго Его Величества Царя Болгарскаго Фердинанда полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, скоба). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ“.

ГРУППА XXXI.

Знамя 52 пѣхотнаго Виленскаго Е. И. В. Великаго Князя Кирилла Владиміровича полка (полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“, на Георгіевской лентѣ „За пораженіе турокъ 14 ноября 1853 года при Ахалцыкѣ“.

Знамя 53 пѣхотнаго Волынскаго генералъ-фельдмаршала Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (полотнище, копье съ Георгіевскимъ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. Ii“ и надпись „Съ нами Богъ“, на Георгіевской лентѣ „За Севастополь 1854—1855 годахъ“.

Знамя 4 баталіона 53 пѣхотнаго Волынскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (полотнище, юбилейныя и серебряныя ленты съ кистями, скоба, половина древка). На полотнищѣ вензель „Н. I“ и надпись „За отличіе въ сраженіи при Баръ-сюръ-Обѣ 13 февраля 1814 года“.

Знамена 3 и 4 баталіоновъ 54 пѣхотнаго Минскаго Его Величества Царя Болгарскаго Фердинанда полка (ветхія полотнища въ чехлѣ, Георгіевскія ленты съ кистями, 3 скобы).

ГРУППА XXXII.

Знамя 56 пѣхотнаго Житомірскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, Георгіевское копье съ крестомъ, скоба). На полотнищѣ вензель „Н. II“ и надпись „Съ нами Богъ“, на Георгіевской лентѣ „За походъ въ Аиди въ іюнѣ 1845 года и за Севастополь 1854—1855 годахъ“.

Знамя 1 баталіона 56 пѣхотнаго Житомірскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, половина древка).

Знамя 2 баталіона 56 пѣхотнаго Житомірскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, скоба, половина древка).

Знамя 3 баталіона 56 пѣхотнаго Житомірскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка (ветхое полотнище въ чехлѣ).

ГРУППА XXXIII.

Знамя 2 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (полотнище, юбилейныя ленты, копье съ поломанымъ Георгіевскимъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Знамя 3 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (полотнище, юбилейныя и Георгіевскія ленты, Георгіевскій темлякъ, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Знамя 4 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (полотнище, ленты съ кистями, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. I“.

ГРУППА XXXIV.

Знамя 2 баталіона 123 пѣхотнаго Козловскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За взятіе Никополя 3 іюля и за переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Знамя 3 баталіона 123 пѣхотнаго Козловскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За взятіе Никополя 3 іюля и за переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“.

Знамя 4 баталіона 123 пѣхотнаго Козловскаго полка (ветхое полотнище въ чехлѣ, лента съ кистями, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА XXXV.

Знамя 2 баталіона 121 пѣхотнаго Пензенскаго генералъ-фельдмаршала графа Милютина полка (полотнище, ленты съ кистью, Георгіевское копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года“ — „1763—1863“.

Знамя 3 баталіона 121 пѣхотнаго Пензенскаго генералъ-фельдмаршала графа Милютина полка (полотнище, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Горное Бугарово 20 декабря 1877 года“.

Знамя 4 баталіона 121 пѣхотнаго Пензенскаго генералъ-фельдмаршала графа Милютина полка (ветхое полотнище, темлякъ, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „Н. I“.

ГРУППА XXXVI.

Знамя 1 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (полотнище, Георгіевскія ленты, копье безъ креста, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“ и надпись „За Севастополь 1854—1855 годахъ“.

Знамя 2 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (полотнище, юбилейныя ленты, серебряныя ленты, копье, скоба, подтокъ, древко). На полотнищѣ вензель „А. II“.

Знамя 3 баталіона 124 пѣхотнаго Воронежскаго полка (ветхое полотнище, ленты съ кистями, копье, скоба, подтокъ, древко).

ГРУППА XXXVII.

Знаменный флагъ 28 Флотскаго Экипажа (обрывки ветхаго полотнища, Георгіевскія ленты, темлякъ, скоба, подтокъ). На скобѣ надпись: „В ы с о ч а й ш е пожаловано 45 Флотскому Экипажу 26 октября 1856 года за оборону Севастополя съ 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года. 1891 году приказомъ по Морск. Вѣд. 9 марта 1891 года Н 30 передано 28 Флотскому Экипажу".

ГРУППА XXXVIII.

Знамя 1 генерала Маркова пѣхотнаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „М" и надпись „Вѣрою спасется Россія".

Знамя 2 генерала Маркова пѣхотнаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „М" и надпись „Вѣрою спасется Россія".

Знамя 3 генерала Маркова пѣхотнаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „М" и надпись „Вѣрою спасется Россія".

Знамя 1 стрѣлковаго генерала Дроздовскаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „Д" и надпись „Вѣрою спасется Россія"

Знамя 2 стрѣлковаго генерала Дроздовскаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „Д" и надпись „Вѣрою спасется Россія".

Знамя 3 стрѣлковаго генерала Дроздовскаго полка (полотнище, Николаевскія ленты съ кистями и орденомъ Св. Николая, наконечникъ съ 8-ми конечнымъ крестомъ, скоба, подтокъ). На полотнищѣ вензель „Д" и надпись „Вѣрою спасется Россія".

ГРУППА А.

Н а д ъ з а п а д н ы м и в р а т а м и.

Рожокъ 16 гренадерскаго Е. И. В. Великаго Князя Димитрія Константиновича полка.

Рожокъ 83 пѣхотнаго Самурскаго полка.

3 юбилейныя ленты: 1 роты Севастопольской крѣпостной артиллеріи, 5 роты Севастопольской крѣпостной артиллеріи и 1-ой батареи 21 артиллерійской бригады; 3 Георгіевскихъ креста и 15 копій отъ знаменъ неизвѣстныхъ полковъ.

ГРУППА Б.

М е ж д у ш т а н д а р т а м и.

Образокъ Богоматери съ написью „Благословеніе родного храма доблестнымъ хранителямъ завѣтовъ гусаръ-Ингерманландцевъ".

Юбилейныя ленты 22 драгунскаго Астраханскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича полка.

ГРУППА В.

Рядомъ со знаменами саперныхъ баталіоновъ.

2 Георгіевскихъ трубы съ Георгіевскими лентами 3 сапернаго баталіона.

Образъ Св. Николая Чудотворца 5 сапернаго баталіона и Георгіевская лента того же баталіона.

ГРУППА Г.

Надъ южными вратами.

Образъ Спасителя 100 пѣхотнаго Островскаго полка.

Банты отъ юбилейныхъ лентъ неизвѣстнаго полка.

ГРУППА Д.

Рядомъ со знаменами 4 стрѣлковой дивизіи.

Образъ Св. Николая Чудотворца 13 стрѣлковаго баталіона и банты отъ юбилейныхъ лентъ неизвѣстнаго полка.

Образъ складень 14 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Гурко полка и Георгіевскія ленты.

Образъ Спасителя 14 стрѣлковаго генералъ-фельдмаршала Гурко полка и банты отъ юбилейныхъ лентъ.

Образъ Спасителя 16 стрѣлковаго Императора Александра III полка и бантъ отъ юбилейной ленты.

Двѣ Георгіевскихъ трубы съ Георгіевскими лентами 16 гренадерскаго Е. И. В. Великаго Князя Димитрія Константиновича полка.

ГРУППА Е.

Надъ Сѣверными вратами.

Образъ Спасителя 55 пѣхотнаго Подольскаго полка и юбилейныя ленты неизвѣстнаго полка.

ГРУППА Ж.

Надъ арками (сторона, обращенная къ западнымъ вратамъ).

Значекъ 3 батареи Дроздовской артиллерійской бригады.

4 Николаевскихъ ленты къ трубамъ 1, 2, 3 и 7 батареи Дроздовской артиллерійской бригады.

2 трубы съ двумя Николаевскими лентами 5 артил. дивизіона.

2 Николаевскія ленты къ трубамъ 3 батареи I отдѣльнаго тяжелаго дивизіона.

Николаевская лента къ трубамъ 7 батареи Корниловской артил. бригады.

ГРУППА 3.

Надъ арками (сторона, обращенная къ западнымъ вратамъ).

4 Николаевскихъ ленты къ трубамъ Марковскаго артиллер. дивизіона.

Складень 30 артиллерійской бригады.

ВИТРИНА

съ 45 Высочайшими грамотами различныхъ частей.

ЯЩИКЪ.

1) Скоба отъ знамени 155 Кубинскаго полка, 2) скоба отъ знамени 155 Кубинскаго полка, 3) скоба отъ знамени 155 Кубинскаго полка, 4) часть государственной печати и картонъ съ надписью „Знамя бывшаго 36 пѣхотнаго Орловскаго полка", 5) принадлежности къ знамени Уральскаго Казачьяго Войска, 6) кусокъ красной матеріи, снятой съ полотнища 53 пѣхотнаго Волынскаго генералъ-фельдмаршала Е. И. В. Вел. каго Князя Николая Николаевича полка, 7) ленточка и обрывки знамени 11 гусарскаго Изюмскаго генерала Дорохова нынѣ Его Королевскаго Высочества Принца Генриха Прусскаго полка, 8) серебряная полускоба Черноморскаго стрѣлковаго полка, 9) гвозди отъ штандарта 8 уланскаго Вознесенскаго Е. И. В. Великой Княжны Татіаны Николаевны полка, 10) гвозди отъ знамени 222 пѣхотнаго полка, 11) подтокъ отъ знамени неизвѣстнаго полка, 12) скоба 253 пѣхотнаго резервнаго баталіона, 13) подтокъ отъ знамени неизвѣстнаго полка, 14) надпись къ иконѣ Богоматери Ингерманладскихъ гусаръ, 15) замшевый чехолъ отъ знамени неизвѣстнаго полка, 16) гвозди отъ знамени неизвѣстнаго полка, 17) гвозди отъ знамени 235 Белебеевскаго полка, 18) гвозди отъ знамени 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка, 19) гвозди отъ знамени неизвѣстнаго полка, 20) Георгіевская лента отъ темляка и серебряная лента отъ знамени неизвѣстнаго полка, 21) гвозди отъ знамени 83 пѣхотнаго Самурскаго полка, 22) гвозди отъ знамени 156 пѣхотнаго Елисаветградскаго генерала Кн. Циціанова полка, 23) гвозди отъ знамени 221 пѣхотн. полка, 24) сорокъ шесть чехловъ отъ знаменъ, 25) принадлежности къ штандарту 11 уланскаго Чугуевскагв Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка, 26) коробка отъ штандарта Текинскаго полка, 27) деревянный ящикъ съ шестью футлярами отъ иконъ, 28) кусочки кремоваго цвѣта отъ штандарта неизвѣстнаго полка, 29) четыре ящика отъ Николаевскихъ лентъ къ трубамъ 1, 2, 3 и 7 батареи Дроздовской артиллерійской бригады, два ящика отъ Николаевскихъ лентъ къ трубамъ 3 батареи I отдѣльнаго тяжелаго дивизіона и одинъ ящикъ отъ Николаевской ленты къ трубамъ 7 батареи Корниловской артиллерійской бригады, 30) шесть чехловъ отъ знаменъ генерала Маркова и генерала Дроздовскаго пѣхотныхъ полковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ	7
Глава I. РОССІЯ ВЪ МАЛОМЪ	9
Глава II. БОРЬБА НАЛѢВО	18
Глава III. ОКОЛО АРМІИ	34
Глава IV. ТѢНИ ПРОШЛАГО	47
Глава V. БОРЬБА НАПРАВО	67
Глава VI. „ИМПЕРАТОРЪ“ И ВОЖДЬ	84
Глава VII. ЦѢНА КРОВИ	105
Глава VIII. ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ	123
Глава IX ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ	154
Глава X. ПО ЛИЦУ ЗЕМЛИ	184
Глава XI. ПОСЛѢ ДОЛГИХЪ ЛѢТЪ	205
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ (ФАМИЛІЙ) . . .	211
ПРИЛОЖЕНІЕ: Полный списокъ знаменъ и регалій Русской Арміи, хранящихся въ русской церкви въ г. Бѣлградѣ	221
ОГЛАВЛЕНІЕ	238

ОПЕЧАТКИ.

					напечатано:	слѣдуетъ:
Стр.	19	стр.	11	снизу	предсѣдателя	Президента
„	32	„	3	„	объединепные	объединенные
„	34	„	3	сверху	Національный	Національный
„	45	„	18	снизу	вѣдающао	вѣдающаго
„	57	„	5	сверху	Армій	Арміи
„	63	„	11	„	длн	для
„	63	„	11	снизу	пожеланіе	пожеланіе
„	68	„	6	„	подтвердились	подтвердилось
„	72	„	2	сверху	Коитета	Комитета
„	84	„	3	снизу	государстъ	государствъ
„	98	„	21	„	формироалась	формировалась
„	103	„	18	„	„бѣлоъ	„бѣломъ
„	135	„	25	сверху	esordres	desordres
„	136	„	5	снизу	безопрдяки	безпорядки
„	140	„	17	сверху	выполнялн	выполняли
„	142	„	17	„	Болгрское	Болгарское
„	146	„	10	снизу	форшевень	форштевень
„	151	„	3	сверху	отрадъ	отрядъ
„	154	„	1	„	Второ	Второй
„	155	„	16	„	спѣшнаго	нынѣшняго
„	159	„	16	снизу	и	и
„	160	„	10	сверху	нредпріятіи	предпріятіи
„	165	„	19	„	преступленіе	преступленія
„	165	„	10	снизу	открываюся	открываются
„	166	„	1	сверху	жандермеріи	жандармеріи
„	195	„	14	снизу	отношеія	отношенія
„	198	„	2	„	ремя	Время
„	199	„	18	„	ие	не
„	200	„	10	„	мена	меня

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
19 г.

Всѣ права, въ томъ числѣ право перевода на иностранные языки, сохраняются за авторомъ.